

РУСЛАН КАШТАНОВ

Ш
А
Р
А
Д
Д
А

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Руслан Каштанов

Шарада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42672756

SelfPub; 2019

Аннотация

Любовь рушится под давлением обстоятельств. Друг оказывается заклятым врагом. Невинного приносят в жертву. Новая жизнь несёт разрушение... Это история о том, как тьма поглощает свет. Книга – загадка. Книга – путешествие во внутреннюю империю человека. Книга о пересечении судеб... Содержит нецензурную брань.

Часть 1

Эпизод 1

Дина Возрождается В Ярости

Страх.

Страх, доводящий до деревянного оцепенения и телесного содрогания (одно последовательно сменяется другим, следуя резкой перемене мыслей).

И еще волнение.

Страх и волнение.

Именно такую реакцию во мне вызывали экзамены в конце учебного семестра.

Я говорила себе: "Это ведь просто промежуточный контроль! Переход к следующей стадии! Тривиальный пропуск к очередному этапу на пути к высшему образованию!".

Я рассчитывала, что рационализация способна искоренить из обычных вещей какие-то шаблоны или стереотипы. От части, это было так. Но только не в этом случае.

Временами стучали зубы, как на морозе (и от этого аудитория, где проходил экзамен, казалась холодной камерой). Иногда сердце начинало куда-то убегать, да так, что у меня, уже после, появлялось нормальное желание провериться у кардиолога. И, о Боже, в такие моменты я начинала потеть!

Finita!

Нужно взять себя в руки, и действовать!

Успокоительным средством всегда служит действие. Именно оно способно излечить нас от любых недугов. В том числе, и от повышенной невротичности. Все приходит с опытом...

Ладонь слегка вверх. И вот моему шпионскому взгляду открылся маленький клочок бумаги.

Подсказка.

Век технологий не заставил меня изменить старые привычки. Несколько верных тезисов, спрятанных от чужих глаз, и уже можно точно знать, какой ответ дать экзаменатору. Тезисы – это мой козырь.

Так, что это я такое написала? Так мелко, что не могу разобрать!

–Пс! – раздалось с задней парты, на четыре часа от меня. Я обернулась.

Кирилл. Лег на парту, надеясь на то, что сможет слиться с ней, как снайпер в траве. Думает, что ничего не видно: ни того, как он позвал меня, и как я ответила ему взглядом.

Кирилл молча ждал моей реакции. Я проявляла ноль эмоций.

–Третий билет, – сказал он внятными шепотом.

Это мой крест. Помогать нерадивым учащимся. В школе, почти в каждом классе, найдется парочка детишек, которые проявляют усидчивость больше, чем все остальные. Я как раз была одной из таких. До сих пор не могу понять, было ли это для меня в порядке вещей – постоянно оказывать под-

держку неучам. Конечно, я никак не могла избежать раздражения, и даже самой настоящей детской злости, когда меня облепляли со всех сторон умоляющие "дать списать" одноклассники. Но чаще всего я старалась сохранять хладнокровие и безразличие. Получалось плохо, но все же...

Помощь сродни милосердию. Видит Бог, я была милосердна ко всем, кому только могла помочь. И я говорю сейчас не только о глупых школьных контрольных, которые пугали меня не меньше, чем университетские экзамены. Полагаю, что в этом моя совесть чиста.

Но я твердо решила для себя, что у любого проявления милосердия должен быть свой промежуточный перерыв. Иными словами, в дальнейшем в мои планы не входило заявлять о себе, как о той школьной девочке, у которой постоянно можно клянчить выполненное домашнее задание.

Мы все-таки пришли за высшим образованием. Взрослые люди, как ни как...

Я видела его взгляд, который действовал вполне аккуратно: только лишь спрашивал, смогу ли я поделиться с ним тем не многим, что у меня есть (самым малым, черт возьми! всего лишь шпаргалка, ничего больше!). Где-то на дне была все та же знакомая мне мольба, но ее совсем не было заметно. Да... В том возрасте я навряд ли смогла бы ее отчетливо разглядеть. Я могла видеть лишь красоту. Безграничную мужскую красоту...

В общем, я тяжело вздохнула, открыто показывая свое

недовольство. И совершила следующее: сделала вид, будто проверяю (специально для него), есть ли у меня что-нибудь на третий билет. Пытаясь не перестараться в актерстве, я снова повернулась к нему, и обреченно покачала головой. И, будь я проклята, но его зеленые глаза стали серыми. На момент. Или мне это показалось... Он вынужден был просто вернуться к своему черновику...

Сказать честно, я была поражена.

Я и помыслить не могла, что встречу такую болезненную реакцию.

Хотя, глупости! Я это уже видела! Это вздорное отчаяние! Словно рухнул мир! Даже сложно представить, что это и есть реакция будущего мужчины!

Тут тяжело с чем-то поспорить. Все мальчишки (так же, как и девочки), не способные справиться с домашним заданием, испытывают горечь разочарования перед низшим баллом около своей фамилии в журнале.

Но почему-то именно это разочарование, именно эта сурость в глазах – печать упадка – такая смешная и мимолетная, заставила замереть мое дыхание. Я снова поняла, что это были не просто глаза, которые добивались от меня какой-то шпаргалки. Даже сейчас они ждали от меня ответных чувств. И я им отказала. Снова.

И то был последний раз, когда я так поступила. Больше я не смела ему отказывать ни в чем. По крайней мере, я старалась. Но это никак меня не спасло.

*Мой последний отказ мой вынужденный отказ мой грех
моя измена мое падение моя смерть я мертва я смотрю в
окно и я мертва я вижу как его просят сесть в машину и
он садится в нее и я понимаю что вижу его в последний раз
потом они уезжают они увозят его а я вижу это все из окна
идет дождь капли дождя бьются о стекло падают с веток
деревьев рисуют на лужах бесконечные круги и полукружия
и я мертва я мертва я не дышу стоил ему жизни.*

Да... Я так полагаю...

– Я что-то делаю не так, – сказала моя мать. – Да, я часто что-то делаю не так, как нужно...

– Не накручивай себя. – Я стараюсь успокоить ее. – Ты следуешь своим принципам. Позволь заметить, гибкостью они не отличаются.

В большинстве случаев можно услышать заранее, когда истерия начинает набирать обороты. Колокольчик звонит тихими фразами отчаяния или ненависти, окутанными атмосферой пустоты.

Сложно сказать, каким образом я тогда это понимала – скорее, это было что-то на уровне интуиции. Но, в любом случае, я предпочитала пресечь на корню надвигающуюся драму.

В тот момент, когда мы вдвоем ехали в машине, – мать пассажиром, а я в кресле водителя, – была замечена лишь тень трагедии, которую женщина вынуждена чувствовать

практически постоянно. Страдающая женщина – это особый тип человека. Естественно, избежать сомнений в своих действиях, когда все вокруг застилает полоса боли и безнадёги, весьма сложно.

Что касается моего отца, так он старался сохранять спокойствие и здравомыслие даже в самых стрессовых ситуациях. Впрочем, как и большинство мужчин. В этом я переняла пример от него. Мною вполне можно было гордиться. Подростковый кризис взросления я переживала стоически. В основном, ради того, чтобы подражать отцу. Но сколько бы спокойствия я на себя не надевала, внутри меня всегда бушевал ураган.

По отношению к этой диаде моя мать нередко чувствовала себя одинокой. Возможно, даже несчастной.

Как умная дочь, я старалась вести себя с ней деликатно. Драмы и сомнения преследовали мать, кажется, ежечасно. Поэтому следовало сказать что-нибудь вроде:

– Мне кажется, что ты все делаешь верно.

– Ах! – На ее лице сразу появилась печать благодарности. – Спасибо за поддержку, дорогая! Но все-таки тут интуиция меня не обманывает. Знаешь, как шестое чувство.

Она очертила в воздухе полукружие, видимо, в попытке изобразить интуицию.

Между прочим, мама без проблем умеет сама управляться с авто. Только в ее прерогативах быть пассажиром, а не водителем. Обычно этим занимается отец: возит ее из одно-

го конца города в другой. Но сейчас у него неотложные дела, и поэтому он попросил об этом меня.

Не она попросила. Он попросил...

На перекресте, где светофор загорелся красным, я посмотрела на свою мать, пытаюсь представить размеры ее шестого чувства, но помешал возникший образ: я увидела рядом с собой аристократичную женщину. Шляпка, изысканная блузка, дорогая сумочка. Так она собиралась посетить фитнес клуб. Спортивная сумка покоилась на заднем сиденье.

—Что же такого ты можешь делать неправильно? — спросила я у нее.

И пусть в моей интонации был неприкрытый сарказм, к счастью, мама не обращала на это никакого внимания. Меня это всегда ободряло. Оставаться самой собой я могла с обоими родителями; пусть и в разной степени, но все же...

—Не знаю, — ответила она. — Это как будто между человеком, и тем, что его окружает. Прямо перед носом! Хочется схватить за хвост, чтобы удержать, рассмотреть, как следует, и понять, что да как; да все мимо!

—Это что-то метафизическое! — заключила я.

—Даже не представляю, что конкретно ты сейчас имела в виду, но меня это определенно заставляет взволноваться.

—Это того не стоит. Я каждый день имею дело с такими понятиями, и с тем, что они в себе несут.

Я коснулась темы своей учебы в университете. А это зна-

чило только одно: пора поговорить о замужестве.

Поэтому следующим вопросом моей матери был:

–Ты уже нашла себе жениха?

Учебное заведение равнялось поиску жениха.

Я старалась выкинуть из головы этот вздор. Но эта мысль управляла мной. Ничто так не отвлекало меня, как вопрос выбора молодого человека. Я могла размышлять об этом часами. Слава Богу, есть силы, которые могут это остановить!

Моя родительница определенно не относилась к этим силам. Вся ее суть вечно толкала меня замуж, и иногда мне даже казалось, что если я не найду себе потенциального супруга в свой студенческий период, то после оно могу свободно считать себя старой девой. Даже не знаю, сама ли я когда-то вбила себе в голову эту глупость, или об этом как-то раз сказала моя мать. Для меня это большая загадка.

–Ты должна найти жениха!

–Знаю!

–Должна найти такого молодого человека, который понравится и мне, и твоему отцу!

–Не сомневайся, я это сделаю! Это будет моя миссия! Мой долг!

–Шутки в сторону! Ты еще девственница?

–Мама!

–Я интересуюсь с целью заполнить пробелы в твоём незнании. Не смотри на меня так! Ты не можешь все знать! Ты еще слишком молода! Определенно, я тебе еще не все

сказала.

–Точно подмечено. Но, думаю, эта тема – большая ошибка.

–Почему ты так говоришь? – Она заметно встревожилась. – Ты не получаешь удовольствия? Уверяю тебя, фригидность – это не приговор.

–Напротив, удовольствия я получила сполна.

Я тогда была строга к себе.

–Тогда в чем же тут может заключаться ошибка?

–Ну, это не ошибка... Скорее, благовесть...

Она сразу поняла меня. Ее лицо как-то вытянулось, глаза стали круглыми, и чуть открытый рот сложился колечком.

–Что?... – Она осеклась.– Ты?..

–Да, я беременна, – отчеканила я, пока выпал подходящий случай.

–Ты?... Беременна?..

–Дубль два: да, я беременна.

–От кого? Я ничего не понимаю! – Она беспокойно заерзала в сиденье. – Кто он такой? Он приличный человек? Из какой он семьи?

–Мама, прошу тебя!

–Ты огорошила меня! – Она старалась оправдать свое волнение. – Отвечай на поставленные вопросы! Уйми мою панику! Ты ведь спец в этом!

–Хватит махать руками! Я за рулем!

Ее внимание мгновенно переключилось на дорогу.

– Не забудь повернуть! Как так вообще получилось? Ну, вот смотри, теперь тебе сложно будет перестроиться! Я же говорила, что мы по поедем по второстепенной! Не по центральной! Не могу поверить, что ты все сделала тайком! Зеленый! Поворачивай!

Она было потянулась к рулю, но я вежливо прервала ее резкое движение.

– Поворачивай-поворачивай!

В толпе машин послышались громкие гудки.

– Ай! Посигналь ему тоже! ИЗВИНИТЕ! – говорила она громким голосом, хотя слышала ее только я. – МЫ ИЗВИНЯЕМСЯ! Да, шутки в сторону...

Потом она просто закрыла лицо ладонями, и замолчала. Настал момент успокоения.

Секунды стресса растаяли, оставив в душе мрак, через который медленно следовало пробиваться к свету.

Как и всегда, в такие моменты я проникалась к ней жалостью. Лицезреть ее попытки привести себя в норму после громких эмоциональных всплесков, было не самым приятным зрелищем. Ладонями она закрыла лицо, кончики указательных и средних пальцев легли на виски. Ее дыхание было громким и размеренным – таким образом, многие из нас учатся сдерживать истерику.

– Так! – вдруг жизнеутверждающе изрекла моя мать, открыв свой прояснившийся взгляд. – Кажется, я пережила легкий стресс, но мне уже легче...

Возможно, разделив ее нервозность, я и сама немного взволновалась. В любом случае, стараясь сохранять непосредственность, я выпалила:

–Я познакомлю вас с ним! Это не проблема! Должны же родители увидеть зятя до рождения ребенка, которого он заделал!

–Ты несешься галопом! Дорогая, мы же не на американских горках! Пощади!

–Мне показалось, ты сама об этом только что просила.

–Возможно. – Она была растеряна. – Я не помню. Мой разум был замутнен.

–Прости! – Извиниться. Необходимо извиниться. – Я снова проявила себя нетактично. Клянусь, что не так представляла себе свое признание.

Она посмотрела на меня так, как только умудренный опытом родитель может смотреть на своего еще глуповатого, но вечно любимого, ребенка. Именно в такие моменты я понимала, что передо мной умная женщина, которая пусть и отказывается от своего незначительного интеллекта в обмен на инфантильную беззаботность, но, все же, временами могла возродиться в зрелости, и быть более или менее убедительной.

–Конечно, я прощаю тебя, родная! – сказала она. – О том, сколько ему лет, и какого его происхождение, я поинтересуюсь у тебя немного позднее. И, поверь мне, на этот раз я не буду проявлять строгость. Только ответь мне сейчас на один

вопрос, и, учти, мне нужен честный ответ, без раздумий. Готова ли ты пройти с ним путь, который вам предстоит? Готова ли смотреть с ним в одном направлении?

После таких теплых слов, конечно, хотелось признаться во всем. Раскрыть всю нелицеприятную правду. О том, что я потеряла свой путь, который раньше постоянно виделся мне отчетливо; о том, что я скорее находилась на перепутье; о том, что я заблудилась, и мне предстоит еще долго бродить по одному и тому же периметру, без надежды найти выход...

Но ничего такого я не сказала.

Что-то остановило меня.

Кто-то... Тот, кто внутри меня...

И поэтому я дала четкий и уверенный ответ:

— Да, я готова!

Прозвучало вполне убедительно.

— Хорошо! — Она довольно улыбнулась мне, и ее взгляд снова утратил свой реальный возраст, полностью уступив место внутреннему ребенку. — Я люблю тебя!

— И я тоже тебя люблю, мама! Только... Погоди с объятиями. Нужно припарковаться.

Пришлось снова строить из себя взрослого.

За последний месяц я состарилась на полвека. Во мне не осталось сил, и простые движения даются мне с трудом. Я старуха в молодом теле.

Мне всего лишь двадцать три года. Это мой физический

возраст. Но моя Психея словно пересекла океан, где-то между небом и землей, удерживаясь на двух своих уставших крыльях.

Конечно, это вздор. Невозможно в моем юном возрасте знать о чувствах и переживаниях, которые приходят, когда переступаешь порог середины жизни.

Если вычесть из суммы прожитых лет вагон ошибок, что тянется за спиной, и груз вины, который с каждым разом становится тяжелее, и отягощает и без того нелегкую ношу существования, то тогда смело можно сказать, что я попросту взрослою.

Помню точно, как впервые ощутила неотвратимость надвигающейся зрелости.

Время от времени и в моей семье случались тяжелые времена.

Детское воспоминание: отчаявшиеся молодые родители спорят о своем финансовом положении, – мать, отвернувшись в стену, тихо плачет, а отец, с каким-то дурным выражением лица, смотрит в пространство; оба молчат. Тишина после бойни. Я смотрела на все это снизу вверх.

Немного повзрослев, на тот момент, когда наступило время поступать в университет, мне было ясно заранее, что надо бы и самой постараться подзаработать каких-нибудь денег для того, чтобы оплатить учебу – я считала, что это некрасиво, когда кто-то, пусть даже и родной человек, вкладывает в меня *такие* суммы денег. В наши дни высшее образование

хоть и не самый важный фактор в жизни человека, но, все же, его стоимость определенно предполагает финансовый доход выше среднего. Конечно, я устроилась на работу, и даже получала от нее некоторое наслаждение, дав тем самым своим родителям возможность вдохнуть немного воздуха. Но когда я стала всерьез задумываться о деньгах, я почувствовала, как черствею.

Работа и учеба – сочетание не для слабонервных. Я метила на Красный диплом, другого варианта и быть не могло. Поэтому приходилось постараться.

То был невероятный год, проведенный в постоянном движении. Я ложилась спать после полуночи, и поднималась через три или четыре часа, догоняя сон где-нибудь на работе, или на учебе, или в автобусе.

Именно в то время я понимала, что взрослею.

Потом произошло чудо. Меня вызвал декан, который выложил мне отличную новость: освободился один из грантов, и я главный на него претендент. Это был дар свыше. Настоящее вознаграждение. Мне вообще тогда казалось, что награда всегда найдет своего победителя; и что победителем не рождаются, ими становятся. Поэтому настойчивость никогда не покидала меня.

Одним словом, я была альтруисткой.

Уже позднее я смогла понять, что победа и поражение – это две сестры. И, хочется того или нет, общаться приходится с обеими. Необходимо было не только понять это. Но и

принять.

Не трудно догадаться, что при таком раскладе мой скверный характер набирал обороты.

Больше всего доставалось парням, которые умудрились влюбиться в меня. С ними я была строга, и ничего не могла с собой поделаться. Больше того, я была строга к себе – я не могла выбрать парня просто так, у меня всегда были к нему какие-то негласные требования. Поэтому, чаще всего, я оставалась одна. Конечно, мне всегда трудно было понять, что конкретно мне нужно видеть в своем потенциальном женихе.

Вообще, я с трудом могла вообразить, что из себя представляет любовь. Конечно, меня постигали мечты о принце. Но, кажется, дальше них я никогда не заходила.

Все это было до того момента, пока я не поступила в университет, и не встретила там пару зеленых глаз.

Пару зеленых глаз, которые, по началу, старались заинтересовать меня, потом быстро утратили на этом поприще энтузиазм, а затем и вовсе стали молить о взаимности.

В ответ я сомневалась. Боже, как же долго я сомневалась! Целый год ни к чему обязывающего общения, мимолетного флирта, и всевозможных тестов, которые мы устраивали, чтобы проверить друг друга на прочность и совместимость (чаще всего, итоги были положительными). Имеет ли женщина право сомневаться так долго?

Невероятно, но я до сих пор испытываю приятный тре-

пет, когда вспоминаю тот день, когда мы впервые пересеклись взглядами. Тот прекрасный солнечный день, когда я вышла, чтобы подышать воздухом, и поговорить с парочкой веселых одноклассников о том, как продвигается дело по поиску съемной квартиры – мы успели сдружиться, и у нас были все шансы стать верным трио, и жить вскладчину. И вдруг я заметила, как на меня пристально смотрит один молодой человек, тоже студент, и из моей группы, но с ним мы еще не пересекались; дело доходило только до приветствий. В его глазах не было ничего настойчивого или пошлого; они ничего не предлагали. Почему-то мне кажется, что это было проявление скромного желания, которому препятствует смущение от неопытности. Да... Моя память сохранила именно такой эмоциональный образ...

Конечно, потом он просто отвернулся, и продолжил общение с кем-то, кто стоял около него, и кого я даже сразу не заметила. Но во мне остался след. И этот след никуда не пропадает по сей день; напротив, его контуры становятся более отчетливыми. Я вижу линии...

До того момента я всегда смотрела на парней всего лишь ради интереса, и постоянного сомнения, которое преследовало меня, как тень, глупым вопросом, от которого рано или поздно, хочется избавиться: это мой потенциальный жених? Он? Не он? Может быть, этот?

Что тут скажешь? Результат воспитания и принятия общественных норм. Детская мечта о замужестве.

Да... Я встретила пару зеленых глаз, и этот глупый вопрос перестал мучить меня. Он утратил свою власть, и я поняла, что на молодого человека можно смотреть не только с обычным интересом, но и с истинным удовольствием, легким замирианием сердца и просыпающимся желанием.

А потом я родила сына... Я родила сына...

Я не сторонница абортов и никогда бы не сделала его даже захоти я сделать аборт мне бы этого не дали Аборт какое ужасно слово Аборт для кого-то спасение

Я вынашивала его в муках, и я рожала его в муках...

Не люблю вспоминать! Нет! Не хочу вспоминать!

Надо запретить себе...

Отец захлопнул за мной входную дверь.

–Я отвезла ее, – сказала я ему. – Все в порядке. Теперь она может заниматься собой весь день. Покрутить немного велосипед, поболтать со своими подружками, посидеть в сауне. По дороге она сказала мне, что они любят повиснуть в парилке, а потом сходить на массаж и в косметологию. Словом, это ее день.

Отец обнял меня, и, поблагодарив, добавил:

–На работе действительно был убийственный завал! Но его получилось разгрести гораздо быстрее, чем предполагалось.

–Не извиняйся. В любом случае, у меня все равно не было никаких планов.

–Отлично! Потому что мне совсем не хочется обедать одному!

–О, Боже! – Я закатила глаза, заходя в кухню. – Запах роскошный!

Он наложил мне салата из морепродуктов, и заранее подготовил к супу-пюре с овощами.

–То, что нужно! – обрадовалась я. И сразу прибавила: – Я сказала ей.

–Смелости тебе не отбавлять! Она отреагировала как обычно?

–Да. Но быстро смогла успокоиться. Мы как раз были на мостовой, и она выпустила пар на других водителях.

–Похоже, было весело!

–Я поступила грубо. Совершенно опрометчиво. Снова...

–Глупости! Ты проявила себя, как смелый человек – сказала все напрямую. Она к такому была не готова.

–Ведь я знала, что она никогда к такому не сможет быть готовой. Только забыла об этом, как и всегда! Я должна была помнить, и подойти к подобному признанию чуть мягче.

–Прости, но тогда это уже будешь не ты.

–Почему? Я вполне способна быть вежливой. И, вообще, в последнее время мне многое пришлось узнать о себе. О том, какой я могу быть, когда того требует ситуация.

–Надеюсь, ситуация не опасная?

Почему он задал такой вопрос? Родительская интуиция? Я всеми силами стараюсь вести себя непринужденно. Что

именно выдает меня? Нет... Это просто вопрос, ничего больше. Вопрос моего заботливого отца.

–Ситуации разные, – сказала я. – Больше всего меня привлекают разного рода уникальности. Всегда можно найти свои плюсы и сконцентрироваться на них.

–Мне нравится тон твоих мыслей. Где ты это нарыла? В интернете?

–Вообще-то, ты сам мне об этом говорил.

–Вот как? Уже не помню!

Лесть. Скрытая лесть.

Сильное оружие.

Все-таки я не выдержала и сказала:

–Хотя есть одна сторона в моей ситуации с Кириллом, которая мне не совсем по вкусу.

–В чем она заключается?

–Его умело используют. Причем, его же лучшие друзья. Это на столько очевидно, что постоянно раздражает меня! Я хожу вокруг да около, и не знаю, как сказать ему об этом. Уверена, он все примет в штыки.

–Не спеши. Надо разобраться. Во всем этом тебя раздражает что-то конкретное? Или не дает покоя сам факт?

Он умел задавать нужные вопросы.

Я задумалась.

Какой именно ответ мне нужно было дать, было непонятно. Я хотела получить совет от моего умного отца, обойдя кое-какие моменты, о которых весьма трудно даже вспоми-

нать, а не то, что говорить вслух. Но вдруг уперлась в тупик.

– Кажется, я пока не знаю ответа. – Лучше быть честной.

На секунду мне показалось, что он все понял: его любимая дочь оказалась в западне. В тот момент мне даже хотелось этого, чтобы он все угадал вот так, без слов, на одних эмоциях; потому что я бы все равно сама ничего не сказала. Ни ему, ни кому бы то еще.

*Теперь мои руки в крови Я больше никого не увижу Никого
Всегда один в поле воин*

– Послушай, – сказал отец, заметив мое замешательство, – ты уже взрослый человек, и способна нести ответственность за свои действия, и за выбор, который ты совершаешь. Если есть вещи, которыми ты пока еще не готова делиться, ты имеешь полное право оставить их при себе. Безусловно, вы пока еще молоды, и здесь сказывается отсутствие опыта. Я считаю, что у вашей пары есть внутренний потенциал, и зарабатывать опыт в семейных отношениях стоит уже сейчас, с этой минуты. Конечно, это исходя из твоих слов... Надеюсь, привирала ты самую малость.

Он подмигнул мне.

– Спасибо, что веришь в меня, пап! – Я решила поправиться: – Веришь... в нас...

– Не нужно благодарить за это, – сказал он. – Но, все же, мне хочется, чтобы вы оба понимали – порой наступают моменты, когда обойтись без помощи родни почти невозможно. Надеюсь, я говорю ясно?

–Я поняла тебя.

–Точно?

–Абсолютно!

–Отлично! Лопай суп!

Я чуть было не втянула своего отца в ужасную историю. Хорошо, что я смогла вовремя остановить себя.

Еще немного, и я бы точно пустила слезу, и описала во всех красках события последних месяцев.

Неважно... Я снова в гавани своей полноценности...

Нужно было заканчивать с обедом и двигаться дальше. Нельзя долго засиживаться на одном месте. Необходимо действовать. Пробовать все варианты.

Итак, у меня проблемы.

Я часто думаю о реакциях своей матери. Как бы она отреагировала, узнав всю правду? Ту правду, которая может показаться дикостью, сумасшествием, чем-то абсурдным...

Вообще, самым потрясающим открытием для меня стал вполне очевидный факт – люди не хотят знать правду. Она им просто не нужна. Готовность отмахнуться от короткого мига, который способен подтолкнуть каждого из нас на небольшой шагочек к истине, характерна для многих; и, между прочим, критиковать за это я никого и никогда не собиралась.

Что бы сказала моя мать, узнав подробности? Что бы сказала отец? Отвернулись бы они от меня?..

Правда пугает. Правда заставляет отвергать...

Словом, я не завидую своим родителям. Им придется проявить невероятную стойкость духа, если до них дойдут детали, которые я постоянно стараюсь затушевать даже в своем сознании.

Все это, конечно, глупо, ибо априори невозможно: подобное остается в тайне. До самого финала.

Но воображение не отпускает меня.

Представляю себе то, что на поверхности: до чего можно дотронуться, полюбоваться, подивиться. Вот оно, мое представление самой себя от лица своей матери: моя дочь забеременела от парня, которого я ни разу не видела и знать не знаю; причем, этот парень совсем не то, чего я желала для своей дочери (ну, да ладно; у каждого своя жизнь; махнем ладонью – будь, что будет). Но! Ребенок, который должен получиться от союза с этим молодым человеком, выделен знаком судьбы – ему положено быть избранным. И на этом моменте начинается самое интересное. Ведь это черта. Та самая черта, с которой начинается правда.

Меня, как мать, охватило бы чувство легкого беспокойства. О чем вообще речь? Стоит ли развивать эту глупость далее? Здесь слишком пахнет разрушением иллюзий!

Избранный? Для чего? И кем?

Так вот, есть люди, полностью уверенные, что мой сын – тоже из той когорты единичных лиц, которые в свое время изменили мир, явив ему священные истины; что он несет в

себе пламя!..

Даже не верится, что я об этом думаю. Я смотрю на своего ребенка, которому еще нет и месяца, и меня охватывают чувства, совсем не похожие на те, какие обычно вызывает вид младенца, сладко спящего в детской люльке. Эти чувства двойственные, и мне самой сложно их идентифицировать. Я стараюсь убедить себя, что мой маленький сын – просто еще один ангелочек, такой милый и сонный... Но я вспоминаю, как произошло зачатие, и что те обстоятельства так и не были поняты мной до конца.

Чушь Я все понимаю Просто не хочу признаваться себе в этом Не хочу выглядеть в собственных глазах черт знает кем

Когда я вынашивала его, то ощущала, как взрослою с каждым днем минимум на месяц или на два. Меня переполнял океан горечи, и это было нормально; и все тяготы жизни, четко представшие передо мной, один за другим, выглядели как нечто само собой разумеющееся. Как факт существования мира. Как нечто самоценное...

Черт его знает, что овладело мной! В любом случае, я старалась ни на йоту не выдавать себя. Не показывать того, как мой аффективный фон стал гораздо шире, чем ранее. Что мои эмоции теперь не просто определяются в ограниченных понятиях злости или ненависти, любви или страсти, чувстве ответственности или в праве выбора и свободы.

Я стала мыслить шире. Совсем немного. Но то было ис-

ключительно мое личное открытие, и мне не нужно было ни с кем им делиться.

Привычка просчитывать все наперед подкралась незаметно. Из обычной девчонки я вдруг превратилась в расчетливого стратега.

Для любой нормальной женщины существует аксиома: мать – защита своего ребенка; мать пожертвует ради него всем; в том числе, и своей жизнью, разумеется.

Что-то еще на первых месяцах беременности говорило мне: убивай! Убивай всякого, кто приблизиться к тому, кого ты в скором времени вступишь в этот мир! Охраняй его, не боясь нарушить ни одну из Божьих заповедей! Будь воительницей!

Короче говоря, весь мой материнский инстинкт был возведен в высшую степень. Долгое время я вообще ни о чем не могла думать, кроме того, чтобы обеспечить тотальную защиту тому существу, которое было внутри меня. Это было мучительно и патологично. Мне казалось, что мной руководят. Что мои мысли под чьей-то властью – куклы на веревочках.

И вот в такие моменты я начинала верить в уникальность своего ребенка. Через меня открывалась дверь в будущее, к новому поколению...

Конечно, я быстро уничтожала в своем сознании все эти яркие образы. Но люди, вера которых сильна, не оставляли попыток уничтожить мои сомнения. Они же уничтожили

привычный склад моей жизни.

Я не видела своих родителей уже больше полугода. Удивительно, как я все еще волнуюсь за их реакцию. Мне все еще хочется выглянуть в их глазах маленькой глупой девочкой. Я забываю, что то время уже прошло. И его не вернуть.

Мне все меньше и меньше верится, что я снова когда-нибудь смогу увидеть их. Как и Кирилла. Он потерян для меня навсегда. И, знаю, это плохо, винить себя после сделанного, но я все равно считаю, что совершила большую ошибку. Не нужно было идти на предательство! Нужно было обнаружить иной выход! Нужно было продолжать бороться! Но я решила все упростить...

Да что уж там говорить?! Я уверена целиком и полностью, что дверь ко всем привычным благам человечества, ко всем стандартам, которыми живет и дышит весь мир, – ко всему дверь для меня закрыта навсегда. Уж таков рок.

Но у меня есть нечто, о чем другие просто не догадываются – мое тайное перерождение; мое воскрешение; моя новая линия жизни.

Теперь каждый мой новый день – это акт войны, тихой и скорбной, в которой время от времени обнаруживается осколок чуда. Я полна решимости воевать.

Зачала Выносила А когда рожала мир треснул Он перевернулся Грани поменялись Я стала другой

В отражении я вижу не девушку, нет. Там женщина. Зрелая женщина. Мне даже порой видится седина, если в ком-

нате дурное освещение.

Но это вижу только я. Вижу по своим глазам. И только по ним. С ними можно совладать, и не выдать себя.

Я научилась быть скрытной, и делать так, чтобы этого не замечали.

Любая проблема решаема...

Да... Так я полагаю...

Ты сошла с ума Ты мертва ты мертва все мертвы

На улице летнее пекло. По центральному бульвару пробка. Ничего не остается делать, как ехать в объезд. Я стараюсь не раздражаться, и не думать о том, что из одного конца города, где находится мой отчий дом, до другого, где теперь жили мы с Кириллом, добраться на машине выходит на много дольше, чем на велосипеде.

Усталость и злость убивают меня. Мне трудно справляться не только с мыслями, но и со своим телом, – в последнее время мне кажется, что оно мне больше не принадлежит. Иногда меня это даже пугает.

Мне постоянно приходится выкручиваться, как жуку.

Я лавирую между соседними автомобилями, как ас, выезжая со своей полосы на встречную. Мне возмущенно сигналият, но ведь вы должны понять меня, ребята! За рулем беременная женщина! Взвинченная до предела беременная женщина! Почти что обезьяна с гранатой! Сигнальный гудок – просто шум из соседней вселенной...

Какие-то незнакомые переулки. Частный сектор. Старые домики. Новые особняки. Дырявый асфальт. Мне кажется, это продолжается вечность.

Единственное, чего мне хочется – добраться до своей квартиры, к которой я уже успела привыкнуть, окунуться в ванну, и полежать так немного, расслабившись.

В голове не умолкают голоса. Постоянно что-то твердят. Они еще громче, чем гудки этих неумемных водил!

А если бы ты знала как тебе поступать? Если бы было предупреждение? Ты бы сделала все по-другому? Ты бы отступилась от него? Прошла бы мимо него? И так и не смогла бы познать то совершенство любовных чувств которое было привнесено в этот мир. Ты не смогла бы познать испепеляющую страсть и многократные оргазмы от которых хотелось кричать. Еще и еще. Все это прошло бы мимо и тебе пришлось бы вести дальше свою размеренную и скучную жизнь. Видеть свое существование таким какое оно есть и признавать его таким какое оно есть. Разве это не чудесно?

Мне нужно поскорее доехать до дома. Поскорее до тишины и покоя. Сладостного покоя...

Я быстро припарковалась, поднимая вокруг себя клубы пыли, и распугивая прохожих.

Кажется, меня подташнивало. Еще один мой новый спутник. Иллюзия тошноты. Постоянно рядом. Постоянно вместе. Рвота случается, но совсем редко. Можно сосчитать по

пальцам одной руки.

Выбралась из машины, забрав сумочку и парочку необходимых вещей. Проникла в прохладный подъезд и поднялась на нужный этаж. Открыла дверь, переступила порог, и просто сбросила все на пол. Затем стянула с себя платье, и хотела уже приняться за лифчик, как услышала знакомый голос, от которого у меня все похолодело внутри.

– Жаркий сегодня денек, не правда ли?

Айдын.

Он сидел в кресле, которое было повернуто спиной ко мне. Я могла видеть только его затылок, и руку на подлокотнике.

Я замерла. Сердце стало биться чаще обычного.

– Я выпил уже больше двух литров воды, – сказал он, смотря перед собой. – Но мне все равно мало.

– Что тебе здесь нужно? – напрямую спросила я.

Он выдержал королевскую паузу, затем повернулся ко мне. Я стояла перед ним в одном нижнем белье. Меня это не смущало. Никто не мог помешать свободе моего уставшего тела. Даже настырный взгляд какого-то проходимца. Он изучил меня с ног до головы, и на его лице вдруг появилась ухмылка.

– У тебя отличная фигура!

Выказав восхищение, Айдын поднялся с кресла и двинулся в мою сторону.

– Я слышал, после родов женщина поправляется на

несколько килограмм. Тебя это не пугает? То, что ты можешь лишиться своей фигуры?

На самом деле мне абсолютно не хотелось с ним говорить, и я показала это всем видом: скрестила руки на груди и смотрела мимо него.

– Все всегда можно привести в норму, – вынужденно ответила я.

– Мило! – сказал он. – Изумительно!

Он продолжал нагло рассматривать меня.

– Я и не думал, что ты такая красивая. Там, под одеждой.

– Ты так много думал обо мне? – Я посмотрела ему в глаза.

Он снова ухмыльнулся и ничего не ответил.

– Зачем ты здесь? – спросила я, не ожидая конкретного ответа.

От этого человека можно было ожидать только неприятностей. Раньше, когда он находился рядом, мне было просто не по себе. Теперь же меня охватывала паника, которую мне постоянно приходилось скрывать, как нечто постыдное.

Как ни странно, это был друг Кирилла. Среди моих знакомых или друзей таких типов не было, и быть не могло.

– Я был намерен проверить, все ли хорошо, – сказал он. И добавил: – Я волнуюсь.

Здесь он слукавил. Его волнение было стандартным пустословием. Наглости ему было не занимать.

Мне было неизвестно, как с ним справиться. Тогда я еще многого не понимала. Я чувствовала себя в западне. И еще

я паниковала в самый неподходящий момент.

Я затараторила:

–Все вполне нормально! Правда, мне смутно представляется, что ты сейчас имел ввиду. Но это не имеет никакого значения! Потому что во всем реальный порядок!..

Он прервал меня:

–Ты так много говоришь!

Прикоснулся к моим плечам.

–Ты как будто нервничаешь. Такая мокрая!

Провел по плечам ладонями.

–Это пот, – сконфузившись, сказала я, желая отстраниться, но не смея сделать этого.

Он положил свою ладонь на мой лоб.

Спросил:

–У тебя температура?

–Нет у меня никакой температуры! Мне нужно освежиться! Но ты пришел

(мне хотелось сказать «ворвался», но, черт возьми, это же его квартира! Это он нам ее предоставил!)

Пришел, и, позволь заметить, ведешь себя немного...

–Тихо-тихо! Тебе нельзя волноваться!

Дотронулся кончиками пальцев до моих губ – остановил мою тираду.

–Ведь ты будущая мама! Ведь так?

–Верно.

Вдруг он положил свою ладонь мне на живот. На то место,

где зарождалась новая жизнь.

От страха, я замерла.

– Вот здесь! – сказал он. – Сосредоточение всего, что может остановить многое в этом мире!

– Опять начинается!

Я удрученно почесала лоб, отворачиваясь в сторону.

Айдын до сих пор держал руку на моем животе, и я не могла убрать ее. Мне было страшно прикоснуться к нему. Не знаю, что бы я сделала, пожелай он большего.

Вдруг, словно услышав мои мысли, он сказал:

– Я люблю беременных женщин.

Его рука поползла к моим трусикам, и в следующую секунду он уже оттягивал резинку, совсем чуть-чуть.

Во мне закипела злость.

– ...Люблю заботиться о них...

Между делом он уже приблизился ко мне на столько, что я могла слышать запах его тела. Духи, сигареты, и что-то еще... Наверное, то был его настоящий запах. Он улавливался вскользь, и вызывал ассоциации, совершенно логичные: уверенность, гордость, честь. Самодостаточность. Никакой душевной боли. Никаких сомнений. Он мог овладеть мной прямо здесь, на этом полу, и мне казалось, что даже небо не будет способно покарать его за насилие над женщиной.

Но тогда я никак не могла знать, что он априори не мог совершить подобного. Это было под запретом. Священное табу...

Черт возьми! Почему же я тогда этого не понимала?!

Страх.

Он отнимал у меня способность трезво мыслить. До сих пор не могу поверить, что я находилась в его плену в течение целого года. Я была парализована. Мое внутреннее зрение постоянно сосредотачивалось на собственном испуге, и не было способно видеть картину целиком.

Я считала это нормальным, испытывать смешанные чувства, попав в серьезную передрагу на пару со своим любимым... Мы были единым целым, когда сообща старались выбраться из этого кошмара...

Но ничего не выходило Мы завязли Тонули задыхаясь Топь затягивала нас глубже и глубже и мы боялись пошевелиться Боялись предпринять что-либо Всякое действие ускоряло неизбежное умирание Да Мы стремительно шли ко дну Вдвоем Вместе с ним

Все это был страх. Чувство, которое я никогда ранее не познавала до конца.

Теперь я имею о нем достаточно обширное представление. Но тогда я не смела проявить возмущение, когда меня касались руки хладнокровного убийцы.

– Я люблю защищать таких, как вы, – сказал Айдын, и вдруг отпрянул от меня. – Вы единственные из женщин, которых нужно защищать безоговорочно. Будь ты отъявленной стервой, предполагать и располагать было бы занятием пустым. Тебя в любом случае нужно было бы спасти. Потому

что в тебе плод. В тебе жизнь. На тебе печать благовести.

А если кто-нибудь вздумает обидеть тебя!.. Да что там, обидеть! Если кто-то захочет даже просто прикоснуться к тебе (кроме твоего мужчины, разумеется), то я просто убью этого человека!

Он достал пистолет, который носил под футболкой, – между телом и джинсами, – и нашел в воздухе воображаемую цель.

–Я выстрелю в этого человека. Вне зависимости, кто это будет – мужчина или женщина. Так что, если у тебя нет желания оказаться рядом с окровавленным трупом, сократи на сколько можешь свое общение с ненужными людьми. Поверь мне, лишним это не будет.

–Я сделаю все, что смогу. – Со временем это фраза стала для меня дежурной.

Во рту пересохло. Пульс участился.

Оружие. Раньше оно пугало меня. Теперь же я получала удовольствие от одного вида того, чем можно было отнять чью-то жизнь. Иногда я часами проводила в Интернете, изучая модели пистолетов, ружей и даже арбалетов. Это было, как наваждение.

Он приставил пистолет к своему виску, и я подумала, если бы у меня была возможность нажать в этот момент на курок, и увидеть его мозги, размазанные по стене, то при этом я бы испытала крайне непристойные чувства и ощущения.

–Я могу убивать не только ради того, чтобы достичь ка-

кой-то цели, – сказал он, почесывая дулом свой висок. – Убийство – это акт добра, Дина. Ты знала об этом?

– Не для всех, – ответила я, всеми силами стараясь держать себя в руках.

– Но для многих.

Он дышал глубоко и не убирал пистолета от своей головы.

– Я творю добро, когда убиваю. С такими мыслями я подхожу к делу.

На минуту его рассудок словно помутнился. Потом он опустил ствол, и, вроде как, стал успокаиваться. Его дыхание становилось более равномерным и спокойным.

– Мне нужно еще воды, – сказал он. – Я выпью стаканчик-другой, и еще немного посижу, поостыну. А ты, – он посмотрел на меня, – ты можешь заниматься тем, чем хотела. Мы друг другу не помешаем.

Мы разбрелись по комнатам: он – на кухню, я – в спальню. Взяв чистое белье и халат, я отправилась в ванну. Стоит ли говорить о том, что я закрыла за собой дверь на щеколду? Если бы имелся железный засов, я не постеснялась бы воспользоваться и им тоже.

Долгое время мое горькое одиночество сводило меня с ума. Я прокручивала внутри себя каждую ошибку, и пыталась стереть ее огромным ластиком, и нарисовать для себя все заново, таким образом, как это могло случиться в фильме с хорошим финалом. Все счастливы. Зло наказано. Я в

центре вселенной – и я сияю.

Пожалуй, именно поэтому я часто заходила на территорию, где хранились моменты моего абсолютно неосознанного счастья. Так я спасала свое сознание, которое постоянно находилось между стремлением к здравомыслию и путешествием в *белый oblivion*, где меня ожидало вечное забвение.

По собственному желанию, или против него, я возвращалась к прожитому счастью, при этом упрямо продолжая настаивать на настоящем, на волну, где я была воином, или борцом, где я была тайным мстителем.

Это всегда было так прекрасно – вернуться в сладостные минуты своей радости, такой чистой, такой искренней, и такой незаметной когда-то давно, в студенческие годы, и парящей где-то высоко в небе, теперь, когда наступило затмение, и ничего не видно – одни и те же тени сомнений...

Даже не верится, что совсем недавно около меня был человек, которому я могла распахнуть двери к себе настоящей, и никак не бояться осуждения или клеветы. Словно это было не со мной. С кем-то другим...

Пора студенчества...

В очередной раз Тим поднял меня с дивана, чтобы как следует повеселиться. Как и всегда, я не в силах была ему отказать. Для меня камнем преткновения всегда был один риторический вопрос: к чему же тогда молодость, если потом нечего будет вспомнить в старости? Конечно же, в мои планы не входило мыслить подобным образом лет до трид-

цати, – это я имела возможность наблюдать со стороны на примере чужих жизней. Но упускать полученного шанса в лице неумемного парня, который вечно гнался за собственной удовлетворенностью, и в свободе права выбора я не собиралась.

Кирилл мало что знал обо всем этом. Его постоянно **по-сещали** иллюзии на мой счет; иллюзии, за которые не стыдно; за которые не ругают. В основном, он воображал, что я по большей части домашний человек. Что я истинная домохозяйка. Собственно, я сама подсунула ему этот образ, сама не понимая, зачем. Видимо, что-то подсказало мне поступить именно так. Правда, в свою очередь, оказалась на стороне этого что-то, – Кирилл любил истинную женщину, ту женщину, которая ждет своего мужчину в их общем доме, с готовым ужином и теплотой в душе.

На тот момент у меня даже не было мыслей подобного рода – мой образ женщины не всегда сходился на супружестве или семейственности. Я жила со своим одноклассником под одной крышей уже второй месяц, и меня это весьма устраивало. Чувство свободы поглощало нас с головой. Почти каждый вечер нас тянуло «выйти в свет». Нам не сиделось дома, и мы готовы были познавать нашу личность в любых ипостасях нетрезвого состояния.

Признаться честно, меня хватало не на долго. А вот Тимон, кажется, мог пить спиртное ведрами, стремясь достигнуть таким образом высшей точки своей удовлетворенности.

Мы с ним были осведомлены о фактах химической зависимости, какого бы рода она ни была: алкогольная либо наркотическая. Поэтому рано или поздно, но я вижу красный свет. В то время, как Тим считает, что в измененном состоянии сознания кроется не то, что удовольствие в степени икс, но и глубочайшие тайны бытия. Мир полон знаков. Становится отчетливее виден определенный путь. Некая рука ведет тебя между зеркальными отражениями в бесконечном стеклянном лабиринте.

Мы были молоды и прекрасны. Он был Богом. Я – его Богиней. Мы были готовы к встрече с любым небожителем или обитателем земной тверди.

В своих мыслях я уже стремглав неслась по лестничному пролету в подъезде, чтобы только вырваться из четырех стен на улицу, запрыгнуть в такси и отправиться навстречу ритму, в котором движется этот мир, когда солнце уходит за горизонт, и на небе балом правит луна.

Ночь. В ней воздух из other side. Я вдыхала его, и чувствовала, как на какое-то недолгое время позволяла себе быть счастливой.

Да! Я готова к этому!..

Но Тим застрял в своем гардеробе. Он не сразу способен выбрать одежду, в которой ему будет хорошо и комфортно. Я, как верный друг, поддерживала его желание быть разным, и не похожим на себя. На того себя, каким его имела честь знать я – прагматик и реалист с тонким чувством юмора; от-

крытая душа и доброе сердце; и ничем неисправимая наивность.

Он снимал очередную футболку, чтобы примерить следующую. Как обычно, я получаю тихое удовольствие, наблюдая красивое мужское тело, занятое совсем не мужским занятием.

В нем сплелись две противоположности – типичная подростковая инфантильность и совсем не характерная для нашего возраста зрелость. Он говорил о сложных вещах, при этом оценивая свои дорогие шмотки, в попытке все-таки на чем-нибудь остановить выбор; он рассматривал свое отражение в зеркале так, словно старался уловить в нем тень самого себя; он был прекрасно сложен – для этого он постоянно отжимался, качал пресс, совершал подходы на брусьях и на перекладине. Но он всегда знал, что это не главное; и это тревожит его.

Тим не мог понять, в чем же тогда смысл, если не в удовлетворении самого себя или от жизни. В чем же тогда важность бытия? На чем стоит ставить акцент? Для чего и зачем мы нужны?

Он не скрывал своих мыслей, и мог резко менять темы бесед, ничуть не боясь смутить своего собеседника (временами, просто слушателя). В этом состоял его шарм. Он обольщал открытостью своего поиска.

Мы с ним сходились в одном мнении: если кто-то говорит, что поиск смыслов в корне должен быть чужд человеку, что

это, в принципе, бессмысленно и глупо, что истинная семантика здесь и сейчас, в этом и следующем дыхании, то, скорее всего такой человек обманывает самого себя.

Так мы полагали...

Возможно, я просто отстаивала поведение своего лучшего друга. Друга, которого у меня больше нет, и не будет.

Иногда Тим снится мне. В таком виде, как если бы я смотрела в камеру обскура. Или в негатив фотографического снимка. Он улыбается мне. Всегда. Но ему тяжело. Я чувствую его боль и смятение. Я, конечно, стараюсь помочь ему, даже сама не зная, в чем именно. Прямо там, во сне. Но у меня ничего не получается. Его образ уходит, стирается, тает.

—Мы собираемся веселиться, ведь так? — спросил он у меня, продолжая оценивать свои футболки, сложенные на небольшой двуспалке в его комнате.

—Не знаю, как ты, — отвечала я ему, покачиваясь в стареющем офисном кресле, — но лично мне интересно еще раз повидать того мужика, который втирал о пользе работы и занятости, и уговаривал меня не торопиться задумываться о деторождении.

—Ты запала на него, да? — Его брови в сожалении поднялись домиком.

—Нет, ни в коем случае! — Я замотала головой. — Скорее, он подкрепляет мою уверенность в собственных убеждениях по поводу самой же себя.

—То есть, ты отправляешься за подпиткой?

Он попал в яблочко.

–О, Боже, да! – воскликнула я, воздев к потолку открытые ладони. – Мне нужен этот кислородный коктейль из непринужденной беседы и взаимоуважения!

–Ты забыла про легкое возбуждение.

–Без него мы бы все были роботами.

Я оправдывала себя и всех себе подобных.

Тим посмеялся надо мной, и, не меняя спокойного тона, обозвал меня «грешницей».

–Грязная грешница! – сказал он.

И сразу добавил:

–А если его там не будет? Ты будешь разочарована?

Подумав, я ответила:

–Думаю, что да. Немного.

–Но ведь изначально мы отправлялись за весельем. Ты ехала, чтобы предаться праздности! Как же так? Отсутствие стимула, и мы резко превращаемся в собственные тени?

Он не говорил «ты» или «я». Он говорил «мы». Не имея в виду отдельно себя, или меня. Он говорил обо всех.

Я это понимала. Как и то, что он снова приглашал меня рассудить этот мир, и людей, которые в нем живут.

–Хочешь сказать, что этот несчастный женатый мужчичка есть стимул к моему хорошему настроению? – Я говорила напрямую. – Мужчина, который своим стремлением идентифицировать мои чувства старается затащить меня в одну из многих постелек, в какой-нибудь дешевой гостинице или на

съемной квартире. Он – стимул?

–По логике, да. Он – твой стимул.

–Если это так, то тогда мы определенно ежедневно упускаем нечто важное.

Тим неоднозначно улыбнулся, и снова переоделся в новую футболку, не забывая поправлять творчески украшенный беспорядок на голове.

–Упускаем удовольствие? – спросил он.

–От которого отказываемся, если отсутствует стимул?

Я всего лишь продолжала его мысль.

Он утвердительно кивнул, и сказал:

–Удовольствие, которое мы можем получить, если позволим себе это. Если дадим себе на это разрешение.

–То есть, мы можем встать на путь, где всегда будет только вечное наслаждение, просто подписав договор с самим собой на дозволенность получать удовольствие?

–Не бывает вечного наслаждения.

–Тогда что же будет, если мы все-таки дадим себе волю, и раскошелимся на гедонизм?

–Вариантов много. – Он остановил выбор между двумя футболками. – Исход всегда неожиданный...

Удовольствие – это не только вопрос выбора и дозволенности. Это еще и готовность испытать горечь от того факта, что ты все еще жив и дышишь, и способен испытывать разной степени наслаждение. Это готовность испытать боль.

Он натянул на себя поло зеленого цвета, поднял вверх

бортики воротника (это было уже давно немодно, но ему было наплевать), и снова добавил верности в хаотичной прическе.

–Я готов! – сказав это, Тим вернул на лицо свою улыбку на сотню долларов. – Извини! Заставил ждать!

–Зато мне теперь известно, в чем кроется мой стимул...

В таких непростых диалогах. В непринужденности. В честности. В родственности душ.

Теперь этого больше нет. Все уничтожено. Похоронено. Стерто.

Я застыла. Моего дыхания не слышно. Ни одного движения. Взгляд сосредоточился в одной точке, где видно страшные вещи, которые случились со мной. Я смотрю на все это десятки раз, прокручивая перед глазами, словно стремлюсь наказать себя, и не верю в реальность. Мне хочется, чтобы все обернулось страшным сном. Чтобы наступило пробуждение.

Разбитость и подавленность. Отчаяние.

Но мысль способна резко сменить траекторию.

Теперь я опять борец, и абсолютно четко знаю, что мне нужно делать и как поступать. Я больше не маленькая девочка. Хотелось бы мне сказать, что я юная леди, не смотря на то, что с любой другой «леди», которая попадалась мне на пути, я не могла продержаться и пяти минут. Но на самом деле мне хочется, чтобы все было именно так: чтобы

я была леди; той самой юной красавицей, размышляющей о том, какой будет ее будущий супруг, как она будет служить ему невидимой опорой, рожать ему детей, и, если понадобится, то не одного, и даже не двух; юная леди не может позволить себе капризов. Она сдержана и улыбчива. Она соблюдает этикет. Пожалуй, это объединяет меня с девушками подобного рода. Это то, что рано или поздно объединяет нас всех – способность к психической мимикрии. При этом мы должны быть сдержаны и терпимы. Иначе нам не перенести различия друг друга.

Хватит ли мне терпения быть терпимой? Боюсь, что нет. Но я готова поклясться чем угодно, что не подам никакого вида об этом. Это самое главное. Необходимо создать для окружающих удобоваримый образ. В то время, как внутри себя ты имеешь право быть совсем другой – той, кем тебе хочется быть.

Мне не хочется быть леди. Мне хочется быть убийцей. Я готова уничтожить тело и душу каждого, кто перешел мне дорогу за последние несколько лет. И мне не хочется молить Бога, чтобы все закончилось миром. Мне хочется спустить курок и увидеть кровавые пятна на стене – ошметки мозга моего врага. Мне хочется вонзить скользкое лезвие в человеческую плоть и проворачивать им в ней до того момента, пока я не услышу крики боли и отчаяния – страдания моего врага. Пистолеты и ружья, клинки и мечи, молоты и щиты. Я готова воевать. Я буду воевать. Война поселилась во мне

надолго.

В коридоре послышались приближающиеся шаги. Дверь в мою комнату осторожно открылась, и в проеме показалось знакомое лицо. Почти родное.

Нелли Артуровна. Профессор психологии. Мой преподаватель... Из прошлой жизни, когда я еще была несколько беззаботной студенткой.

Эта женщина прожила уже восемь десятков лет, и могла бы прожить столько же. Такое впечатление создавалось, когда мы смотрели на нее из-за своих парт – дети видели возрастное чудо. Несгибаемый человек. Волевой. И при этом никак не утраченное чувство детскости – мы почти всегда могли чувствовать себя с ней на одном уровне. За исключением тех моментов, когда она вдруг не превращалась в авторитарную личность и не командовала нами, как глупым стадом. Что поделаешь? На юношескую леность иногда приходится воздействовать весьма грубыми способами. Но все это не мешало нам, студентам, называть ее между собой по обычному, коротко, по ее имени: Нелли. Вот как она на нас действовала. Она была нам почти другом, не забывая о том, что она начальник, босс, главный. Настоящий лидер... Я бы пошла за ней на поле боя, если бы она была командиром. Без сомнения.

Она не стала полностью заходить в комнату, а только деликатно поинтересовалась:

–Дина? Могу ли я войти?

Мне хотелось говорить только глазами, одним взглядом. Но, преодолевая себя, я ответила вслух:

–Конечно!

–Здравствуй!

Она была искренне рада, и это было заметно. То, что я так легко впустила ее в свое пространство, означало, что я вполне была готова к диалогу, не смотря на свою глубокую подавленность.

Я также поприветствовала ее.

–Здравствуйте, Нелли Артуровна!

–Ты, конечно, знаешь, для чего я здесь. Люди беспокоятся о тебе. Более всех переживает Айдын.

–Это он вас пригласил?

–Совершенно верно.

Мне хотелось сказать, что это невероятно, но я просто недовольно промолчала.

Нелли продолжала:

–Как ты сама понимаешь, никто не решается говорить с тобой о твоих потрясениях.

–Вы хотите провести беседу о моих потрясениях?

На этих словах во мне проскользнул настоящий циник.

–Ты прекрасно знаешь, что переступив через самое себя, в итоге можно узнать многое. Океан истины не открывается сразу и целиком. Мы вынуждены каждый раз узнавать что-то новое, хочется нам того или нет. Переживания и потрясения есть ключи к новой двери, за которой таятся наш опыт

и осведомленность.

После ее слов я сразу вспомнила аудиторию с огромными старыми окнами, лекционную сосредоточенность, и зеленое полотно доски – фон за спиной преподавателя.

–Позволь мне присесть? – спросила у меня Нелли.

Она асс. Она идентифицирует мои чувства. Присоединяется к ним.

Я напряжена, но это не мешает мне быть более расположенной. Я убрала скрещенные на груди руки, удобней устроилась в кресле, продемонстрировала свою открытость.

Нелли с радостью принимает мою расположенность. Похоже, этого она и добивалась.

Мне всегда казалось, что в осознанной манипуляции есть что-то от дьявола. Бог никогда не стал бы нас толкать на такие действия. От этого мне начинает казаться, что возле меня сейчас посланница ада, которую мне не переплюнуть. Мне хотелось избавиться от такой ассоциации, но почему-то она не пропадала.

–Необходимо говорить, – сказала Нелли, присаживаясь напротив меня на свободный стул. – Дина, что бы тебе хотелось сказать в первую очередь?

–Если быть честной, то мне вообще трудно говорить в последнее время...

Мне не хотелось обманывать ее. Я говорила правду. Еще я могла бы прибавить, что Айдын специально подослал ее ко мне. Чтобы узнать то, о чем я думаю. *Все хотят знать, о*

чем я думаю.

Мы выдерживаем молчаливую паузу. На ее месте я бы уже подумала, что зря трачу свое время на бывшую студентку, которая впала в возрастную депрессию – такой я видела себя со стороны.

Неожиданно я начинаю подумывать о том, как намекнуть ей на то, что нахожусь в заточении. На то, что меня удерживают в этой комнате силой. Меня и моего ребенка. На то, что я запугана.

Вместо этого я сказала:

–Я собираюсь положитьсь на время. Все должно быть так, как оно есть. Я признаю существующее положение вещей, сколько бы переживаний мне не пришлось испытать от данного факта. Житейская мудрость «время все лечит» подходит сюда как нельзя кстати.

–Правильно ли я понимаю, что своей историей тебе делиться не хочется?

–Абсолютно верно! Ни к чему рассказывать то, что в скором времени порастет быльем. Я уверена, все рано или поздно забудется. Нужно двигаться дальше. Уверена, мне в этом помогут. Айдын действительно оказывает мне непосильную моральную поддержку.

Особенно в том плане, что подсылает ко мне ни в чем неповинную преподавательницу, пользуясь ее участием... Или за этим стоит что-то еще?

–Ну, что ж, – сказала Нелли. – Я вижу вполне зрелый под-

ход с твоей стороны. У меня никогда не было сомнений в том, что ты волевой человек. Но, Дина, прошу тебя не забывать, что есть и более короткие пути к тому, чтобы начать новую жизнь. Не стоит во всем полагаться только на время.

—Сомневаюсь, что готова к этому именно сейчас. Как только я начну испытывать настоящие трудности, обещаю, что сразу дам знать о том, что мне требуется проводник.

—Айдын уверен, что ты в глубокой депрессии. Что ты близка к пограничным состояниям сознания.

—Это всего лишь мужское видение. Я не собираюсь кончать самоубийством или сходить с ума на почве типичной бытовой истории.

—Поэтому не видно Кирилла? Вы с ним повздорили?

—Можно сказать, да. У нас возникли серьезные разногласия.

Как же хорошо, что всегда все можно списать на любовную драму.

—Дина, я понимаю — в свое время тебе пришлось лишиться верного друга.

Она говорила о Тиме. Зачем же она это вспоминает? Испытывает мои нервы на прочность? Идиотизм!..

—Теперь рядом с тобой нет твоего любимого... Но, все же, я сомневаюсь, что такая сильная женщина, как ты, может так переживать по этому поводу. Наверняка, есть что-то еще, о чем тебе хотелось бы сказать мне, и вылечить свою израненную душу.

Она доводила меня до слез, до истерики. Но я держала себя в руках.

–Дина, когда-то я узнала, что если мне необходимо сдерживать дружбу с дорогим мне человеком, то мне прежде всего нужно сделать только одну вещь: почаще позволять ему врать. Ты мне дорога, поверь мне. Но не на столько, чтобы я позволила тебе заниматься самообманом. Прости, но лгать ты пока не умеешь. Откровенная ложь – это, в первую очередь, самообман. Твой собеседник становится обманут только после тебя самой.

–Но...

–Я пойду. – Она поднялась со стула. – Если тебе действительно захочется поговорить, дай знать. Скажи Айдыну, он с радостью окажет тебе услугу. Или просто напрямую свяжись со мной. Клянусь тебе, это не сложно. Нужно просто иметь смелость набрать номер, поднести телефонную трубку к уху, и заявить о своей готовности говорить.

–Да, но как вы поняли, что...

Я была шокирована ее напористостью. Кроме того, она выглядела оскорбленной. Для чего она так ведет себя?

–Это не важно. Всего лишь секреты техники.

–Возможно, Айдын мог рассказать вам что-то.

–Бог с тобой, дорогая! Самое ужасное при знакомстве с каким-то человеком, так это иметь о нем представление от других людей. Я не смогла бы разговаривать с тобой так уверенно, если бы Айдын выложил свое субъективное мнение.

Мне намного легче быть в неведении, знаешь ли.

У меня вдруг начало складываться впечатление, что она обо всем знает. Это ощущение возникло как-то само по себе. Наверное, все из-за того же не пропадающего чувства – мной манипулируют. Направлением моих мыслей и степенью эмоциональности.

Она ведает. Она обо всем ведает. Лишь играет определенную роль.

Паранойя У тебя паранойя

– Должна признать вашу проницательность, – сказала я. – Обещаю, что прислушаюсь к вам.

– Хорошо. – Она пристально посмотрела на меня. – Ты растешь, Дина. Твои года и приобретенный опыт приносят тебе мудрость, которой нет у остальных.

К чему она клонит?

– Ты стала невероятно умна, Дина. Студенткой ты была смышленной девушкой. Но сейчас у меня осталось совершенно иное впечатление. Только что я говорила с крайне опытным стратегом! Видишь ли, не все к этому склонны.

Я полностью лишилась дара речи.

Профессор не останавливалась:

– Надеюсь, наш недолгий разговор не был лишним, и твоя уверенность послужит тебе только во благо! Прошу тебя ни в чем не расстраиваться! Всем нам рано или поздно нужен кто-то, кому есть возможность хотя бы просто выговориться. Не забывай, у тебя эта возможность есть постоянно. Не буду

больше трепать твою душу. Бывай!

Она развернулась и быстро покинула комнату. После нее остались только удаляющиеся шаги – обуви с каблучками – глухой стук по паркетному полу. И мое недоумение...

...Это был мой вынужденный отказ мой грех моя измена...

Я предала его, и теперь у меня остался только его сын.

Я вновь и вновь прокручиваю все в своей голове – как же это могло случиться, как мы пришли с ним ко всему этому. Но моя мысль сбивается, спотыкается на тех памятных моментах счастья или бесконечных ссор, которые бывают между молодыми влюбленными.

Я помню, как не могла отказаться от идеи идеализировать наши отношения, нашу с ним связь. Это всегда было выше моих сил. Мне казалось, что рядом со мной лучший мужчина, а я, соответственно, лучшая женщина, которая могла ему достаться. У нас был лучший секс, и лучшие серии оргазмов. В то время, как все вокруг пребывали на седьмом небе от счастья, мы с ним взлетали выше атмосферы, отправлялись в космос, и оказывались в центре Вселенной всякий раз, когда находились на одном из пиков нашего недолгого счастья.

Тот момент, когда я вдруг поняла, что мирное сосуществование со своим любимым лежит несколько в другой плоскости, нежели чем в физической близости, наступил слишком поздно. На столько, что уже даже не стоило сожа-

леть. У меня осталось чувство незавершенности, уходящее тонкой линией в бесконечность. После того, как его у меня забрали, я поняла, что огромной части меня самой больше не существует. Эта часть отправилась вместе с той линей, в то бесконечное путешествие, в поисках души любимого. Оставшаяся часть меня осталась примиряться с реальностью. Договариваться с ней. Идти на компромисс. Заключать договора...

Хотя, удивительно, как со мной остались только яркие моменты, и как я умудрилась позабыть все темное и страшное, что связывало нас в последнее время. Особенно то, как я отказывалась доверять ему. То, как находила в нем врага. Ну, или хотя бы засланного шпиона, исполнителя.

Короче говоря, моя подозрительность возросла до неприличия высоко.

Я долгое время не хотела с ним говорить. Мне казалось, что он постоянно меня предает. Мои мысли были сильнее меня, и он чувствовал это, и не знал, как ко мне подступиться.

Но в какой-то момент он собрал волю в кулак, и, сев рядом, обнял меня так, как это мог делать только он – со всей любовью, которая в нем была, со всей отдачей, не оставляя себе ничего, и огромной беспомощностью, которую он никогда не боялся скрыть.

Мы оба молчали. Мне не хотелось отвечать ему взаимностью. В то время я чувствовала в себе первые изменения.

С моим телом и мыслями, со всем, что окружало меня, стало что-то не так. Все изменилось. Все стало другим. Долгое время я действовала на отторжение. Мне хотелось вернуть себя ту, какой я была. Но взрослый человек внутри меня настойчиво повторял мне, что время невозможно повернуть вспять, что все, что сделано, уже сделано, и незачем обращаться к прошлому, которое оригинально и неповторимо.

Я уронила голову на его плечо и сказала:

–Кирилл, ты должен признать тот факт, что ты не слышал меня.

–Я признаю!

Он обнял меня еще крепче и повторил:

–Признаю!

–Без этого я не смогу идти дальше! Мне нужно твое признание! Мне нужен ты! Я не смогу справиться со всем одна! Ты должен переступить через себя, признать несостоятельность своих слов, и встать, наконец, на мою сторону!

–Я уже это сделал! Верь мне! Я тоже не могу без тебя!

–Я больше никому не могу верить!

Это был тот момент, когда вымотанная женская суть поднималась со дна глубокого колодца, чтобы проникнуть в мужскую пещеру, в его логово, и испытать теплоту и созидательную силу, какая в ней была. Тот самый момент, когда мужчина просто выслушивает женщину, и дает ей возможность оказаться самой собой – такой, какой ее сотворила сама природа.

Переживания захлестнули меня. И я больше не могла себя сдерживать. Реальность была самой болезненной вещью, с которой я сталкивалась.

Но мои же слезы были для меня чужими. У меня было ощущение, что плачу не я, а только мое тело. Внутри я была сильна, как никогда прежде. Я разделилась напополам. Одна моя часть билась в истерике, а другая пребывала в умеренном спокойствии. Одновременно я была сильна и беспомощна. И я вдруг поняла, что это были слезы прощания. Я выпускала из себя подростка; девушку, которая старалась быть верной своим родителям.

Я становилась воином.

—Мы должны разобраться со всем этим! — твердо говорила я сквозь слезы.

Для Кирилла в ту минуту настал переломный момент. Он перестал меня узнавать. Я почувствовала это. Моя истерика была не просто очередным желанием полить слезы в мужскую рубашку (так это обычно видят мужчины); еще я стремилась к действию, к тому, чтобы решить проблемы. Для него это было непривычно. В его глазах было скрытое удивление.

—Мы должны понять до конца не только то, что случилось здесь, в этой квартире, но и что было вне ее. Ты понимаешь меня? Нас сюда затолкали силой — это очевидно. Но я не могу понять зачем... Это какая-то загадка, которую необходимо разгадать. Глупый заговор. Безумие. Все путано. Скры-

то и непонятно. Но мы найдем здесь свою логику. Подберем нужный ключ, чтобы открыть дверь, через которую сможем выйти. Ответы есть. Я знаю это!..

Кирилл, ты должен быть на моей стороне! Должен быть со мной!

–Я обещаю тебе, – сказал он, – я буду с тобой! Посмотри на меня, и скажи, что веришь мне!

Мне не требовались какие-то слова, чтобы подтвердить свою веру. Вместо этого, заглянув в его глаза, искавшие прежнюю Дину, девушку, в которую он был влюблен, и которой уже почти не существовало, я твердо сказала:

–Нам нужен план.

У всех есть план.

Выживают только умные стратеги.

Война – это не шутка.

Мне хочется сожалеть. Но я не могу.

Я высушена изнутри. Во мне бесплодный сад. Все сгнило.

Пустыня.

Я опустошена.

Остался один росток. Он пробивается там, где все выжжено. На том месте, где никогда и ничего не должно было вырасти. Но для этого растения это то самое место. Нужное место. Потому что это цветок ярости. Его длинный стебель в острых иглах, а лепестки горят пламенем ненависти. Он пылает, уничтожая все вокруг себя. Корни цветка питаются

чувством мести, что живет во мне тихо и порой незаметно. Желание отомстить разрастается во мне, все сильнее охватывая мое сознание.

Я окаменела. Я камень. Я статуя. Старая статуя, на которую больше никто не обратит внимания. Я разваливаюсь, и мне плевать на реставраторов; на тех, кому вдруг захочется мне помочь. Я смогу решить все сама. Как и обычно. У меня получится. Я уверена в этом.

Я волчица, которой хочется только одного – выть от горя. Мой сад бесплоден. Я Ева, лишенная своего Адама, порочная и грязная. Я выносила и родила. Вынесла всю боль, какую только можно испытать от потери. Я вернулась в Эдемов сад, и не обнаружила ничего, кроме запустенья.

Девочка-подросток, которая постоянно пугалась глупых экзаменов, исчезла окончательно.

Я постарела. Я старше этого мира. И я бесстрашна.

Эпизод 2

Кирилл Получает Удары

Когда мы зачали нашего сына, Дина стала оберегаема иной силой, противоположной той, что дает нашему телу движение, а сознанию некую уверенность в безопасности.

Еще до того, как она поняла, что беременна, и до того, как ее не лучшая сторона характера (какая есть у каждого из нас) не начала быть основной чертой ее личности, – я чувство-

вал эту ядовито-парализующую энергию, ставшей мне препятствием в привычном жизненном ритме.

Мы – я и Дина – были дверью. Находясь в неведении, обманутые человеком, называвшимся другом, мы невольно позволили появиться в нашем воздухе новой частице. И теперь она распространяется, почти как вирус.

Когда я впервые увидел демона, я подумал, что схожу с ума. Долгое время я был уверен, что он пришел за мной. Что он предвещает мою гибель.

На самом деле он явился, чтобы оберегать Мать. Чтобы быть невидимой защитой для Дины. И, что еще важнее, для ребенка, что был в ней.

Он смотрел на меня своими мертвыми глазами, замерев, как статуя. Вселяя в меня страх, он отнимал у меня право на отцовство. С самого начала вся его фигура говорила мне только об одном: мой ребенок никогда не будет принадлежать мне.

По его появлением можно было угадывать настроение моей девушки: демон пропадал в никуда (по крайней мере, я его не видел), и Дина становилась той милой девчонкой, какой я ее знал с самого начала; демон вновь объявлялся, и было ясно, что движется грозовая туча, – в Дине просыпался *отравленный воздух*, которым мы с ней постоянно дышали, находясь в квартире с заколдованными стенами...

Бывало хорошо, если она соглашалась идти на контакт, и позволяла успокоить себя, как кошку, которую можно было

погладить и прижать к себе. И плохо, когда она превращалась в настоящего дьявола. Порой ее глаза становились настолько мутными и злыми, что ее можно было бы легко принять за агрессивную наркоманку.

Но она всего лишь была переутомленной беременной женщиной молодого возраста.

Так я предпочитал думать об этом. Такой подход многое упрощал. Особенно ее смены настроений.

Конечно, в то время я не понимал всего этого. Все, на что меня хватало, так это на внутреннюю панику, бесконечный стресс и никак не пропадающее чувство отчаяния.

Я понимаю это сегодня, теперь, когда нахожусь на безопасном расстоянии от всего, что было со мной и Диной. Когда я не вижу будущего, но точно знаю, что спасен...

Я старался поговорить об этом с Нелли, – с нашим мастодонтом психологии. Но мне мешали сомнения, неуверенность, и какая-то огромная стена в моем сознании, которая возникала передо мной и всем остальным миром, как только у меня появлялось нормальное желание поделиться с ним теми странными событиями, участниками которых стали я и моя девушка.

В основном эта стена держалась на огромном количестве спиртного, выпитого мной, чтобы заглушить стресс, и на том чувстве внутренней пустоты, овладевшим мною за пару месяцев до зачатия нашего ребенка...

До сих пор помню свой первый серьезный разговор с Нел-

ли. Он касался курсовой работы, к которой я вроде как и подошел с некоторой серьезностью, но все равно выполнял ее в дальнейшем с трудом и ленью. В общем, в этом плане я не отличался от большинства знакомых мне студентов.

Весь наш поток страдал отсутствием сосредоточенности, рассеянностью внимания и неумением воспринимать науку как нечто серьезное, значительное и важное.

Это была игра, в финале которой у тебя оказывался диплом с пометкой об окончании высшего учебного заведения. Я старался играть по ее правилам. Не более.

Правда, когда ты начинал работать с Нелли, то игра и ее правила уже не имели никого значения. Приходилось ширить свой интеллект и прибавлять навыки, – расти не только вверх, но и в стороны.

Она задержалась всего на минуту, но извинилась за это. Села напротив, и я впервые смог отчетливо увидеть ее ясный взгляд, – взгляд человека, тело которого уже разменяло седьмой десяток, но умом и сознанием не постарело ни капли.

–Итак, Кирилл, – сказала она, – это твоя первая курсовая. Напомни, пожалуйста, какую тему ты выбрал.

Нельзя сказать, что в тот момент я чувствовал сильное волнение. Скорее, оно накатывало в определенные моменты нашей беседы.

Как, например, в эту минуту, когда я начал говорить, – осторожно, будто ошупывая почву:

–Это в рамках семейной психологии... Распространенная

проблема, на мой взгляд.

–Звучит интригующе! – Она улыбнулась куда-то в сторону. – Так что же это?

Я робко кашлянул, но ответил уверенно:

–Алкоголизм в семье.

–Да, – сказала она.

В ее глазах проскользнуло какое-то понимание.

–Нам необходимо придти от общего к частному, – сказала она. – Данная тема, видишь ли, крайне обширна.

Она говорила о зависимостях: алкоголизм, наркомания, токсикомания, лекарственная зависимость; зависимость от секса, зависимость от азартных игр, зависимость в поле духовных исканий. Список продолжался, но половину я уже не слышал. Просто не мог относиться ко всему этому всерьез.

–Не стоит бояться объемов твоих будущих познаний. Мы – ученые, и способны видеть сквозь пелену того, что видят все остальные. Не сразу, конечно. Постепенно.

Общество само выбрало быть зависимым от удовольствий. Это наше открытие. Как и то, что любая зависимость характеризуется повышением невротизации или воспитанной истероидностью.

–Воспитанной?

–Всю жизнь в нас воспитывают психические процессы, о которых мы даже не подозреваем. Скажу тебе больше, – многие все еще думают, что характером нас наделяет Бог.

–Это не так?

Она засмеялась, но оставила мой вопрос без ответа.

– Хорошо, – сказала она. – После того, как мы изучим все общие характеристики, необходимо перейти к вопросу, который будет нас волновать больше всего. Какой вопрос волнует тебя лично, Кирилл?

– В основном, как помочь человеку завязать с выпивкой.

– Лечение и терапией ты будешь заниматься намного позже. И то, если захочешь. Прости, но так устроена система. Для начала необходимо исследовать территорию. Так вот, – что именно может волновать тебя в семейном алкоголизме.

Я готовился к этой встрече, и к этому разговору, подозревая заранее, что придется почувствовать себя в какой-то степени обнаженным.

Но ведь это всего-навсего короткая встреча. Беседа с педагогом. По поводу первой курсовой работы. Ничего более. Подобных разговоров еще должно было быть десятки.

Я ответил:

– В некоторых семьях спиртное употребляют все, без исключения. В немалых дозах. Этот момент волнует меня больше всего.

Долгие и муторные годы, прожитые со своими родителями, и родным братом. Под одной крышей... Все это время *этот момент* не давал мне покоя...

– Да, мой дорогой, ничего прекрасного в данном факте никогда не обнаружится. Но это – правда жизни, с которой нам предстоит работать. Правда, которая выглядит ужасно,

к примеру, для пропагандистов здорового образа жизни.

Ты улавливаешь разницу?

–Примерно, да... – Я неуверенно кивнул.

Она улыбнулась.

Похоже, я выглядел в ее глазах весьма забавным.

–Думаю, тебе предстоит достаточно увлекательное путешествие в изучении тех процессов, которые всегда казались тебе важными.

–Несомненно.

Она заметила мой конфуз.

Я стал собираться. Мы договаривались о пяти минутах, и они уже истекли. Свое первое задание я получил.

–Вот что, Кирилл. Погоди... – Она остановила меня. – Мы пришли в психологию, чтобы помочь самим себе. Каждый из нас. Так вот, если ты не сможешь подружиться с правдой, то она тебя просто съест. И не подавится. Поэтому, если у тебя есть чем поделиться со мной, то сейчас самое время.

Она приглашала меня на исповедь.

Или, проще говоря, на обычную консультацию.

Конечно, мне было это необходимо. Но не в данный момент.

–Спасибо, – сказал я. – Мне нужно подумать над этим.

Мы попрощались, и с той минуты мне открылась дверь к рефлексиям – нудным внутренним процессам, когда постоянно оглядываешься назад, смотришь по сторонам, и купаешься в неге того, что может случиться дальше.

Мое пьющее Я, на пару с моей семьей, в которой я вырос, были неизменными элементами представлений о моем существовании.

Когда я стал исследователем, с течением некоторого времени, данные элементы все же поменяли в моем восприятии отрицательный знак на нейтральный.

Но я никогда бы не смог подумать, что они станут тесно связаны с теми моментами в моей жизни, возле которых я всегда ставил знак «плюс» (+).

Теперь же я словно маленькая девочка, шагнувшая в зеркалье.

Все перевернулось. Люди, которых я знал, больше не те, какими они представлялись до этого.

Злое чудище расцарапало мою ладонь, и на ней больше не разглядеть линии жизни. Там больше нет любви. Нет дружбы. Нет веры.

Пустота.

И линия горизонта, оставшаяся неизменной...

Рефлексии продолжались.

Но в них не было ни Дины, ни демона, который постоянно оберегал ее.

Как же странно, что эти оба слова начинаются с одной буквы...

...В этой комнате я просыпался каждое утро. В этом доме, что стоит среди десятков остальных, в чем-то подобных

ему. Морозным зимним утром я растапливаю печь, чтобы прогреть дом, в котором живу, – для тепла, для уюта. Это моя обязанность.

Вот эта улица: длинная, долгая, до автобусной остановки не меньше получаса.

Эпицентр моего недолгого существования. Фокус не успевшей окаменеть души. Нелады с самим собой...

На дороге нет асфальта. Старые деревянные заборы, от которых уже давно хочется избавиться. Сосед с огромными лающими псами. Соседка, чересчур влюбленная в косметику, но не способная оценить ее достоинств. Ее некрасиво размазанный face постоянно напоминает престарелого трансвестита, сбежавшего с экрана телевизора.

Время встало.

Словно впереди захлопнулась дверь.

Вечером по этой улице бродит соглядатай, который не дает времени идти дальше.

Где-то здесь проходит черта: между незаретушированной правдой, и ужасом, который выбрало мое сознание. Между краем и пропастью.

Где-то здесь есть спасение...

Моя семья была в плену зеленого змия вечность. Столько же времени мы предпринимали бесчисленное количество попыток быть единым целым, даже если между нами текли потоки непонимания, – линии электропередач, временами дающие сбой. Вера в наши стремления никогда не покида-

ла нас. Мы хотели быть *вместе*. Мы хотели быть *одним*. Мы желали, чтобы все это когда-нибудь решилось само собой. Каждый из нас жил в своей мечте. В своей иллюзии. Они казались единственно верными.

Одновременно нас связывало и разделяло лишь одно в этом мире. Спиртное. Вместе с ним мы были умирающей и вновь рождающейся вселенной, сферой, идеальная окружность которой вдруг менялась на нечто уродливое, за что было стыдно не только друг перед другом, но и перед окружающими.

Я честно старался обнаружить свое отражение в зеркале того, что меня так долго окружало. Старания эти были напрасными.

Мое спасение, в котором рождалась вера, было в простой девушке, с которой я познакомился, поступив на учебу в университет.

– Я не смогу быть с тобой, если ты будешь продолжать пить в таких количествах, – сказала она мне однажды.

Это были правильные слова. Необходимые слова.

И мне пришлось совершить над собой усилие. И быть более сдержанным. И, как бы тяжело это ни было, – выдавливать из себя яд буквально по грамму, – воспитанная трезвость вскоре стала частью моей жизни.

Мы не отказались от забытья, приход которого случался от общения с высокоградусным напитком. Вовсе нет.

Я и она, – мы проявляли сдержанность. И не сходили с

ума, хотя на то были возможности. Мы предпочитали забываться, предаваясь любви...

Подобным образом преодолевал печали и мой старший брат, с тем лишь различием, что в его жизни совсем не было любви. Один лишь секс. С разными партнерами.

– У тебя уже была девушка? – спрашивал он у меня до моего совершеннолетия.

Я качал головой.

– Хочешь? – В его голосе уже заранее сквозили нотки возбуждения, – ему не терпелось свести меня на часок с какой-нибудь профессиональной «бабочкой».

В половых сношениях его привлекало все. Полагаю, что подтолкнуть в спину своего младшего братика к скорейшей потере невинности тоже могло бы принести необходимую только ему долю наслаждения.

Я не знал, что конкретно ответить ему, поэтому молчал.

Он трепал мою макушку, улыбался, и уходил дальше.

Я никогда не мог признаться ему, что мне нужна была только одна... И навсегда... Я был уверен, что он не поймет этого. И не примет... Конечно, я был подростком, который заблуждался...

Когда у меня появилась Дина, и у нас случился первый секс, по всему моему виду все сразу было ясно, – вот этот счастливый юнец, наконец-то познавший женщину в свои девятнадцать лет.

– Это та, с которой ты учишься? – спрашивал братик.

Да, отвечал я, это она. От этих слов за моей спиной расправлялись огромные крылья.

– Молодец, братан! – Он расплывался в своей неподражаемой улыбке. – Молоток!

Мы использовали наше фирменное рукопожатие – искренне крепкое, и вполне ритуальное, – что-то из молодежного кино.

– Какое у нее имя?

Дина, отвечал я.

Колокольчик встрепенулся над открывающейся дверью. Невесомый ангел влетел в распахнутое окно, и лег у подножия кровати.

Ди. На.

Теперь мне осталось от нее только это имя. Больше ничего...

У меня было постоянное ощущение, что я шагаю к звездам.

На самом деле это была дорога в ад.

Я верил в силу просвещения, в силу мысли, способную родить целую вселенную.

Мой братик верил в силы харизмы и сексуальной энергии.

Мой лучший друг – мой *бывший* лучший друг – верил в физическую силу.

– Проще всего выбить кому-нибудь зубы, – говорил он. – Это действует на человека весьма отрезвляюще.

Тогда мы уже становились друг для друга больше, чем просто приятелями. По крайней мере, мне так казалось.

Я никогда не смог бы представить себе, что когда-нибудь (и та минута была совсем не за горами) мне придется ползть на него с кулаками. И даже захочется убить...

Между нами тремя был баланс. Мы были его невольными создателями.

Мой братик никогда не знал Айдына, а мой друг не стремился к знакомству с кем-то из членов моей семьи.

В этом мире мы создавали равновесие, хотя и сами этого не понимали.

Я путешествовал в двух абсолютно разных мирах.

Первый был огромен. Я вошел в него с рождения. Он всегда был больше, чем я сам. И он постоянно поглощал меня; прожевывал и съедал сотнями раз.

Второй стал приставкой к первому. У меня, наконец, появился настоящий друг (так мне думалось). Вера в дружественность расширяла пространство этого мира, обогащая меня и мою жизнь.

По своему, но я был счастлив.

Я никогда не болел этим чувством, и никогда не гнался за иллюзиями.

Наверное, поэтому они так незаметно окружили меня. Я был застигнут врасплох. Я оказался повержен из-за своей слепоты...

Потом появился еще один мир. Он был пышен и светел.

Это был мир любви. Чистой и взаимной.

У меня ушло много времени, чтобы доказать свое право оказаться в этом мире. В мире девушки, которую я никогда не знал, но полюбил сразу, как только увидел ее. Моя первая и единственная женщина. Моя антилопа. Моя львица. Моя маленькая ручная собачка.

Она была простой, и мне нравилось это. Но в то же время она могла быть грациозной, морально сильной, и при этом не стеснялась показать слабость.

Мы перетекали друг в друга. Мы были неразлучны...

Теперь все миры разрушены.

Вот оно, место побоища. Почерневшие от пламени руины. Мертвые тела невинных людей. Гробовая тишина...

Я удаляюсь все дальше и дальше, куда-то к линии горизонта, в чужом автомобиле. Удаляюсь в неизвестность.

– Пропускай это все через себя, – говорит мне мужчина за рулем. – Не бойся испытать боль и горечь. Это очищает. Это делает сильнее...

Сквозь себя, вокруг себя, – поток слез и отчаяния.

Наверное, все это кончится, только когда я умру...

Когда я еще был на пределе своего искреннего счастья, я впервые увидел Старшего.

Как обычно он был в компании своего подопечного, – Младшего – паренька моего возраста, но со взглядом глубоким, взрослого мужчины.

Старший и Младший. Так они сами называли себя. Просто и ясно.

При их виде Айдын начинал сходить с ума – ярость переполняла его, и ему приходилось сдерживать ее.

В тот вечер я был с Айдыном. Мы распивали хмельной напиток в местной забегаловке неподалеку от нашего альма-матер, и рассуждали о потоке жизни и предопределенности судьбы, о случайности и неизбежности, и о проблеме права человека на выбор.

–В конце пути все равно все сложится в одну огромную мозаику, – говорил он мне. – Вот увидишь. Поэтому я готов утверждать, – выбора не существует. Это всего лишь наша огромная иллюзия.

Я парировал:

–Сегодня каждый из нас имеет право на осознанный выбор. И я этим правом буду пользоваться. Вне зависимости от того, какая картина моего существования откроется мне ближе к концу жизни.

В то время я не мог знать, что все уже давно решено за меня. Куда бы я не повернул: направо, или налево, или, быть может, пошел прямо, – все было равно, – меня ждал один исход.

Человеком, который расчетливо подводил меня к этому, сидел напротив меня, пил пиво, и вел себя со мной так, как никто другой, кого до этого я мог считать своим другом.

Он был для меня больше, чем просто другом. Почти новой

надеждой, – на лучшего собеседника, на мое поколение, на коллективное сознание.

Рядом с ним мир преобразался. И я был уверен, что, приложив усилия, когда-нибудь мы привнесем в наши и чужие жизни нечто свое, значимое для всех остальных.

Это были мечты. Иллюзии...

Но недалеко ушедшие от правды.

Айдын действительно желал преобразить мир. Этот флер был вокруг него постоянно, когда мы находились вместе. Вот только у него были свои эксклюзивные представления на данный счет.

После этого вечера пройдет почти год, и наши пути разойдутся в разные стороны.

Дружеская беседа двух молодых людей с претензией на философствование останется висеть на стене в рамке, в музее сладких снов, по ту сторону реальности, в одном из миллионов параллельных вселенных.

–Погоди-ка, – сказал Айдын. – Ты тоже видишь тех двоих?

Он указал на Старшего и Младшего, которых на тот момент я видел впервые.

–Я их вижу, – ответил я. – И они меня видят тоже. Мы пялимся так друг на друга уже минут пять.

Все это время мне казалось, что это была парочка геев, ищущих компанию на вечер. Все эти пять минут мне казалось, что я нахожусь под гей-радаром. Я думал, что еще

немного, и меня стошнит.

–Черт! – руганулся Айдын.

–Ты их знаешь? – спросил я.

–Да. – Он начинал злиться.

–Кто это? Твои голубые дружбаны? У них такие пристальные взгляды, словно они ревнуют меня к тебе.

–Это мои враги, братан. Подожди здесь минуту...

Он поднялся из-за стола и пошел за бар, переговорить с непонятной парочкой.

Я начал ожидать грядущей разборки. Скоренько допивал свое пиво, чтобы оно досталось мне, а не сливному отверстию в раковине, если вдруг я увлекусь дракой с двумя чуваками, которых я даже не знал.

Но, было похоже на то, что никакого столкновения не ожидалось. Парни обсуждали что-то между собой как при деловых переговорах. Правда, Айдын выглядел более возбужденным: он больше говорил, больше злился и проявлял недовольство. Его «враги» выглядели невозмутимо.

Потом их разговор вдруг оборвался, Айдын вернулся ко мне, и, не присаживаясь, сказал:

–Мы уезжаем отсюда.

Он залпом прикончил остатки из своего бокала.

–Все нормально? – спросил я.

–Более чем, – ответил он.

Мы расплатились и вышли на свежий воздух.

Стояли молча. Он копался в своем мобильнике. Я насла-

ждался вечерней прохладой.

– Поедем к телочкам, – вдруг сказал он.

Мы никогда не занимались этим. Слышать от него подобное было нетипично.

У меня была девушка, и кроме нее меня больше никто не интересовал. Поэтому находиться с Айдыном всегда было легко. Он не страдал сексуальным помешательством, и ему не было нужно, чтобы я составлял ему компанию при знакомствах с девушками, которых, впрочем, никто никогда не видел.

Словом, я сконфузился. Во-первых, от того, что, наконец-то узнал, что мой друг не гей, и у него все же бывают, как он только что выразился, «телочки». Во-вторых – мне не хотелось, чтобы Дина когда-нибудь узнала, что я развлекаюсь с другими девушками (пусть даже и без физического контакта).

– Ты раздумываешь? – Айдын прервал мои мысли.

– Я никогда не ездил... к телочкам. Что бы это ни значило.

Он молча смотрел на меня, с мобильником в руке, ожидая, что я скажу еще.

– Я просто вышел выпить с тобой пива, братан, – сказал я. – Ничего больше.

– Значит, ты вот так просто отказываешься от удовольствия? Бросаешь меня одного? На растерзание сексуальных милочек.

Я театрально пожал плечами и покачал головой: ничего

не могу поделаться.

– Не надо ни за что платить, если ты на мели, – сказал он. – С этим все нормально!

Хоть и улыбаясь, я удрученно закрыл лицо ладонями. По-другому я реагировать не мог. Да и не умел.

– Значит, моногамия, – сказал он.

– Да, – подтвердил я. – Верность.

– Ты просто вынуждаешь обозвать тебя подкаблучником.

– Я пошел домой. Отличной тебе оргии!

– Мне-то казалось, что у меня появился друг, с которым я могу повеселиться.

– Пригласи своих врагов. Возможно, совместные сексуальные утехи станут для вас актом миротворчества.

– С ними я никогда не смогу договориться.

– Тогда давай просто пройдемся до следующего бара и выпьем еще по кружке.

Он убрал свой мобильник в карман и нехотя пошел со мной.

– У тебя давно никого не было? – спросил я. – Или это твои враги тебя так возбудили?

– Пошел ты!..

В тот вечер я сохранил свою верность. Впрочем, по-иному я никогда не смог бы поступить.

Дина доверяла мне, а я доверял Дине. Даже в те моменты, когда она проводила время с Тимом, – своим дружкойм-не-разлей-вода. Сейчас она тоже была с ним. И хоть они звали

меня с собой, я не согласился. Отдыхать я предпочитал в атмосфере мужской дружбы. В то время как в общении между Диной и Тимом, – между девушкой и парнем, у которых не было никакого намека на секс, – просыпалась невероятная степень инфантилизма. Что, по большому счету, навело на меня скуку.

И, хотя они оба в моем присутствии старались не вести себя, как малые дети, все равно, между нами возникала некоторая неловкость; от которой я и сбежал сегодня, чтобы сохранить самого себя...

-...Я тогда впервые увидел вас обоих. Клянусь, что ни за что бы в жизни не подумал, что окажусь когда-то в этой машине, и буду чувствовать себя настолько паршиво.

-Представь, что ты умер, Кирилл, – сказал Старший. – Только что, вместе с Айдыном. Вас обоих больше не существует. Ты призрак.

-Как насчет Дины? – спросил я. – Мне ее тоже представить мертвой?

Старший промолчал.

Ответил Младший. Он сидел впереди, на пассажирском сиденье.

-Ты забудешь Дину со временем. Это произойдет само. Она умрет. В твоей душе. В твоём сердце.

-Вместе с нашим сыном?..

Они ничего не ответили. Только молча смотрели перед

собой. На дорогу...

Где-то там, позади, в стране теней, остался мой ребенок. Его теперь оберегает Мать; и демон, которого видел только я.

Возможно, то была всего лишь игра моего воображения? Странно, что я до сих пор так думаю. Я почти год прожил в сомнениях, пока реальность не разрушила все, во что я верил.

– Демон реален, Кирилл, – сказал Старший, – и ты это знаешь. Достаточно терзать себя вопросами о здравости своего рассудка. Ты видел то, что ты видел. Дина теперь часть всего этого. Как и ваш с ней сын.

Рано или поздно я смогу признать себе это.

Мне мешают образы. Секунды. Мгновения.

Я знаю, что если закрою глаза, то увижу ее. Вместе с нашим младенцем в ее руках. Как она ему улыбается. Как она его лелеет. Как она поет ему убаюкивающую песенку...

Но тьма побеждала свет внутри нас.

Обыденность не смогла стать нашей защитой. Наверное, нам нужно было что-то большее.

Мы были обычной молодой парой, и никак не могли знать, что станем родителями нового будущего. Что времена, которых все так боялись, уже наступили.

Неслышимой поступью смерть надвигалась ко всем нам, и я видел ее лики. Среди них – лица близких мне людей. Кого я любил. Рядом с кем моя душа была спокойна, и торжествовало сердце, играя на своей арфе громче, чем весь мозговой

оркестр, такой хаотичный и непослушный.

Нам определенно нужно было нечто большее, чем просто жить, играя в любовные игры. В этом никогда не было никакой защиты. В наш союз вломились просто так, щелкнув пальцами, и мы даже не заметили этого.

Что-то еще. Недостающий элемент. Защита от врага, которого мы еще не видели и не знали до этого дня.

Огромное ничто стало частью меня на долгое время. Оно меня поглощало и отпускало, снова и снова.

Демон смотрел мне в глаза. И взгляд его говорил: «Будущее на пороге».

Теперь я слышу только эхо. Как из бездонной пропасти. Я удаляюсь.

Ничто вьется и воет позади меня. Оно трубит о конце мира.

–...Еще одна попытка, Кирилл, – сказала она мне. – Мы должны использовать наш шанс. Спасти нашего ребенка и нас самих. Теперь мы знаем лучше, как все сделать. У нас есть последняя возможность.

Мы снова заговорили о побеге.

Предыдущий оказался неудачным, и пострадали невинные.

Я слушал ее. В ней всегда было больше сознательности, чем во мне. Она умела действовать, а не рефлексировать по любому поводу. Чаще всего, я доверял ей... До этого момента.

Что-то было не так, как обычно.

Она была слишком настойчива. Она почти *требовала*, – справедливости, скорого решения в нашу пользу, а также рождения и триумфа почти нечеловеческой *воли*, с которой мы могли бы спастись, и оставаться сильными чуть ли не в режиме non stop.

К сожалению, тогда у меня могло родиться лишь подозрение. Или сомнение.

Да что угодно! Но только не взвешенное и рассудительное решение!

Я растерял все свою способность мыслить более или менее здраво еще задолго до этого.

У меня оставалась только моя сила. Та сила, которая всегда есть у мужчины. Та сила, которой может управлять женщина, когда у нее уже не остается иного выбора.

Дина указала мне путь. Всем нам. И тот путь был проклят...

Проклят...

...Как и тот поздний вечер

Летний дождь лил как из ведра

И я встретил его во дворе нашего дома где мы с ним жили

Мы и наши родители

И за одну секунду мы превратились в заклятых врагов

Как только я увидел как он стоял как он смотрел на меня исподлобья мутным пьяным взглядом я почувствовал опас-

ность Внутренний голос подсказывал мне бежать Но я стоял как вкопанный и не мог сдвинуться с места Потому что никогда не видел своего старшего брата каким он был в эту минуту Пьяным до одурения и до оцепенения страшным

- Гуляешь под дождем, братан? – В его голосе не было вопроса Он ехидничал, больше ничего

Я смотрел на палку в его руке

Дождь стекал по нам обоим огромными градинами

Дул сильный ветер

Внутри меня все замерло

Я никому об этом не рассказывал, даже Дине. Хотя, мы делились друг с другом многим.

Теперь пришло время расставаться со всем хорошим, что нас связывало.

Уверен, что между нами была любовь. Никто не будет убеждать меня в обратном. У нас есть свидетели. Где-то в тени таились завистники. Но нам желали благополучия, и поэтому мы всегда были счастливы.

У каждого из нас были тайны, и мы берегли друг друга от темных сторон наших жизней. Мы сохраняли наши образы. Я был ее парнем, а она моей девушкой. У нас было светлое будущее...

Теперь мне кажется, что это была лишь моя иллюзия.

Я познакомил их, – ее и своего брата. Они моментально нашли общий язык. Это заставляло меня испытывать радость, которую приходилось скрывать, чтобы не выгля-

деть идиотом.

Было странно видеть их рядом, за простым разговором, за чашкой чая, на кухне. Я находил в этом гармонию и умиротворение.

Когда мой братик распрощался с нами, она мне сказала: -Кажется, я ему не понравилась... У него был какой-то странный взгляд.

-Просто он нам завидует, – сказал я, – вот и все.

-Ну, это уж я почувствовала наверняка.

То, что мой старший брат мне завидует, бросилось мне в глаза между прочим. Эта зависть была тихой, скрытной, и выглядела весьма воспитанно, даже как-то интеллигентно. И совсем не опасно.

Я знал, как он способен завидовать. И как зависть могла съесть его изнутри. И как он мог чувствовать себя оскорбленным.

Мой брат. Такой красивый и умный. Всегда находчивый, всегда в курсе. Добытчик. Борец. Настоящий мужчина.

Он мог бы стать прекрасным супругом. Но он не хотел. Не желал этого.

Холостяцкая жизнь была для него единственной дорогой хотя бы по той простой причине, что он сам никогда не знал любви. Никогда не видел ее со стороны. Может быть, только в каком-нибудь дурацком фильме, где построены мосты из иллюзий. Кино он не жаловал, как и более или менее серьезный печатный текст.

От родителей он получал тумаки, в то время, как мне доставались ласки.

Мне тогда было четырнадцать, когда он впервые сорвался на мне. Я был глупым подростком. А он молодым выпивохой.

Спиртное вливалось в его двадцатилетнее тело в таких количествах, что на это страшно было смотреть. Он был похож на старое пугало в поле, которому пора на покой, – такой могла быть степень его опьянения, – но продолжал заливать в себя, если в бутылке еще что-то оставалось... и даже если бутылка была не одна.

Он перепивал всех. Он был чемпионом. Он был знаменитостью.

И, однажды, его сознание дало сбой. Он увидел все неправильно. Не с той стороны. Я заботился о нем. А ему показалось, что я хочу его потопить...

...-Я потом ходил с разбитой челюстью почти месяц. Вот чего мне стоила забота о брате... Думал, останусь инвалидом.

–Но ты ведь боролся, – сказал Старший. – Ты всегда боролся!

Да, я боролся. Из последних сил. За свою женщину. За нашего с ней сына. За наше будущее, которого больше нет.

Временами мне казалось, что я не справлюсь. Что мои усилия – лишь крик отчаянного человека.

Но я отметал сомнения, потому что чувствовал себя с ни-

ми почти что грешником, – грязным и лишним человеком.

Дина поддерживала меня подобно древней царице, которая интуитивно знала, как правильно руководить мужчинами, собравшимися вокруг нее, как голодные самцы вокруг выделяющей запах самки.

Я же чувствовал все наполовину, не до конца. Мыслил лишь на шаг вперед. В то время, как Дина проделывала уже пять или десять шагов.

Я старался не обращать на это внимание. После родов она изменилась до неузнаваемости, стала другой. Она переродилась в воительницу. Это было в ее глазах. В ее голосе. В том, что она мне говорила, и как она мне это говорила. Расчетливость стала ее приоритетом.

Строгий сосредоточенный взгляд, степенная молчаливость, внутренняя сила, которой обычно обладают только мужчины, и некоторая сдержанность, с которой в этот мир приходит каждый мальчик.

Женщина ведает страдание, сдержанность познается по ходу времени.

Для Дины сдержанность стала приоритетом. Она смотрела на все свысока, как главнокомандующий. И она не собиралась так продолжать. Ей нужно было действовать.

И мы решили, что нападем на нашего врага. Снова.

У нас была до этого одна попытка. Первый блин оказался комом. Второй должен был получиться.

Но, оказалось, что я был всего лишь инструментом...

Мое сердце вдруг успокаивалось. Разум очищался. Человек, с которым я собирался сойтись в схватке, был опасен, как дьявол. Он – мой бывший друг.

Мне было бы проще заключить с ним сделку. Но он никогда и ни на что не согласиться.

Как и часто до этого, он открыл двери своим ключом, вошел, и двинулся вдоль по коридору.

Он знал, что я нахожусь в комнате. Но он не знал, что я подждал его прямо за поворотом, с не самыми лучшими намерениями.

В душе моей холодно. Я словно перестал существовать, оставив после себя двойника. Машину для убийства. Хладнокровную и расчетливую.

Пришло время для отмщения!

Он заметил меня сразу, как только я набросился на него. Его попытка защититься была тщетной. Я зашел сзади, и это помешало ему среагировать. Я успел обхватить его шею, и начал сдавливать ее, как удав.

У меня наготове был ремень, который я должен был использовать в качестве удавки, но в последний момент я понял, что не успею им воспользоваться, – Айдын окажется проворнее. Поэтому я оставил ремень на полу, и доверился проснувшемуся во мне инстинкту убивать.

Его кожа начала краснеть. Это выглядело забавно. Я никогда до этого не видел, как краснеют смуглые люди. Мне стало интересно, от стыда или смущения у них тоже может

появиться румянец?

Эти мысли действительно проносились в моей голове, пока я продолжал сдавливать шею Айдына. Так я немного отвлекся, и Айдын смог собрать волю в кулак. Он приготовился к борьбе.

Он начал пятиться; я вместе с ним. Через несколько шагов я ударился спиной о стену. Потом еще раз. И еще. Он толкал меня с новой силой, я бился о стену, и моя хватка слабла. Не намного, – я бы ни за что не отпустил его.

Но потом он вдруг ударил меня локтем по почкам. Я захлебнулся, и он смог вырваться.

Когда он резко повернулся ко мне, я увидел его лицо, – покрасневшее и блестящее от пота. Я возрадовался. Он был близок к тому, чтобы, наконец, покинуть этот мир.

Чертов урод!

Ему не хватило сил, чтобы оглушить меня. Я закрылся руками, и как только он снова замахнулся, я кинулся на него, сбивая с ног.

Мы с грохотом свалились на пол.

Я смог оказаться сверху, и у меня было больше преимуществ.

Меня охватывал жар. Пульс убежал далеко вперед. Сердце колотилось, как сумасшедшее.

В голове произошло помутнение. Я находился на границе паники и безразличия.

Я должен был победить!

Но по ходу борьбы лидерство постоянно переходило от меня к нему, и обратно.

В какой-то момент я коснулся спиной ремешка, который оставил на полу. И вспомнил то чувство, которое охватило мной. И мое превосходство снова стало несомненным.

Я почувствовал бессилие со стороны противника. Он рушился на моих глазах, под моим напором. Это был триумф!

Там, на полу, вокруг нас разверзся ад. Он принимал жертву, и отпускал победителя; ненадолго, на короткий срок. Ибо смерть человека оставалась на руках выжившего. Для такого только одна дорога.

Я схватил ремень и накинул готовую петлю ему на шею. Затянул потуже, и услышал его хрип. Стал сдавливать, понимая, что могу попросту сломать ему шею, не дожидаясь того момента, когда он задохнется.

Вдруг я увидел Дину. Она стояла неподалеку и смотрела на нас сверху вниз. В ее взгляде было ликование. Она наслаждалась тем, что видела со стороны. Она встречала смерть, и в приветствии жала ей руку, как деловому партнеру.

Великая удовлетворенность была в ее глазах.

И мне стало страшно от этого.

Это она внушила мне, что я должен убить его! Отнять жизнь у живого человека!

Она никогда и ничего подобного мне не говорила Это моя ярость Моя злость

Моя война

Я смотрел на Дину.

На Айдына.

Снова на нее.

И на человека, находящегося на границе жизни и смерти.

С другой вселенной раздался голос:

– Кирилл, остановись!

Это голос Дины. Но почему я вижу только ее торжество?

– Кирилл, ты должен отпустить его! Иначе он умрет!

Очнувшись от забытья, я отпускаю ремень.

Я был где-то не здесь. Нет... Я был в другом мире, в котором я хотел убивать. Мстить. Забирать жизнь.

Это она меня заставила?

– Тащи его к батарее, – сказала она, надевая на его кисть браслет от наручника. – Кирилл, возьми себя в руки! Иначе он придет в себя!

Тело не слушалось меня. Комната качалась. Я не мог продохнуть, – не хватало воздуха.

Айдын заходился в кашле. Я схватил его за одну руку, Дина за другую. Мы без труда перетащили его под окно, и защелкнули наручники на батарее.

Мы отошли от него, как от опасного зверя, который приходил в себя после того, как он был оглушен.

– Не думал! – Айдын усмехнулся. – Не думал, что вы оба способны!.. *На такое!*.. Особенно ты! – Он посмотрел в мою сторону. – Удивил! Нет, серьезно! Поразил!

Мы оба тяжело дышали, приходя в себя после боя.

– Ты не думаешь о последствиях, Кирилл! – сказал Айдын. – Считаешь, ты справился? Думаешь, если ты завалил кого-то однажды, у тебя хватит смелости дойти до конца в следующий раз?

– Заткнись! – Я был краток.

– До этого момента все мы были на одной стороне. Теперь вы оба прочертили границу. Теперь мы враги.

Он ехидно улыбнулся.

– Ты сам прочертил эту границу, – сказал я. – Мы лишь немного ее расширили.

Улыбка пропала с его лица, он отвернулся.

– Мне нужна твоя машина и твои деньги.

Свободной рукой Айдын достал из кармана штанов сложенные купюры и аккуратно бросил их мне.

– Бери, братан! Забирай все! Ключи я выронил на входе. Когда ты бросился на меня, как нервный пес!

Неожиданно он залился истеричным смехом, – наигранным и надменным.

– Для вас обоих мне ничего не жалко, – сказал он. – Вы это знаете...

– Присмотри за малышом, – сказал я Дине, имея в виду нашего с ней сына, который лежал в кровати в соседней комнате. – Я мигом.

Она кивнула.

Я вышел из комнаты, по ходу стягивая с себя футболку. Мне нужно было немного ополоснуться. Потом забрать на-

ши сумки, которые мы с Диной подготовили, рассчитывая, что на этот раз у нас все получится.

У нас должно было получиться, – так она меня настроила. Так я стал думать, и поверил в это.

Вообще, любая вера, поделенная надвое с любимой девушкой, имела для меня огромную силу. Я мог это даже не показывать; но если Дине нужно было, чтобы я поверил даже в абсолютную глупость, то глубоко в душе я начинал верить тоже.

Я не был против нарушений собственных границ. И мне приятно было ощущение единения.

Возможно, она уже давно об этом догадывалась. И успешно пользовалась этим...

...Единение было нашей несбыточной мечтой.

Все члены моей семьи стремились друг к другу, как огромные космические корабли, потерянные во вселенных. Как только крейсера все же встречались, и, казалось, вот-вот случится перемирие, рождался новый скандал, от которого питались его участники, сами того не осознавая.

Я мог провоцировать своих домашних, отстаивать свои позиции, и вообще не представлять при этом степень своего непонимания происходящего.

Но только не тогда... Не в тот раз...

Мне хотелось проявить заботу. Я думал, что только я один вижу, что происходило с моим старшим братом, с которым мы частенько вздорили, дрались, когда я был млад-

ше, но, которого, я любил. Я всегда его любил. Как и своих родителей. Как и их родителей. Как и всех наших родственников. Даже если не любил, то уважал.

Я посчитал, чаша переполнена. И не в лучшую сторону. Я просчитался...

Он встретил меня на заднем дворе, на вид, спокойный, но я чувствовал его гнев, его злость, его желание отмищения.

Он был пьян, как никогда в жизни. Кажется, он принял все сразу, что успел попробовать на тот момент.

Был ливень. Дул ветер. Было холодно.

Все внутри меня похолодело. Я был уверен, что он забьет меня до смерти палкой, которую держал в руке.

Вдруг я набрался смелости, и собирался идти дальше, мимо него, но я успел всего лишь шевельнуться, дернуться, и он спросил:

-Что ты сказал ей?

Я снова замер, но ответил:

-Только то, что я вижу. Больше ничего.

-Только то, что ты видишь, – повторил он. – И что ты видишь?

-Я не хотел ничего дурного... Мы беседовали, и вдруг разговор зашел о тебе, и... Я не выдержал! Я сказал, что я волнуюсь!

Нашей маме Я сказал об этом нашей маме Больше никому

Мне было четырнадцать

-За что ты волнуешься?

Он не понимал что я волновался о нем А я не мог этого объяснить

-Вскользь! Между делом! У меня вырвалось!

-По твоему мнению, я чертов алкоголик и наркоман!

-Нет-нет, этого я не говорил!

-Ты это имел ввиду!

-Я всего лишь хочу, чтобы тебя не затянуло болото...

-Я похож на водяного?! Какое болото меня должно затянуть?

-Никакое...

-Теперь ты так заговорил... – Он выдержал недолгую паузу, и спросил: – Как давно ты смотрелся в зеркало, святоша?

Он выносил мне приговор.

-В следующий раз, когда ты сделаешь это, взглядишь внимательнее. Возможно, сможешь разглядеть свое двуличие.

-Я не пью столько, сколько ты...

Он остановил меня.

Размахнулся и заехал мне палкой по лицу. Я без сознания свалился в лужу.

Таким было наказание в моей семье. За детскую глупость. За незнание. За волнение.

Он оставил меня там, под дождем, с выбитой челюстью. «Я всего лишь немного подправил, – так он мне сказал потом. – Чтобы ты смог увидеть, какой ты лицемер».

Я не мог нормально есть и говорить несколько недель. Потом все зажило. Как на амфибии. Как обычно...

Тогда я чувствовал ответственность за брата. Я думал, что это поможет нам стать ближе друг к другу. Что родители увидят проблему своих детей, и смогут посмотреть на все со стороны. Смогут приложить усилия, как более опытные и умудренные жизнью.

Но случились лишь одни конфликты.

Я был убийцей нашей общности Я уничтожил шансы Я стер их

Теперь я понимал: полное единение с другим человеком – это заведомо крах. Иллюзии рушатся, как огромные и красивые города. Боль и переживания заполняют душу и разум, как быстро распространяющийся вирус. Двигаться вперед в таком состоянии невозможно.

Мы буксовали с Диной на месте слишком долгое время. Я успел ослепнуть. Моя верность мешала мне видеть шире.

Хотя, безусловно, я чувствовал. Я всегда чувствовал...

Я повернул кран, и подставил под прохладную воду свою голову, а потом и спину. После драки все мое тело горело и обливалось потом. Мне необходимо было освежиться.

Это заняло у меня считанные секунды.

Теперь я думаю о том, что нужно было просто схватить сумки, забрать своего сына в охапку, и убежать. Далек отсюда. От правды, что должна была случиться, и убить меня. От боли и медленного умирания.

Мне хочется потерять память. И жить бродягой. Вечно молодым, и вечно пьяным.

Но что-то внутри меня, – внутри каждого из нас, – всегда стремится к спасению. К вере. Эхо моей души доходит до меня: так и должно было быть. Как еще все могло закончиться? Именно так. Никак иначе.

Я вышел из коридора с двумя спортивными сумками, в которых любовно была упакована часть наших вещей, подходящих для немедленного побега.

По моему телу стекали капли воды и пота, – я не успел вытереться и обсохнуть. Я до сих пор оставался по пояс голым, и поэтому на ходу залез в одну из сумок, и достал первую попавшуюся под руку футболку. Порядок сложенных вещей нарушился.

Во мне кипел адреналин. Уровень стресса зашкаливал. Но мне казалось это прекрасным. Потому что все шло так, как я планировал.

По-видимому, результативность моих планов не устраивала мою женщину. Объяснить себе иначе то, что я увидел в дальнейшем, у меня не получалось.

Айдын освободился от браслета на своей руке, и поднялся с пола. Рядом с ним стояла Дина, сжимая в ладони ключи от наручников. Я понимал: она только что освободила его. Но поверить в это было сложно. Передо мной разыгрался натуральный абсурд.

– Вот и все! – Айдын довольно развел руками. – Гармония

нарушена!

–Дина?..– Это единственное, что я смог произнести.

Мне хочется задать ей кучу вопросов: зачем она это сделала? Она, что, рехнулась? Или он угрожал ей? Смог ее переубедить? Что вообще, черт побери, заставило ее так поступить?!

Но я увидел ее взгляд, и понял все сразу. На меня смотрела не она. Это был уже чужой мне человек. Это был Демон. Это была Мать. Это была Воительница. Дина пряталась где-то позади них всех. Ее не было видно.

Она встала между мной и комнатой, где лежал наш с ней сын. «Нет, Кирилл, – говорила она мне глазами. – Ты больше не сможешь быть с нами. Все кончено. Такова правда».

–Нет... – Я почти шепчу.

У меня подгибались колени. Болело сердце. В горле застряли слезы.

Я отпустил сумки, и они упали на пол. В руках осталась футболка.

Так я и стоял, по пояс голый, с выражением лица, как у маленького ребенка, который не желает верить в правду.

Я хочу забрать своего сына! Я хочу забрать его отсюда!

–Не нужно драм, друг мой, – сказал Айдын. – Жизнь жестока. Ты знал это. Всегда.

Он подошел ко мне, но я смотрел мимо него, на нее, и я не верил, нет, я не мог поверить.

–Нет... – Я кинулся вперед, но Айдын удержал меня.

Я старался вырваться, но во мне не было сил. Словно их кто-то отнял. Словно мне отрезали волосы, пока я все это время был в долгом сне.

Айдын не отпускал меня. Он говорил со мной, как с истериком, и это раздражало еще больше.

–Тише, Кирилл! Ты ведь мужчина! Ты должен быть сильным!

Мне хотелось, чтобы он убрал от меня свои паршивые руки. Мне хотелось выкрикнуть об этом. Затем снова врезать ему как следует. Снова и снова. Потом дотянуться и до нее тоже, и... Там я уже за себя не ручался...

Все это было бессмысленно.

Ко мне медленно приходило понимание.

Я как-то сразу обмяк, и Айдын отпустил меня.

Я упал на колени. Мокрый и скользкий. Жалкое насекомое. Жалкий вид...

–Рождение боли! – сказал Айдын. – Рана, оставшаяся на всю жизнь!

Для тебя, Кирилл, положительная сторона заключается в том, что тебе не придется нести на себе эту ношу на протяжении долгих лет. В период кризиса юности или среднего возраста ты не будешь мучиться какой-нибудь бессонной ночью, думая об этой минуте. О том, почему все случилось именно так, а не иначе. И ты не познаешь избавления, которое может подарить старческая мудрость.

Все лишь потому, что теперь в моих глазах – ты враг.

Мертвый враг...

Думаю, я изъяснился вполне ясно.

Поднимайся!

И не вздумай бежать! Иначе легко словишь пулю!

Я готов... Помогите мне взойти на эшафот...

Перед нами открылась красота мира.

Тучи сошли с небес, и их сменили огромные облака. Они плыли над нами, как шхуны богов вплоть до самого горизонта.

Только что кончился продолжительный дождь. После него все вокруг заиграло новыми красками.

Степной простор, сменяемый лесополосой.

Зеленые поля.

Редкие маленькие деревья и кусты.

Мы проезжали мимо всего этого, и, кажется, лишь я воспринимал все, что видел вокруг себя, как живописный рисунок. Впервые в жизни я пожалел, что никогда не стану художником.

Люди должны видеть это превосходство.

Рано или поздно оно нас настигнет...

Этот свежий прохладный воздух, что врывается в припущенные окна автомобиля. Эти солнечные блики, добавляющие ритм полотну в моем сознании. Этот запах свежести – новое рождение. Жизнь продолжается. Жизнь вечна.

Меня везли на казнь. После нее я сольюсь с вечностью.

После нее я забуду ужас, пережитый мной. Я забуду демона, следящего за мной своими огромными белыми глазами. Забуду возлюбленную, ставшей моей убийцей.

Я забуду свой самообман. Иллюзию, которой я был заражен при рождении. Неразгаданную тайну. Шараду, прочитанную мной невнимательно. Я отложил ее, не разгадав не единого слога...

Все это уйдет. Сразу, как только у меня отнимут жизнь и заруют глубоко в землю.

Это сделает тот, кого я долгое время принимал за друга, какового у меня никогда не было. Это сделает мой брат, ненамеренно мною оскорбленный. Это сделают мои родители – другое поколение, иное время; огромная площадь с крестами над утраченными смыслами.

Я помогу им в этом. Я шагну в пропасть. Я прыгну со скалы...

– Знаешь, я ведь люблю тебя, – вдруг сказал мне Айдын.

Он смотрел на меня в отражении зеркала заднего обзора, не отрываясь от дороги.

Мы были в его машине. Он был за рулем. Я сидел сзади.

Был еще третий. Макс. Его верный помощник. Правая рука. Паренек, моложе нас на пару лет. Ослепленный идеями Айдына о новом будущем, который принесет в этот мир наш с Диной ребенок.

Наш сын, который сможет найти ответ, – отыскать слоги, сложить слово, и потом сумеет изменить его. Добавить к

нему что-то новое. Безупречное. Идеальное.

Это была вера, которую ничем не сломить.

– Это правда, Кирилл. Я люблю тебя.

Знаю, я всегда не признавал этого чувства в себе и других.

Отрицал его. Даже сравнивал со вкусной едой.

Но, от очевидного никуда не скрыться...

Мне очень жаль, что все так вышло. По всем правилам я не должен так говорить с тобой. Но некоторые правила для того и существуют, чтобы их нарушали. Без этого не разгадать ни одной тайны, не сложить ни одной мозаики, даже самой простой. Если немного не нарушать правила, придется остаться обманутым.

Я знаю, по меньшей степени, это неприятно, когда тебя обманывает кто-то, кому ты доверяешь.

Но ты должен понять меня, – когда все только начиналось, я не думал, что ты сможешь стать мне кем-то больше того, кого я могу использовать.

Я привык жить так, Кирилл. Используя людей. Используя их ресурсы.

Дружбы для меня никогда не существовало.

Мне не было двадцати, а я уже одичал.

Жизнь повернулась ко мне спиной, с самого начала.

К сожалению, ты ничего не знаешь об этом...

– Если бы ты обмолвился хотя бы словом, я был бы в курсе, – сказал я.

– Я не мог... Нет, я не мог...

Он продолжал смотреть в зеркало. Сначала на меня. Мы встретились взглядами. На момент мне снова показалось, что он искренен в том, что говорит. Но не стоило сомневаться, – это был очередной спектакль. Он любил их устраивать. При любом удобном случае.

Потом он смотрел уже мимо меня, за стекло, на то, что было позади нас.

– У нас гости, – вдруг подал голос Макс.

– Вижу, – ответил ему Айдын.

Я обернулся и увидел знакомый автомобиль. Он стремительно приближался к нам.

– Я ни о чем никогда не сожалел, – говорил Айдын. – Это сбивает с ног. Выворачивает душу наизнанку. Мешает двигаться дальше.

Он уже не говорил со мной лично. Я слышал это, и узнавал его интонацию.

Он начинал рассуждать вслух.

Это происходило только в одном случае – когда ему не нравилось происходящее. Когда что-то шло не по его плану.

Он начинал нервничать.

Мы увеличили скорость. В салоне загудел воздух.

Айдын заговорил громче:

– Жизнь – это испытание! Само рождение можно расценить, как оскорбление! Нас забрасывают в этот не лучший из миров и буквально ставят перед фактом: ты и есть свой главный враг! Можно бороться хоть со всем миром! Но пока

не договоришься с самим собой, дальше своего носа ничего не разглядеть!

Джип, что был позади, тоже поднажал, и снова приблизился к нам.

Мы неслись, как сумасшедшие: наша спортивная легковушка и огромный джип. Я разглядел водителя. Это был Старший. Рядом с ним был Младший.

Зачем они здесь?

В асфальте постоянно попадались изъязны. Айдын старался справляться с ними, но высокая скорость этого не позволяла. В какой-то момент он со злостью ударил по рулю, и вынужден был ослабить педаль газа.

– Мы думаем, что знаем все, – говорил он. – На самом деле мы ничего не знаем! Ни об этом мире, ни о самих себе! Мы в западне фактов собственной биографии! Каждый из нас!

Джип поравнялся с нами.

– Жизнь – это фальшивка. – Айдын обезумел от волнения и страха. Я никогда не видел его раньше таким. – Постоянно убеждаюсь в этом все сильнее...

Джип резко взял влево, и тут же налетел на нас, пытаясь сбить на обочину. Что-то подсказывало – это было только предупреждение.

Нас замотало из стороны в сторону, но Айдын быстро справился с управлением.

Звук, который вышел из столкновения двух машин, привел меня в ужас. Я схватился за ручку под потолком, и услы-

шал, как быстро забилося мое сердце.

Потом я отчетливо увидел лицо Старшего. Он смотрел на меня. Потом он мне подмигнул.

Пока у меня была возможность, я застегнул ремень безопасности...

-...Ты забудешь Дину со временем, – сказал Младший. – Это произойдет само. Она умрет. В твоей душе. В твоём сердце.

–Вместе с нашим сыном? – спросил я.

Он ответил мне молчанием.

Теперь я был с ними, в просторном салоне их автомобиля.

Они оказались моими спасателями.

Пустота и отчаяние как-то отступали от меня, когда я понимал, что еще жив, и меня увозят куда-то далеко от всего того, что со мной было. Пусть я даже и не знал, куда именно.

Откуда-то появилось стойкое чувство, что я больше не вернусь на свои адовы круги. Что-то подсказывало мне: муки кончились.

Старший был прав: я умер. Меня больше нет. Как и Айдына. Как и Дины... Как и моего сына.

Во мне была страшная усталость. Но я боялся закрыть глаза и уснуть. Я настолько приготовился встретить вечность, что мне казалось, – второго шанса она мне уже не даст. Уж слишком открыто я ее приветствовал.

Поэтому я смотрел на багровые небеса, на медленный и

красивый закат.

Приходил поздний вечер, наступала ночь.

Я превратился в путника, странствующего по миру. Без багажа. Без тяжести. Наконец-то свободный.

И только где-то глубоко внутри меня играла песня из моего давнего прошлого. Милая, но грустная песня.

Это долгое падение

Чувство словно долго падаешь вниз

То самое чувство

Похожее на долгое падение.

Поэтому, милая, не оставляй меня

Прошу тебя

Не оставляй меня сейчас...

И как только я услышал в себе эту музыку, этот простой текст, все внутри меня снова поделилось пополам.

Я был здесь, но я смотрел назад, и видел все отчетливо.

Это долгое падение

Чувство словно долго падаешь вниз...

Эпизод 3

Айдын Оказывается На Обочине

Когда оказываешься на обочине, главное, не поддаваться отчаянию или панике. Какая бы невиданная сила не вытолкнула тебя туда, в ответ найдется еще большая сила, которая есть в тебе самом. Она как внутренний генератор. Главное,

нащупать его.

Вопрос в том, хватит ли духу воспользоваться им. Пове­рить в себя. Признать, что неудача – лишь короткий отрезок, миг, на долгом пути жизни.

Когда я падаю, то всегда поднимаюсь, и борюсь, во что бы то ни стало. Я не чувствую ту грань, когда нужно сказать се­бе: *да, я признаю, теперь уже не стоит воевать, а лучше сложить оружие*. Я иду до самого конца, пока щепки не по­летят в разные стороны, и тьма не поглотит душу. Обычно, уже после, требуется долгое время, чтобы вновь обнаружить свет внутри себя. Может казаться, что его нет. Но он нахо­дится. Всегда.

В таком состоянии явно ощущается сплетение добрых и злых намерений. Ясная мысль путается с безумной. Границ не существует. Все смешано. Ты – демон с ангельскими кры­льями. Ты – праведник и грешник. Ты тот, кому не требуется определенность.

Способность быть с обеих сторон дает возможность дер­жаться на плаву.

Я могу быть умником, и этого никто не оценит. Я мо­гу быть психопатом, но сходить с ума незаметно. Я могу быть отличным любовником, и скрывать свою удовлетво­ренность. По факту я мистер Икс, но общество само захочет, чтобы я был мистером Игрек. При этом я всегда остаюсь в плюсе.

Я могу быть кем угодно. Мое преимущество в обезличен-

ности.

Когда все смешано, ничего не заметно. Все поглощены своими проблемами, а затем превращают их в общественные. Кому до меня есть дело? Я прохожу через толпу неопознанным.

Стоит почувствовать себя хорошо, притянуть за волосы свой позитив, и все поверят в твой оптимизм. Это не маска. Всего лишь маленькая хитрость. Фокус. Иллюзия реальности чувств.

Но если зайти слишком далеко, рано или поздно, придется остановиться. Сделать это труднее всего. Оседланная волна так прекрасна! Вид с самого высокого пика так чудесен! Вселенная приклонила колено! Ты – король без родословной! Как расстаться со всем этим? Пусть даже на время?

Но иного выбора нет. Всякий раз, когда я ускорял свой темп, появлялись *они*. Те, кого я никогда не мог запутать или обмануть. Думаю, что никто не мог этого сделать. Потому что *они* всегда знали больше. Им всегда была открыта дверь в иные миры...

Мы неслись по пустынной мостовой, как долбаные Шумахеры. Моя спортивная «бэха» против их лексуса.

Это был один из тех моментов, когда я жалел о том, что так и не научился лихачить на дороге. Некоторые вещи нужно просто уметь делать, вот и все. Здесь я до сих пор не преуспел.

Моя неопытность губила меня со скоростью выше ста ки-

лометров в час.

Я был в ярости, когда они старались заехать сзади. И я был в панике, когда они поравнялись с нами, стремясь вытолкнуть нас на обочину.

Я предпринимал попытки ответить им, но преимущества определенно были не на моей стороне.

Мне хотелось достать пистолет. Но это все еще был неподходящий случай – до этого у меня не было перестрелок, и я готовил себя к этому, как девственница к первому сексу. Я знал, что рано или поздно, мой мозг отключится, и я начну палить во все стороны, отстаивая собственные позиции. Но определенно точно, не сегодня, и не сейчас. Я знал, что потерплю поражение.

Смириться с этим было невозможно.

Путь от ярости до смирения тернист.

Поэтому, все же, я боролся до последнего.

Какой-то частью сознания, я понимал, что сегодня моей машине придет конец. Это как с отличной любовницей – ты ее используешь, любишь ее, иногда восхищаешься, представляешь ее своим друзьям, они даже могут позавидовать; время от времени, ты ее лелеешь. Но ты ничего о ней не знаешь – как бьется ее пульс, что она чувствует, когда ты требуешь от нее что-то выше ее возможностей. Она всего лишь более или менее исправный механизм – сделает все, что положено. Иногда даст сбой, но это мелочи.

Но рано или поздно наступает момент, когда с любовни-

цей пора распрощаться, как бы она тебе не нравилась.

–Прощай, милая! – сказал я, понимая, что нас сносит с дороги в кювет.

Не могу сказать точно, сколько раз мы перевернулись. Помню только, что это длилось почти вечность, и я уже готов был все отпустить. Но, как всегда, что-то помогло мне остаться в сознании. Неразгаданная сила. Твердая воля.

Я огляделся, и понял, что жив. Парни были в отключке.

Живы, подумал я. Должны быть живы!

Волна паники снова захлестнула меня, когда я понял, что не могу пошевелить ногами. Либо парализовало, либо что-то еще.

Затем я услышал, как распахнулась дверь в салон, и в следующий момент Кирилла уже вытаскивали наружу те двое, что решили пойти в активно-радикальное наступление, хотя такого раньше не происходило. Кирилл был словно пьян. Он был еле живой, и вызывал к себе добрую долю сожаления.

Я не мог отдать его просто так.

Я постарался развернуться, но почувствовал адскую боль в ногах (можно было не волноваться; я просто застрял), и вцепился руками за Кирилла, успев ухватить его ногу. Мы стали тянуть его каждый в свою сторону.

Кирилл посмотрел на меня так, словно пробудился от ночного кошмара, но увидел его продолжение наяву. Казалось, он не понимал, что вокруг него творилось.

–Нет! – выкрикнул я. – Нет, мать вашу!

Наверное, со стороны мы выглядели, как маленькие дети, которые не могли поделить большую игрушку.

Их было двое. И поэтому у них было преимущество. Младший обошел мою изувеченную машину, и оказался с моей стороны. Он собирался утихомирить меня. Стекло было разбито, поэтому он легко мог до меня добраться.

Я отпустил Кирилла, быстро открыл ящик между сиденьями, дрожащими руками достал пистолет, развернулся (снова страшная боль в ногах), и приставил пистолет к плечу Младшего. Перед тем, как спустить курок, я увидел, какими большими стали его глаза от неожиданности. Грохнул выстрел. Парняга взвыл, на подкошенных ногах сделал пару шагов от машины, и упал коленями в траву.

– Пошел ты! – сказал я ему. – Пошли вы оба!

Старший посмотрел на меня так, как только взрослый может смотреть на неразумного подростка.

– Все-таки, Айдын, ты псих, – сказал он.

– Каждому поступку есть свое оправдание, – ответил я.

Старший подошел к напарнику, и осмотрел его рану.

Младший старался терпеть, стоило отдать ему должное. По голосу было слышно, как ему хотелось расплакаться. Но он держался; крепкий орешек, черт возьми.

Старший помогал ему подняться, приговаривая при этом в мою сторону:

– Когда в фильмах стреляют в плечо героя, он поднимается, и идет дальше. С трудом, но идет. Изображая на своем

лице маску боли. Наверное, именно этой выдумкой ты руководствовался, когда решил стрелять в упор. Да, Айдын?

– Помоги мне выбраться, и тогда мы поговорим, – сказал я.

Было понятно, к чему он ведет. Но у него не получится выставить меня придурком. Они напали на меня. Я напал на них. Мы квиты.

Старший продолжал свою песню:

– На самом деле, плечевые ранения очень опасны. Плечо содержит подключичную артерию, которая связана с плечевой артерией, – к сведению, главной артерией руки, – а также с плечевым сплетением, большой нервной связкой, которая управляет ее функцией. Исход может быть разным. От потери руки до долбанной смерти. Ты хочешь, чтобы он умер?

– Сомневаюсь, что это произойдет сегодня, .

– Все мы смертны. Видит Бог, Айдын, если с ним что-то случится, я приду к тебе. Если у него отнимут руку, я отниму твою руку. Если же это будет жизнь, тогда тебе придется попрощаться с миром.

– Тогда вам лучше поторопиться к хирургу, разве не так?

– Верно, – сказал Старший. – Желаю тебе удачно выбраться из той ситуации, в которой ты сейчас находишься.

Я промолчал. Мне не терпелось освободиться.

Они двинулись к своему джипу. Раненный ковылял, но держался молодцом. Я знал, для того, чтобы ходить в простреленном состоянии, нужно быть больше, чем просто человеком.

Кирилл уже сидел внутри, и смотрел на все отсутствующим взглядом.

Они забирают его. Черт возьми, они его забирают!

Я не должен был отпускать его. Не так все должно было быть!..

Я подумал, как снова придется продираться сквозь заросли своего поражения к привычному свету. И ощутил при этом боль во всем теле.

Фиаско!..

Я сирота, который никогда не знал своих родителей. Узнать, кто они; увидеть их со стороны; обнять их; почувствовать тепло их тел – это мечта, которая постоянно посещает меня. Это то, чего требует моя душа. Порой, я словно схожу с ума. Мне начинает казаться, что рано или поздно, но это точно случится. Я постоянно делаю это в своих снах. Почему бы этому не произойти в реальности?

Мою веру ничем не сломить. Детский дом, чувство одиночества, тот факт, что меня покинули, – все это со мной до сих пор. Я все еще жив. Все еще здесь.

Когда мой приемный отец усыновил меня, мне было пять лет. После холодных комнат и постелей я попал в руки озлобленного и жестокого человека, одержимого своей идеей, единой истиной, абсолютной и непогрешимой.

Он искал ко мне путь через доброту и заботу. Он воспитал во мне мужчину. Он сделал из меня воина.

Я не смел ослушаться, и старался учиться тому, что изначально было мне чуждо. Мне не хотелось перечить человеку, который назвался моим отцом. Но шестое чувство постоянно подсказывало мне, что все происходящее неправильно.

Он научил меня усидчивости, и показал пользу стараний. Он рассказал мне, как я могу владеть своим телом, и как мое же тело способно управлять мной. Мои мысли, мои желания, мои потребности... Он стирал их. Шаг за шагом. Методично. Со знанием дела.

Он научил меня читать, и я познавал заповеди. Мы молились. Мы были преданы нашей вере.

Он говорил, что весь мир обязан быть предан вере. Истинной вере...

Он научил меня убивать. С моим отцом я познал суть оружия. Его силу. Его спокойствие.

Но я так и не смог поверить ему до конца. Что-то извне постоянно подсказывало мне, что вера не ведет к убийству. Я чувствовал это, знал об этом.

С ним мы были одиноки в своих взглядах. Мы были одни против всего мира...

В конце концов, все это кончилось...

Я убил человека... Да, я убил человека. И после этого почувствовал себя лучше. Я ощутил свободу. На секунду. На одно прекрасное мгновение.

Мне пришлось это сделать. Мои руки были окроплены кровью с малого возраста. Я до сих пор оправдываю себя:

если бы я не сделал этого тогда, то, возможно, сегодня меня бы здесь не было...

На войне убивают, чтобы выжить. Я убил в мирное время. Но цель была аналогична.

Мы – братья, не связанные общими генами или кровью. Мы – дальние родственники. Мы узнаем друг друга, когда пересекаемся взглядами в толпе. Мы – убийцы...

Оружие не может стрелять само, у механизма нет стремления к воле. На курок нажимает человек, и после становится убийцей.

Не смотря на это, мне до сих пор кажется, что однажды пистолет в моей руке выстрелил случайно. Пуля прошла на вылет, и через мгновение парень, который пытался напасть на меня, был уже мертв. У меня не было намерения убивать его. Припугнуть? Да. Обычно это срабатывало.

Но тогда был непростой случай. Тот отморозок, упокой Господь его душу, был в стельку пьян. Его ничто не могло остановить. Он не просто лез на рожон. В минуту нашей с ним схватки ему хотелось словить пулю. Он всего лишь получил, что заслужил. Ему стоило выпастся, и, я уверен, мы смогли бы разрешить наш конфликт уже на трезвую голову. По крайней мере, мы могли постараться...

Ранним осенним утром я совершил случайное убийство... Он не был моим врагом. Нас не объединяли общие дела. Этот парень был всего лишь придурком, от которого

пришлось защищать нужного мне человека, – своего сокурсника.

Его звали Тим.

Широко открытыми глазами он смотрел на бездыханный труп, лежащий в луже собственной крови. Тим молчал, и молчание его было наполнено ужасом. Он понимал, что априори становился свидетелем хладнокровного убийства; а также потенциальным подозреваемым. Для него уже не было пути назад. Для нас обоих...

Мне казалось, что после выстрела я мог слышать все: как шелестит трава; как бьется и останавливается сердце; как душа покидает тело...

Я оглянулся по сторонам. Прислушался к шорохам. Где-то взлетела в воздух птица, захлопала крыльями, улетела подалее от смерти.

Вроде никого. Кроме нас двоих; и мертвеца.

–Этого не должно было случиться, – сказал я.

Тим кивнул. Он не мог смотреть мне в глаза.

Я подошел к нему, и почувствовал, как ему было страшно. Ему хотелось убежать куда подальше. Каждый хотел бы этого, оказавшись в подобной ситуации.

–Необходимо избавиться от тела, – сказал я.

–Что я должен делать? – с готовностью спросил он.

Хоть он и боялся, и его начинало колотить, решимости в нем было хоть отбавляй.

–Это мое дело, бро, – сказал я. – Тебя здесь быть не долж-

но.

–Даже и речи быть не может. Я не оставлю тебя одного.

В очередной раз мне пришлось убедиться в его преданности. Он боялся меня. Он боялся будущего. Но совесть не позволяла ему оставить друга в неясной ситуации.

Он был уверен, что мы друзья.

Он был в заблуждении...

–Тим, слушай меня внимательно. Сейчас ты развернешься, и пойдешь той дорогой, какой должен был пойти изначально. Насколько я помню, мы договаривались, что ты пойдешь домой. Верно?

В его взгляде было смятение.

–Прости, – сказал он.

–Иди домой, бро. Помойся и выспись. А когда проснешься, и вспомнишь обо всем, просто подумай, что это был всего лишь страшный сон, ночной кошмар. Тебя здесь не было. Ты понял? Скажи, что ты меня понял.

–Да... – Он кивнул. – Да, я понял.

–Иди!

Он развернулся, и побрел. Ноги его не слушались. Уверенная осанка пропала. На одежде остались следы борьбы. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь увидел его таким. Я посмотрел на часы. Еще не было шести. Люди выйдут на работу только через пару часов.

Неожиданно он упал на колени, и как-то смиренно посмотрел на небо, отклонившись немного назад. Закрыв глаза,

за...

Я подошел к нему, и увидел, как на его щеке блестела слеза; услышал его тяжелое дыхание. Стал поднимать его с земли. Он не слушался.

–Ты должен идти! – повторял я ему. – Будь сильным!

Вдруг он сказал:

–Я люблю тебя, бро...

Не открывая глаз, не смотря в мою сторону.

Ему было стыдно. За свои потребности. За свои чувства.

Раньше я бы разозлился. Теперь же его любовные стремления вызывали во мне умиление. Он был словно маленький ребенок, ослепленный желаниями, и не способный преодолеть их.

Я проигнорировал его, и подтолкнул в спину.

–Иди!

Пришлось прогонять его.

Он пошел, не оглядываясь. Немного шатаясь, но уже более уверенным шагом...

Избавиться от трупа не всегда сложно. Сложнее жить с воспоминаниями. С чувством вины, если оно имеет место быть, конечно.

Сейчас мало говорят о вине, или об ответственности.

Я стремлюсь не признавать своих промахов. Ни перед людьми, ни перед собой. Виноват кто угодно: мои приемные родители, которые не сумели дать мне должное воспитание; мой учитель по боевым искусствам, который оказался более

агрессивен, чем следовало бы; фильмы и видеоигры, заполненные сексом и насилием; уборщица, не так посмотревшая на меня; уличный кот, перебежавший мне утром дорогу.

Виноват кто угодно. Но только не я. Иначе я не выживу...

Когда я вернулся домой, машины уже стояли в утренних пробках. Я встал перед зеркалом, взглянул на свое уставшее отражение. Потный и грязный. Открыл воду, желая для начала ополоснуть лицо. Но сорвался. Бросился к толчку, убрал крышку, и вырвал какой-то белой жидкостью. Затем свалился на холодный кафельный пол.

Мне становилось легче. Напряжение спадало...

Я сын успешного бизнесмена. Мой отец метит в политики, и поэтому мне стоит осознать меру своей ответственности, — за свое поведение, за свои высказывания. Никто не говорит мне об этом напрямую. Только мать намекает вскользь; напоминает мне, чтобы я не забывал кто я, и какого мое положение.

Мои мысли часто заняты финансами, их приумножением. Бедности для меня не существует. Меня никогда не посвящают в эту сторону жизни. Поэтому некоторых фактов незавидной жизни людей я касаюсь лишь немного, прохожу с краю. Что-то слышу от своих знакомых, о чем-то говорит мать, когда готовит речь мецената.

Когда я вижу на улице оборванца, мне напрашивается только один вывод о таком человеке: он недостаточно поза-

ботился о своем благополучии; его мышление, по большей части, было ограниченным; если человек считает себя лишним обществу, то там ему и место.

Социальный статус моего отца автоматически передается и мне. Почему-то, мне постоянно хочется подтверждать данное мне положение, подкреплять его своими способностями и реальными действиями.

Но, если быть честным, в этом плане у меня мало что получается. Я стараюсь разобраться в проблеме, но у меня не выходит. Возможно, это связано с величиим фигур моих родителей.

На самом деле, я не совсем люблю останавливаться на подобных мыслях. Я стараюсь концентрироваться исключительно на положительных моментах. Их в моей жизни гораздо больше.

Не должно показывать себя слабаком или неудачником. Нытиков я стараюсь обходить стороной. Меня от них воротит.

Я люблю улыбки. Смех. Люблю подтрунивать над кем-нибудь. Последнее доставляет мне особое удовольствие, ибо реакция окружающих бесценна. Не все понимают, когда устраиваешь провокацию. И не всем по нраву подобная забава. Я же всегда в восторге от тех импровизированных спектаклей, которые в итоге получаются. Временами в меня летят шишки, я не вижу в этом ничего дурного.

Я хожу на вечеринки, где можно встретить нужных людей.

Где можно встретить людей, с которыми легко веселиться. Людей, которых ты уже знаешь, и которые знают тебя. Твои способности. Твои склонности. Твое странное чувство юмора.

К сожалению, не все вечеринки заканчиваются удачно.

Однажды мы сбили человека, переходившего дорогу в неполюженном месте. За рулем был один из тех перспективных и вполне прилежных молодых людей, который никак не ожидал, что именно ему угораздит попасть в подобную историю. Мне было искренне жаль его, – он был безутешен, и до бесконечности корил себя за нерасторопность. Ничто не могло его хоть как-то успокоить. И, в итоге, он принял готовность понести полное наказание. Конечно, его родители сказали ему, что он сошел с ума, и чтобы он сидел тихо, и не высывался. Их правоту оспорить трудно. Потом, когда все кончилось, он несколько «отрезвел», и сразу повзрослел лет эдак на пять – в его блестящих волосах брюнета появились миллиметровые следы седины.

Тогда я впервые и всерьез (но в тайне ото всех) поблагодарил Бога за то, что это была не моя машина, и не я стал причиной чьей-то гибели. Мимолетное рождение веры показалось мне весьма милым. Реальность стала наполовину подвластна какой-то высшей силе, о которой я слышал, но никогда не желал верить в нее.

Эту же силу я стал обвинять, когда меня постигали неудачи в моих начинаниях. У меня была убежденность – что-то

не давало мне двигаться дальше; не позволяло сделать мне то, что мне хотелось сделать.

Мне страшно хотелось почувствовать гордость родителей за своего сына, услышать их похвалу, быть «принятым» в стан умных и зрелых людей. Все это временно заставляет меня поволноваться.

Конечно, я считаюсь завидным женихом. Простушки постоянно ведут за мной охоту, не подозревая о том, что сами, в итоге, станут жертвами, – развлечение, которое, кажется, не прервется никогда.

Порой я задумываюсь о своей семье, той, которую способен построить всякий мужчина, и эти мысли отзываются в моей душе слабо. Возможно, дело в возрасте? Молодость дана мужчине скорее больше для пустозвонных решений, ничего серьезного, так мне думается...

У меня есть мечта.

Я на пороге власти. Я правая рука власти. Я у власти.

Я власть...

Я меняю мир. Даю ему новое название. Вдыхаю в него иную жизнь.

В реальном положении вещей я люблю рассматривать власть денег. Я склоняюсь к тому, что заработать сегодня большие деньги можно на чужой войне... Война и деньги... Деньги и война... Частью своего состояния я бы профинансировал чью-то войну; ее идеалы; веру, которая за ней стоит.

Нашел бы я себя в этом?..

Я в темноте. В одиночестве. Стою на лестничной площадке, напротив окна с выбитым стеклом. Здесь все в запустенье. Строительный мусор на полу, облупленные стены, тишина и холод.

Мне здесь комфортно. В этом огромном заброшенном здании я и мои подопечные обычно прячем то, чем мы занимаемся. Здесь нас никто не потревожит. Мы на территории частной собственности. Нам было дано это место, чтобы мы могли выполнять свои обязанности.

Я докуриваю сигарету. Один из тех редких моментов, когда я позволяю себе дать слабину.

Из темноты ко мне идет Макс, – мой главный помощник. Его шаги разносятся слабым эхом, и эти звуки умиротворяют меня.

Мы должны закончить нашу работу. Для этого он ко мне направляется. Мне нужно было добавить последний штрих. Поставить галочку.

Мне хочется только одного: положительного результата.

Можно сказать, что я и Макс, да и все остальные, попали в наше дело не случайно. Загвоздка лишь в том, что чем больше размышляешь об этом, тем меньше хочется произносить подобное вслух.

Мы никогда не говорим, насколько нам все нравится, и какую степень удовлетворения получает каждый из нас от проделанной работы (стоит заметить, иногда весьма опасной).

Но ясно одно: свою долю пирога, полученную в итоге, мы съедаем с удовольствием.

Скажем так: услуги нашего брата востребованы в разные времена, но почетными их назвать сложно.

В периоды революций и правлений тиранов мы чувствуем себя на своем месте. В остальные времена приходится скрываться за занавесом, в ту минуту, когда на сцене развивается представление.

В некоторых ситуациях нас окрестили бы карателями; в иных – «рядовыми исполнителями»; или как-нибудь еще.

Здесь тоже нужно свое мастерство. Я не особо люблю наблюдать чужую смерть (хотя все, кто знают обо мне, думают с точностью наоборот), и стараюсь обходить этот метод, который скатывается в крайность. Все мои убийства (их можно счесть по пальцам одной руки) были совершены мною вынужденно, и не особо радуют меня.

Макс такой же, как и я. Но мы никогда не признаемся в этом друг другу. Хотя, наверное, и хотелось бы.

Вместо вербальных рефлексий мы предпочитаем делать то единственное, к чему привела нас наша жизнь.

–Осталось еще немного, – говорит мне Макс. – Почти раскололся. Парень выдохся. Даже жалко его, если честно...

Я буду не я, если не скажу ему то, что должен сказать.

–Не обязательно чувствовать за собой вину. В нашем положении стремление к проявлению жалости всего лишь иллюзия. На самом деле ты хочешь видеть его страдания. Ина-

че тебя бы здесь не было.

Хоть мы и сверстники, Макс слушает меня внимательно, не смея перечить. Конечно, ему не всегда по душе то, что я ему втолковываю. Сейчас, после моих слов, когда мы продвигаемся в темноте в комнату, где идет допрос пойманного нами врага, Макс поменялся в лице, и я всю дорогу чувствовал на затылке его взгляд. Когда я глянул на него, он отвернулся, словно стыдился своих мыслей.

Ему еще многое предстоит узнать о себе.

Тот человек, из которого мы выбиваем необходимую для нас информацию, по большому счету никакой нам не враг. Я понимаю это. Макс тоже понимает это. Все, кто в курсе наших общих дел, знают об этом.

В нас мало вражды. На самом деле мы соревнуемся за большой приз. Это игра, правила которой я временами нарушаю, и перехожу к радикальным методам. К таким, как сегодня. Сейчас.

Все мы решили, что назовемся врагами. Два лагеря, две команды. Это была простая формальность, ничего больше.

Но иногда границы стираются...

У парняги было вымотанное выражение лица, в нем больше не осталось сил. Пот стекал по лицу крупными градинами; он не мог вытереться, потому что его руки были связаны за спинкой стула, на который его усадили. Правое веко успело отечь, и превратилось в большой вздутый синяк.

Да, возможно, мы немного перестарались в этот раз. Но

кому и какая разница. Лично мне уже плевать. Мне нужен итог...

– Могу поспорить, ты и не думал, что угадишь в такую передрагу, верно? – Я ехидничал; пусть он еще немного ползится; чуток. – Все так думают в самом начале. До того момента, когда не наступает реальность.

Мы помним уведомление: на нашей работе никаких убийств. Это крайне значимо, – не брать грех на душу.

Не убий! Божья заповедь!

На войне грехи прощаются. В мирное время есть шанс оправдаться. Можно воспользоваться услугами высококлассного юриста, и выйти сухим из воды; можно нащупать веревочки, и подергать за них. В ином случае ты – просто мясо, на которое могут повесить и чужие грехи тоже. Всегда кто-то должен за все ответить...

Всегда...

Возможно, что сегодня таким человеком станешь ты. Твоя смерть станет оправданием каждому поступку, какой был совершен твоими товарищами. Каждый из *ваших*, кто когда-то перешел мне дорогу, поймет, что со мной шутить не стоит.

Представь себе, тебя даже могут возвести в лики святых! Хотя, конечно, это чушь! Мы ведь не религиозная секта... Хотя, некоторые думают иначе...

Убийство в мирное время – это роскошь. Особенно для таких извращенцев, как я.

Я люблю убивать, и не стремлюсь скрыть это. Каждого,

кто серьезно помешал мне, я уничтожил. Стер. Препятствия больше нет!

И я знаю наверняка, ты знаешь об этом тоже.

Думал, что ты застрахован?

Нет!

Никаких убийств, никаких смертей?

Чушь!

Я выстрелю, не моргнув глазом.

Пуля попадет в твой лоб, и выйдет через затылок. Ударная сила вынесет из твоей глупой головы весь мозг. Твой глупый и никчемный мозг, который заставил тебя быть настолько наивным, что ты не смог распознать самое простое вранье, которое втирают нам, чтобы только мы поверили в сказку.

Никаких убийств...

Я вижу во сне, как перестреливаю всех вас, как диких псов. Когда-нибудь это станет явью. И ваши головы украсят жертвенный алтарь, и остекленевшие глаза будут смотреть вечно на то, против чего ты и твои люди так упорно сражались.

Выбор за тобой. Ты говоришь, где и как я смогу найти ключ от ячейки, либо ты отправляешься к праотцам (я достаю пистолет и приставляю ствол к его лбу) через пять, четыре, три...

—Я действительно об этом ничего не знаю, — говорит он.

—Две, одна...

—Но я знаю человека, который в курсе.

–Кто он?

–Али. Главный менеджер. Он сможет сказать больше.

–Кто охраняет ячейку? Тоже главный менеджер?

–Никто не знает.

Я выдерживаю паузу и, все же, убираю ствол, – жизнеутверждающий жест с моей стороны. Парняга вздыхает с облегчением.

–Ладно, – говорю я, – никаких смертей на сегодня. Ты вернешься в свою камеру, чтобы жить дальше.

Запомни, за тобой никто не придет. Тебя бросили. У тебя больше нет хозяина.

Я не твой хозяин. Я – твоя смерть, если ты солгал мне. Запомни это.

Ему помогли подняться. Его ноги подкосились, и он чуть не упал на колени; его вовремя подхватили, и поволокли из комнаты.

–Думаешь, он сказал правду? – с неясным облегчением спросил я у Макса.

После внушительного монолога мои нервы находились в напряжении. Мне хотелось продолжения. Хотелось выяснить правду, и заполучить то, зачем я вел охоту. Мне нужна была моя добыча.

–Это не сложно проверить, – отвечает мне Макс. – Сегодня event в одном фешенебельном отеле. Кажется, по случаю новой информационной методики. Нечто кардинальное для сотрудников компании. Али там будет. Как и всегда, он

у штурвала.

– Придется немного подпортить ему вечер своим появлением, – говорю я. – Смотри, чтобы здесь все было в порядке. Я дам знать о дальнейших действиях. Без меня ничего не предпринимать.

Макс кивнул.

Я выбираюсь из мрака заброшенного здания, и отправляюсь туда, где мой враг меньше всего ожидает увидеть меня – в его привычную обитель.

Враг – это всего лишь слово. Звук, рождающий ярость. Врагов не существует. Как и друзей...

Через минуту я уже направляюсь на чужую территорию, туда, где много посторонних лиц. Мирные жители. Обыватели. Люди, зарабатывающие деньги на свою нервно-спокойную жизнь.

Они гонятся за временем. Они желают обогнать его. Они постоянно строят воздушные замки...

Я пересекаю порог отеля, и попадаю в огромный, заполненный светом и людьми, холл. Мимо меня проходит официант, и я подбираю с его разноса бокал с шампанским. Делаю пару внушительных глотков.

Не люблю спиртное. Но, надо отдать должное, в небольшом количестве оно способно творить чудеса.

Позади меня знакомый голос:

– Не может быть! Кто посетил нас сегодня!

Я оборачиваюсь.

Передо мной лицо из моего недалекого прошлого. Кто-то, похожий на меня. Раньше мы занимались нашим общим делом. Теперь мы по разные стороны баррикад.

–Чем обязаны? – спрашивает он.

–Хорошей выпивкой! – отвечаю я.

Он пристально смотрит на меня, стараясь разгадать причину моего появления. Затем вежливо интересуется обо мне:

–Как ты? Я уже больше двух лет о тебе ничего не слышал!

–А ты что-то слышал обо мне?

–Немного.

–Например?

–Слышал, что ты ушел к нашим «конкурентам».

–И всё?

–Да.

–Так вот, возможно, я подумываю вернуться.

Я обманываю его, и он знает об этом, но продолжает сохранять вежливый тон.

–Дельная мысль! – говорит он.– Наше главное преимущество в том, что нам позволяют расти над собой. Дают возможность развития.

–Я все еще считаю, что это иллюзия.

–Если по чесноку, в этом деле я ни разу ни о чем не жалел. Даже напротив.

–Теперь ты менеджер среднего звена, – говорю я. – верно? Поздравляю тебя с этим!.. Что касаясь меня, то вряд ли я

смогу превратиться в рядового сотрудника огромной корпорации.

– Это страх. Нормально бояться делать новые шаги.

– Я не хочу отказываться от самого себя. От того, что было дано мне судьбой. Поражаюсь тому, как ты, и все остальные, занимаетесь этим. С вами здесь точно что-то делают, ребята.

– Никакого зомбирования. У всех есть выбор.

– Не буду спорить. Просто выпью еще немного. Шампанское отличное!

Он все еще старается прощупать почву. На его территорию зашел враг. Необходимо узнать, для чего.

– Ты стал более сговорчив, – говорит он. – Похвально!

– Просто мы с тобой больше нигде не пересекались.

– Вот как... – Он выдерживает паузу, не спуская с меня глаз. Потом спрашивает напрямую: – Для чего ты пришел, Айдын?

– Есть одно дело, – отвечаю я.

– Мы оба знаем, что тебя не должно здесь быть.

– Все будет нормально. Обещаю.

Я поднимаю раскрытую ладонь в знак клятвы и честности.

– Старика сегодня не будет, – говорит он.

– Я пришел не к нему. Мне нужен Али. Где он?

– Прямо перед тобой. – Он показывает на специально подготовленную сцену для спикеров этого вечера. – Перед всеми нами.

Главный менеджер берет в руки микрофон, и это приме-

чает большинство собравшихся здесь людей.

–Добрый вечер! – говорит Али, и его голос слышно во всем зале. – Рад видеть вас всех сегодня!

Грохнули аплодисменты – люди проявляли взаимную радость.

–Это начало новой эпохи, – говорит мне мой старый знакомый. – Подумай об этом.

Он хлопает меня по плечу, и удаляется.

Пришло время послушать главного спикера.

Не теряя нить его речи, я медленно пробираюсь среди людей к сцене, не сильно близко, но и не оставаясь в последних рядах; настолько, чтобы меня можно было заметить в толпе остальных лиц. Я стараюсь поймать его взгляд. Необходимо, чтобы он заметил меня. Мне нужна его первая реакция.

Он говорит:

–Я приветствую всех тех, кто когда-то решился сделать всего лишь один простой шаг, переступив черту из одного образа жизни в другой. Мы смогли сказать себе «нет» бездействию и апатии, получив, в итоге, нескольких лет более или менее усердной работы, а также финансовое благополучие.

Да! – выкрикнул кто-то в толпе, и среди зрителей проснулось *одобрение*.

Переждав волну позитивной эмоции в зале, спикер продолжал:

–Мы продвигались семимильными шагами, и вырвались в

итоге далеко вперед остальных. На сегодняшний день у нас десятки филиалов по всему миру, и, как понимаете, это во-все не предел. У нас есть твердое намерение искать иные пути развития, пробовать новые методы в своей работе. Методы, проверенные временем. Те методы, которые дают серьезный результат.

Сегодня мы продолжим разговор об этих методах. И, я надеюсь, вы к этому готовы. Потому что, ребята, это настоящий взрыв мозга! Нечто невероятное смотрит сейчас прямо в наши глаза! Оно приветствует нас, приглашает нас к себе на чай, и хочет завязать с нами беседу. И, все, что нам сейчас нужно, просто выслушать, и поступать, как надо. Ничего больше.

Сегодня ничто не стоит на месте. Время несется, как сумасшедшее.

Я помню себя молодым человеком, и то, как я стал чувствовать... Видеть... Как меняется мир. Как он излучает новейшее настроение нестабильности и непостоянства.

Гектор помог мне в этом. Он направил мои мысли в нужное русло.

Благодаря ему мы сегодня здесь. Именно он когда-то дал шанс мне, и, значит, всем нам тоже. Давайте поаплодируем этому человеку!

Люди в зале сделали это с удовольствием и учтивостью.

—Так вот, тогда, всего каких-то пять или десять лет тому назад, трудно было даже предположить, что в наших руках

окажутся такие технические инструменты, с помощью которых мы, например, можем продавать, не прилагая к этому тех усилий, какие нужно было прилагать раньше.

Те инструменты, которые позволяют нам задействовать ресурсы всего мира. Если мы, конечно, сами того пожелаем.

Инструменты, которые позволяют нам поддерживать работу кристаллов воображения, и продолжать успешное развитие информации в той среде, в которой мы живем.

Главное на сегодняшний день – это продуктивный обмен опытом и знаниями. Те ребята, которые будут в дальнейшем обучать нас с вами на протяжении месяца, они словно из моего детства. Такие же простые и свои в доску люди. Но стоит им заговорить о своем деле, как они превращаются в *настоящих*, в тех, кто мы есть сегодня – в людей, способных смотреть шире и глубже на простые вещи в современном мире.

Я смотрю на них, и на вас; и я вижу красоту. Я вижу...

Тут его уверенная речь оборвалась на мгновение, потому что он заметил меня. Он утратил дар речи, и на несколько недолгих секунд в зале повисла тишина.

–...Я вижу связь между всеми нами, и она неслучайна... – Он как-то сконфузился, потер лоб ладонью, и на его лице заиграла легкая улыбка. – Вообще, это удивительно, когда события опережают тебя на столько, что ты иногда просто теряешь дар речи. Когда ты вдруг останавливаешься, и смотришь вокруг себя; оглядываешься по сторонам, в попытке заметить нечто, что ускользает из-под твоего чуткого внима-

ния. И ведь иногда можно заметить совсем маленькую, но очень важную деталь.

Мы сделали это... Сделали это для вас. Чтобы вы имели возможность узнать об этом, и передать это знание по всему миру.

Спасибо! Мы продолжим через десять минут!

Он бросил взгляд в мою сторону, и я заметил в нем недовольство. Он отошел к своим помощникам, и о чем-то стал переговариваться вместе с ними.

Наверняка, речь шла обо мне. Не стоило в этом сомневаться.

Играла музыка. Все снова предалось общению друг с другом.

В очередной раз я подхватил с разноса бокал с игристым напитком.

Али спустился со сцены и подошел ко мне.

– Крайне вдохновляющая речь! – сказал я ему. – Успех делает свое дело. Помню, когда мы познакомились, из тебя и слово трудно было вытянуть.

– Как и из тебя, – ответил он мне. – Мы оба были дикарями, если помнишь.

– Я бы так не сказал. Скорее, у нас был иной жизненный опыт, нежели, чем у остальных.

– Теперь все по-другому. И мы соперники. Я не хочу этого говорить, но мне совсем не нравится, что ты здесь находишься.

–Вижу, вы, ребята, сильно взволнованы моим появлением. Не стоит паниковать. Мне всего лишь нужна информация. Без нее я не уйду.

–Нам всем нужно знать что-то. Но не всем из нас это дано.

–Философствование – слабая защита.

–Что тебе нужно?

Его терпение лопнуло. И я пошел напролом.

–Я доберусь до ячейки, – говорю я. – Сегодня же. Этим вечером, или ночью. Вскрою ее, возьму то, что мне принадлежит, и уйду туда, откуда пришел. С твоей помощью или без нее.

–У тебя ничего не выйдет. Слишком поздно. Ты опоздал.

–Не забывай о своей дочери, Али. И о супруге тоже.

–Не смей вмешивать в это мою семью!

–Никто их не тронет. До определенного момента.

–Я знаю тебя, Айдын. Ты можешь только угрожать. Играть на чужом чувстве страха. Все те слухи, что ты, якобы, отморожен на всю голову, ничего не стоят. Меня ты запугать не сможешь. Потому что я знаю, к действиям ты не перейдешь.

–Мы можем проверить это сегодня же.

–И что ты сделаешь? – Он прыснул. – Убьешь их?

–Я могу сделать это. С меня не убудет. Я ненавижу семейственность. Так что, думаю, что смогу испытать немалую долю извращенного удовольствия, когда буду насиловать твою жену на глазах у маленькой девочки; перед тем, как покончить с ними.

–Твоя проблема в том, что тебе еще никто и никогда не мстил. Ты еще не знаешь, насколько холодным может быть это блюдо.

–Я не буду с тобой спорить. Когда-то мы были хорошими друзьями. Не нужно думать, что я забыл то время. Только вот вышло так, что наши пути разошлись. Вот и все. Ничего личного.

Теперь твое дело – это телефонные звонки, встречи с клиентами и управление людьми. Твоя мечта сбылась. Это факт. Стабильная жизнь обычного человека с невнятным прошлым.

Рано или поздно, придется с этим попрощаться.

–Как ты узнал про ячейку?

–Этого я тебе не скажу.

Мы прекратили диалог. Наступило молчание. У нас словно была передышка между раундами. Я допивал шампанское. Он смотрел в сторону.

Теперь было важно то, что он скажет. Мне не нужно было его подталкивать. Он сам найдет слова.

–Посмотри вокруг, – говорит он. – На этих людей. На обстановку. Пропитайся общим настроением. И скажи мне, что ты чувствуешь.

–Отвращение.

–Ты ответил слишком быстро. Это самообман.

–Хорошо. Только из уважения к тебе, я скажу правду. Мои ощущения таковы, что я нахожусь в чуждой мне атмо-

сфере неприкрытого карьеризма. Ты, и тебе подобные, только и можете, что собираться на своих закрытых вечеринках, и обсуждать новые способы достижения цели, и того, как бы заработать еще больше денег. Вам всегда мало. Вы ненасытные. Больше всего во всем этом меня раздражает то, что вы забираете к себе людей, подобных мне. Свободных людей. Независимых людей. Вы превращаете их в свою программу. Делаете из них новый элемент своей прекрасной системы.

Между мной и вами черта. Абсолютно четкая и видимая. Мы чужаки друг для друга. Мы из разных стран.

Вот, что я чувствую.

–Тогда уходи. Мирно. Пусть эта черта станет более ощутима.

–Хорошо. Я передам привет твоим домашним.

Я поставил бокал на столешницу и собрался уходить.

–Ключ от ячейки в доме у старика, – сказал мне Али. – В ящике его рабочего стола.

–Отлично! Я знал, что ты сделаешь правильный выбор!

–Мир меняется, Айдын. Сомневаюсь, что ты сможешь приспособиться в нем.

В его голосе улавливались нотки сочувствия.

–Это будут мои личные проблемы, – ответил я ему.

–Собираешься попасть в дом к старику старым способом?

–Только через дверь, братан. Только так.

–Там непростой замок. Приготовься попотеть.

Я прикладываю указательный палец к виску, и, прощаясь,

отдаю ему честь...

...Опыта по открыванию чужих замков у меня гораздо больше, чем думает Али. Поэтому с замком я справился быстро. У меня не было сомнений по поводу отключенной сигнализации. Я знаю, что старик включает ее только в том случае, если отправляется в длительный отъезд. Сейчас был не тот случай.

В квартире было темно и тихо.

Однажды я уже бывал в апартаментах старика. Помнится, в тот момент мне приходилось скрывать свое волнение; мое лицо краснело, и на смуглой коже это было особенно заметно. Мой возраст тогда приближался к пятнадцати годам, и я только начинал свое знакомство с миром, дверь в который открыл мне этот ворчливый и строгий мужчина-инвалид, передвигающийся в кресле-каталке.

Гектор. Это его имя. Перед ним пасовали многие. Что уж взять с подростка, вроде меня, оказавшегося дома у своего вечно чем-то недовольного учителя?

С тех пор прошло шесть лет. Я снова здесь, в этих стенах. Но у меня было ясное ощущение того, что здесь ничего не изменилось. В то время как внутри меня несколько раз перевернулся весь мир. От этого резко почувствовалось мое нынешнее положение: мой возраст, мой жизненный опыт, мое взросление.

Я копаюсь в памяти.

Кажется, здесь шесть или семь комнат. Две просторных

студии, и спальни. Где находится кабинет старика, я точно не помнил.

Пришлось включить интуицию.

На секунду мне показалось, что в квартире есть кто-то еще. От этого я снова почувствовал себя взволнованным мальчишкой, каким был раньше. И при этом возник небольшой пробел, на месте которого находилась связь между моим волнением и этим местом. Все это удивляло меня, но не могло отвлечь от главного.

Я заглянул в одну комнату. Спальня. Прошел через коридор, открыл еще одну дверь. Уборная. Просторная комната; душевая кабина, ванна и биде.

Двинулся дальше, стараясь не напороться на что-нибудь в темноте и не наделать шума. Ощущение того, что я здесь не один, не покидало меня.

Зонирование холла и кухни высокой стойкой. За ней, – за диваном, и парой кресел, и невысоким столиком, – две двери. Подошел к ним, и открыл ту, что справа; увидел комнату, похожую на кабинет. Вошел.

На рабочем столе нашел лампу, нащупал круглый выключатель, и немного повернул его. Появился тусклый свет.

Увидел по паре выдвижных ящичков справа и слева.

Потянулся к тому, что был ближе, и услышал за спиной женский голос:

–Кто вы такой?

Обернулся, и увидел девушку.

Невероятно красивую девушку...

Я весь замер, и не мог пошевелиться.

Место пробела занял четкий образ...

Я уже видел ее. Именно в тот день, когда впервые оказался в этой квартире. И в тот момент все вокруг меня остановилось, перестало существовать. Ни до, ни после не повторялось со мной подобного. Только тогда.

И вот теперь, – снова.

Нужно было запомнить ее образ. Унести его вместе с собой. Оставить его в себе. Я не понимал смысла этого неожиданного желания. Но, по какой-то причине, я ему доверился беспрекословно.

Я постарался разглядеть цвет ее глаз, блестящих в темноте. Но почему-то она не смотрела на меня. Ее стеклянный взгляд падал куда-то мимо.

Вдруг я ощутил волну страха, исходящую от нее, и это вызвало во мне разочарование, которого я не мог позволить себе выказать.

Нарушив нависшую над нами тишину, она сказала:

–Вы не мой отец. Только он бывает в своем кабинете.

Остальным тут делать нечего, так он говорит. Все, кто к нам приходят, ожидают его появления при входе. И не в такой поздний час. Я повторю свой вопрос: кто вы? Назовите себя!

Она проявляла напористость, хотя было ясно, что для нее это было непривычно: ее голос заметно дрожал.

Я онемел.

Ее красота обезоруживала.

Я переступил через себя, и ровным тоном ответил:

–Я возьму то, что мне нужно, и уйду.

Но я не хотел уходить.

–Вы работаете на моего отца? Хотя, нет... У вас добрый голос. У большинства людей, работающих на моего отца, голоса несколько заискивающие. С вами другое.

Она хотела воззвать к моей доброте? Или это была неожиданная честность, которую подогнал испуг?

Я не мог позволить себе солгать ей.

–Я не работаю на вашего отца.

–Конечно, нет... Жаль, я не могу видеть вас.

Теперь я понял причину сосредоточенной отстраненности ее взгляда. Она была слепа. И я был невидим для нее.

–У меня странное чувство, – сказала она, – будто мы с вами уже раньше встречались. Когда-то давно. Мы не знакомы?

–Сказать откровенно, у меня тоже подобное чувство.

Снова повисла пауза. Мне трудно было говорить. Хотелось наслаждаться молчанием.

Я думал, как мне унести все это с собой: свой трепет, и колотящееся сердце, и тепло, разлитое внутри. И я не находил в себе сил поднять этот груз. Одному это сделать было слишком тяжело.

–Вам нужны деньги? – спросила она.

–Нет. – Во рту у меня пересохло. – Нет, мне не нужны

деньги.

–Тогда что же вам нужно забрать?

–Просто вещь. Неприметная мелочь.

–Звучит, как загадка. Дайте какую-то подсказку. Иначе, – слишком расплывчато.

Я вынужден был переключить свое внимание к изначальной цели.

–Это ключ, – сказал я.

Выдвинул первый из четырех ящиков.

–Для чего он вам?

–Он поможет мне получить кое-что важное для меня...

Открыл второй, – бумаги, металлические коробочки с сигареллами.

–Важное для вашего отца...

Следующий ящик, – ... Вот оно! Ключ-карта для нужной мне ячейки!

Поиски заняли немного времени.

–Важное для всех нас.

Я пригляделся: ярлычок на карточке с верным номером ячейки. Бинго!

–Даже боюсь предположить, какого рода важность вы имеете ввиду, – сказала она.

–Для меня всегда было важно увидеть мир, под иным углом, воочию, – сказал я, убирая ключ в свой карман. – Это бесконечно будоражит мой разум.

–Весьма глобально. – Она покачала головой, не скрывая

сарказма. – Как же жаль, что мужчин никогда не волнует любовь.

Она сделала наигранный вдох.

–Почему же? Это тоже занимало меня. Только раз.

Она добилась своего. Мы перешли на светскую беседу.

–Ах, – она вздохнула, – наверняка, это была несчастная любовь. Ваш неудачный опыт. Или нечто схожее. И, скорее всего, вы до сих пор сожалеете...

–Почти, так оно и есть. – Я заметил, как на моем лице заиграла улыбка. – Я видел *ее* лишь однажды. Мы даже не общались. Но мне хотелось этого, как никогда раньше.

–И... – Она сконфузилась. – И почему же вы с ней не заговорили?

–Мы оба были еще детьми, к тому же из разных социальных слоев. Как понимаете, нас окружало множество условностей.

–Наверняка, все еще можно изменить! – Она была полна альтруизма. – Вы знаете, где она теперь? Что с ней стало?

–Знаю...

Все это время я приближался к ней. Так, чтобы ей был слышно, и чтобы это не стало для нее неожиданностью. Я вышел из-за стола, и сделал несколько нескорох и коротких шагов в ее сторону. Теперь мы были близки. Я почти чувствовал ее горячее дыхание.

–Боже! – сказала она, и впервые ее глаза моргнули. – Что со мной?

–Вам нехорошо?

–Я не знаю...

–Вы такая красивая!

Ее лицо покраснело, а глаза заблестели от слез. Я еще никогда не видел такого искреннего счастья в чьих-то глазах. Благословление в темноте. Слепота и внутренний свет. Вот, что сейчас с ней творилось.

–Зачем вы говорите это? – спросила она.

–Потому что не могу молчать, – ответил я.

–Вы нашли ключ?

–Да, я нашел его.

–Именно тот ключ, который был вам нужен? Вы не ошиблись?

–Я не ошибся...

–Мне придется рассказать своему отцу о вас.

–Надеюсь, что он услышит только самое лучшее.

Она улыбнулась. Мне хотелось поцеловать ее. И мне казалось, что она этого хотела тоже.

–Я ждала вас там, в своей комнате, за запертой дверью. Слышала, что в квартире кто-то чужой. Я думала защищаться. Надо было мне остаться там, и не высовываться...

–Теперь вы сожалеете?

–Да! Конечно, я сожалею! Отец не оставит вас в покое! Он вас найдет! И, быть может, отнимет вашу жизнь... Я больше не встречу вас...

–Это вряд ли, – успокоил я ее. – Мы с вашим отцом ста-

рые знакомые. И он всегда относился с уважением к нашим отношениям.

– Вот как... – Ее возбужденное сознание начало успокаиваться. – Возможно ли, что я когда-нибудь снова смогу услышать ваш голос?

Все внутри меня сжалось, скукожилось, и проснулась такая скорбь, какой я не чувствовал, кажется, еще никогда.

– Мне нужно идти, – сказал я, и сделал несколько уверенных шагов.

Вдруг она спросила:

– Как вас зовут?

Я снова застыл.

Она выглядела, как обнаженный нерв. Как натянутая струна. Как каменное изваяние, скорбящее об утраченной любви.

– Айдын, – сказал я. – Это мое имя.

– Хорошо. – Она сделала глубокий вдох. – Марьяна. Так нарекли меня при рождении... Вы запомните мое имя?

– Я унесу его с собой...

Уже далеко за полночь. На вокзале пусто. Редкие сонные лица проходят мимо. Где-то тихо играет музыка.

Я целенаправленно иду в секцию с камерой хранения. Я почти схватил удачу за хвост. Осталось немного.

Бегло осматриваю ячейки, и нахожу среди них нужную. Достая прокси-карту и подставляю ее под сканер. Металли-

ческий щелчок, и замок открывается.

Как и всегда, пульс у меня ровный. Но внутри меня мальчишеское ликование, и мне это не совсем нравится. Я на грани. Мне хочется радоваться, как домашнему псу, которому выдался шанс побывать на природе.

Я открываю дверцу.

Ячейка пуста.

– Не может быть.

Мне не верится в то, что я вижу.

Я ощупываю стены ячейки в попытке отыскать тайник. Все безуспешно. Здесь ничего нет.

Что-то здесь не так.

Я был полностью уверен...

Вдруг за моей спиной, в вокзальной тишине, раздается старческий голос.

– Цель достигается разными способами, – говорит он. – Но таким, как ты, всегда приходится прибегнуть к умопомешательству.

До того, как обернуться, я уже знаю, кому он принадлежит. Я узнаю этот голос в любом возрасте, сколько бы времени не прошло с того момента, как он говорил со мной в последний раз.

– Тебе не догнать этой черепахи, Ахиллес, – говорит он.

Гектор. В своем механическом кресле-каталке.

Вот его фронт: дорогой костюм, чаще всего кремового оттенка; пепельного цвета седина; такая же борода, которой он

редко уделяет внимание, и поэтому она больше выступает атрибутом мужественности, нежели показателем изысканности; заметные кольца на руках; золотистые часы с круглым циферблатом на кисти.

За фронтом: уставший, затянутый пеленой, взгляд; грубость в голосе; высокомерный тон.

Когда я снова вижу все это, моей злости не находится предела.

–Как ты узнал? – спрашиваю я. – Никто не мог тебе сказать что-то. Или...

–Я живу гораздо дольше тебя, Айдын. По своему опыту могу сказать, что информацию не обязательно выбивать из людей силой. Не обязательно переходить на угрозы или совершать противозаконные действия. Информация находит меня сама, хочу я того, или нет. Так я устроил свою жизнь.

–Ты что-то не договариваешь, старик!

–Возможно, ты прав. – Он надавил на рычажок на подлокотнике, и кресло приблизило его ко мне на пару метров. – Но разве сейчас это имеет какое-то значение? Задумайся об этой минуте. Момент поражения. Тебе не хочется добиться правды самому? Неужели тебе нужно, чтобы я вывалил ее к твоим ногам, как пакет с мусором? Для чего? Чтобы ты мог покопаться в этом, и ощутить запах гнили и фекалий? И не узнать ничего, кроме разочарования? М? Скажи мне.

–Ты никого и никогда не мог чему-то научить. Не нужно и сейчас стараться сделать это.

Тень разочарования касается его лица. Во время короткой паузы, он оглядывает пустынный зал ожидания. Кроме нас здесь пара бодрствующих людей, уткнувшихся в свои мобильники, и столько же дремлющих, раскиданных по разным скамейкам.

–Поезда уходят и приходят, Айдын, – говорит он. – Но станция всегда одна. Та станция, где твое сердце. *Твоя станция.* Скажи мне, где она, и я укажу тебе дорогу к твоему дому.

–Нет такой остановки, где мне хотелось бы сойти, – отвечаю я. – И нет того вагона, на котором мне хотелось бы от всего сбежать. Это пустой разговор, старик.

–Мы не пересекались с тобой уже долгое время. Но мне все еще трудно забыть тот момент, когда я впустил тебя в свою жизнь. Видишь ли, я открыл перед тобой двери, и ничуть не сожалею об этом.

–Ты ни капли не изменился.

–Мы оба не изменились. Я вижу на твоём лице ту же пустоту, что и раньше. Она все еще в тебе, в твоих глазах.

К чему он ведет?

–У всех есть своя станция, Айдын. Не стоит отрицать очевидное. Сегодня ты сошел на ней. На короткое время. Твой мир перевернулся. Многое, из того, что ты знал, больше не будет таким, как прежде. Не нужно убеждать себя в обратном, сынок.

Моя станция...

–Марьяна – это единственное, что ищет твое сердце.
Единственное, чего желает твоя душа.

–Не смей! – Я вдруг становлюсь зол.

Неужели он нащупал мое слабое место?

–Всем нужна любовь, – продолжает он. – Без нее мы умираем.

–Я не боюсь смерти!

–Тогда бойся жизни! Бойся пустоты! Той пустоты, которую заполняет другой человек!

–К чему ты клонишь, черт тебя возьми?!

–Возвращайся! Будь снова с нами! Будь с теми, кого ты любишь, и кто любит тебя по-настоящему!

–Хватит нести чушь!

–Возвращайся! И это будет твой самый правильный выбор за всю твою жизнь, – прошлую и будущую! Только глупец отказывается от очевидного!

–Ты рехнулся, Гектор!

–Я желаю для тебя только лучшего.

–То, что я думаю, не может быть правдой.

Он замолкает. Дает мне передышку. Дает время на раздумья.

Но я не хочу выбирать. Здесь не о чем думать.

–Нет... – говорю я себе. – Нет...

–Я понял, что Марьяна нужна тебе, как воздух, когда вы были еще совсем детьми. Какие-то подростки, ничего более. Молоко на губах не обсохло. Подумать только, вам обоим

тогда было по пятнадцать лет... Но если бы ты только мог видеть себя со стороны, Айдын. Когда ты увидел ее, в одно мгновение ты превратился из мальчика в мужчину. Я увидел в тебе готовность отдать жизнь за женщину, которую ты любишь!

–Ты специально подстроил все это, верно? Не было никакой ячейки. Ты предупредил своих людей, и вы разыграли передо мной весь этот спектакль, чтобы только я смог увидеть ее.

–Вот ты и отыскал свою правду, сынок. Без моей или чьей-то помощи.

–Но ты использовал ее! Как ты мог использовать свою дочь?!

–Я подарил ей минуты счастья! – Он ткнул указательным пальцем в мою сторону. – Точнее, ты подарил! Ты, и только ты, Айдын!

–Чертов сумасшедший старик!

–Когда-то давно я бы сказал, что моей дочери не достоин такой тип, как ты. Даже больше, – я бы сказал, что ее вообще никто не достоин. Теперь же я понимаю другое. Вы предназначены друг для друга. Как земля и небо.

–Замолчи! Заткнись!

–Бедная девочка! Всю жизнь провела в темноте! Разве тебе не жалко этого несчастного человека? Ее горе в ней же самой, и она неспособна простить себе все в одиночку. Ей нужен кто-то, кто сможет отыскать для нее свет во тьме.

— Она справиться сама, — говорю я. — Она умная...

Невероятно! Ты используешь ее, как и всех, кто попадает в твою орбиту!

— Я желаю для своей дочери только счастья! Ты — ее счастье! И даже не вздумай это отрицать! Если бы я не устроил весь этот фарс, твоя душа так и не смогла отозваться на что-то в этом мире. Ты так и продолжал бы натекаться на пустоту.

В дальнейшем ты мог бы вспоминать этот вечер, как маленькое приключение. Или как прогулку перед сном.

Но ты не сможешь. Твой мир треснул, и ты уже никогда не станешь таким, как до этого.

Вспомни эти слова, когда поймешь, что старик был прав! Прав так же, как и всегда!..

Жестокость, которую я причиняю людям, возвращается ко мне порой в причудливых формах. Я не сторонник веры в то, что все поступки оборачиваются вспять: добро — добром, зло — злом, и так далее.

Суть не в том, что я не верю в это. Суть в том, что для меня не существует оттенков. Я всего лишь делаю то, что считаю нужным делать. Вот и все.

И, все-таки, на чьей же стороне я действую? На стороне добра или зла?

Определенно, я не гуманист. Это я понял уже давно.

Проявлять сожаленье я не умею. Это факт.

Некоторое время Нелли сидела молча. Она положила подбородок в свою раскрытую ладонь; локоть упирался в подлокотник; одна нога лежит на другой. Могло показаться, что это поза скупающего человека. Но я уже знал, что в ее случае, – это больше поза мыслителя.

В таком положении она провела последние пять минут моего монолога (говорил я гораздо дольше, и она, как опытный психолог, выбрала нужный момент, чтобы не прерывать меня; по обыкновению, лишняя информация всегда отфильтровывается).

Сделав глубокий вдох, она сказала:

– Да... Признаюсь, некоторые моменты меня тронули... Здесь необходимо немного вербализации – мне хочется расставить акценты, если ты не против.

Я кивнул: не против.

– Ты продолжаешь чувствовать себя уверенно в разных социальных ролях, и, если я правильно поняла, это со временем превратилось для тебя в некую забаву. Никакого дискомфорта ты не испытываешь.

– Нет, – сказал я. – Абсолютно никакого дискомфорта. Мне доставляет огромное удовольствие то, как работает мое сознание. Я даже бываю рад этому.

– Хорошо. Теперь следующее. Правильно ли я понимаю, что ты никогда ни о чем не сожалеешь?

– Это верно. Возможно, я ошибаюсь, но сожаление для ме-

ня тесно связано с самоедством. Ясно, что в этом нет ничего страшного. Но ко мне это не имеет никакого отношения.

—И нет никаких сожалений по поводу Марьяны?

Мне бы хотелось дать моментальный ответ, устроить рикошет для такой остроумной уловки, — так я обычно поступаю, — но во мне стала звучать музыка, и запели голоса. Имя разбивалось на слоги, на тона, на три уверенных шага к умиротворению. Морские волны. Линия горизонта. Пляжные песчинки на щеках, на губах. На чужих губах...

Нелли, не получив от меня вербальной реакции, продолжила нажим:

—Видишь ли, мой дорогой, эта девушка вызывает в тебе непростые чувства, и теперь ты можешь убедиться в этом сам. Если нужно было подтверждение, то оно перед тобой, — здесь и сейчас. Здесь не может быть никаких сомнений. Ты мог опустить это место в своем рассказе, обогнуть его, оставив, как нечто совершенно постыдное, и не имеющее к тебе никакого отношения. Но ты словно вошел в транс, и мне не хотелось тебя останавливать. Я просто не имела на это права.

Я помолчал еще какое-то время, стараясь со всех сторон разглядеть правду, что предстала передо мной; затем сказал:

—Любовь — это океан. Мне его не переплыть. Я должен видеть берег. Или хотя бы знать, что если нырну, то это будет не последний мой вздох. Через пару десятков метров мне все равно нужно будет вынырнуть. Одним словом, мне необходима суша...

Сожаление? Вряд ли! Я бы не назвал это так. Здесь совсем другое.

–Тогда что же это?

–Это то, что принадлежит только мне. Она всегда будет в моем сердце, даже если я решу выкинуть ее из своей головы...

Даже не верится, что я сказал это вслух...

–Не стоит удивляться себе, – сказала Нелли. – Ты всего лишь в очередной раз подтвердил тот факт, что ты человек. Вот и все.

Человек без сожалений.

Нелли была профессионалом в своей области. Она знала, какие именно вещи ее клиенту нужно услышать из ее уст, даже если он сам имеет о них какие-то смутные представления. Мы оба проговорили мои скрытые переживания, так сказать, станцевали вокруг них быстрый, но четкий, танец.

Внутри меня снова все расстановилось по своим местам.

Надо же! Мне начинало казаться, что я просто изменяю себе, поддаваясь любовной лихорадке!

На самом деле все нормально. Как и всегда.

Скоро эта буря уляжется. И можно будет двигаться дальше к своему предназначению.

–Ну что ж! – Нелли хлопнула себя по коленкам. – На сегодня закончим! Не забывай, что консультационный процесс неисчерпаем.

Я не буду рекомендовать тебе продолжать. Ты проявля-

ешь крайне высокий уровень зрелости, какой обычно не характерен для молодых людей твоего возраста.

Но, Айдын, если тебе будет, что сказать, знай, двери этого кабинета всегда открыты. Будь уверен, в продуктивных рефлексиях нет ничего страшного.

Я понимал, о чем она говорит. Ее тонкий юмор в конце нашей встречи помог мне расслабиться.

За консультацию я благодарил ее молча, кивком головы. Она отвечала мне тем же, не забывая о своей легкой улыбке.

Затем я уходил. Мне нужно было заниматься делами. Они не умеют ждать.

Пытаясь унять дрожь во всем теле, я подкурил сигарету, снова позволяя себе побыть некоторое время слабым.

Позади меня моя разбитая машина. Мне не хотелось смотреть в ту сторону. Вид не из лучших.

После того, как я остался один, на открытой местности, возле дороги, по которой обычно никто не ездит, я присмотрелся внимательнее к своему напарнику. Мне как-то нужно было выбираться из той западни, в которую я угодил, – все еще трудно было шевелить ногами; я застрял, и пережало какой-то нерв. Как только я старался высвободиться, в ногах (особенно в правой) взрывалась болевая граната. Без помощи я не мог обойтись.

Тогда я впервые стал молиться о жизни Макса, своего главного помощника, своей правой руки, который сидел ря-

дом, в пассажирском кресле, пристегнутый ремнем безопасности, с опрокинутой вниз головой. Он будто не дышал...

Точнее, молитва произносилось где-то позади меня, словно нечто над затылком; абсолютно бессловесная, и потому лишенная всякого отчетливого смысла; но я молился, я знаю об этом. По-другому это никак не назовешь.

Конечно, дело было не в том, что я опасался не выбраться в одиночку. Это было пустяком. Дело было в другом...

Я могу пройти сотню километров, истекая кровью, сделать свой последний выстрел, в муках удушья отыскать воздух, и дышать, во что бы то ни стало. Ранение давало мне стимул. Ампутация рождала фантом, с помощью которого я чувствовал боль, а значит, жил дальше.

Нет, дело было в другом...

Кажется, Максу было не очень хорошо. Мягко говоря.

Я проверил его пульс. Он дышал. Но совсем слабо. Мне казалось, он на пороге смерти. Я не знал, откуда взялось это чувство. Что-то мне подсказывало. Я боялся прикоснуться к нему – вдруг у него был травмирован позвоночник, или еще что...

Нельзя было будить его.

–Я не могу потерять и тебя тоже! – вырвалось у меня.

У Макса не дернулся ни один мускул в ответ на мой срыв. Но я почувствовал его изумление, потому что, как мне кажется, он еще ни разу не видел меня в отчаянии.

Я говорю уже более спокойно:

–Еще одной потери я сегодня не перенесу. Хватит...

О чем это я? В чем же здесь дело?

Ах, да.

Потери.

Прощай, Кирилл! Прощай, братан!..

Иногда мне кажется, что я непобедим. Но именно в эти моменты я осознаю, что лучше бы спуститься с небес на землю, и осознать свою телесность, свою смертность.

Я обычный молодой человек, как ни крути; рано оставшийся наедине с самим собой, побывавший под опекой разных людей, знающий, что значит трансформироваться в нужный момент, и не застревать на одном месте.

Безусловно, я эгоцентрик, и это замечают окружающие. Никто не говорит мне об этом. Я не позволяю этого. Я охраняю свою территорию, как могу.

Недавно, по долгу службы, я впустил в свою жизнь людей, которые назвались мне друзьями. Никогда бы не подумал, что решусь на подобное. Постоянно находясь «аутсайдер», я снимал броню редко, и то в присутствии только пары человек, своих верных подопечных. Невозможно постоянно ходить роботом. Нужно открываться не намного время от времени. Я никогда не планировал дружественных отношений, – от всего этого отдавало пустотой и никчемностью. Оказалось, что все совсем напротив...

Служба – вот моя жизнь. Все мы кому-то служим, в разной

степени. Я смог послужить разным людям, и в итоге извлек ценные уроки. Ценный из них: «важно понимать себя; знать, чего ты хочешь на самом деле; знать это точно, наверняка; и только тогда за тобой пойдут люди».

Колодец самопознания неисчерпаем. В нем нет дна. Только лишь огромное ничто, звездное и холодное.

Временами я стараюсь собрать все, что удалось отыскать, на что-то случайно наткнуться, остановиться, разглядеть с разных сторон (бывало, я расставлял заметки, чтобы не забыть этот отрезок пути); но этот титанический, и ничем невозполнимый труд, не вел ни к чему конкретному.

Я состоял из дихотомий. Из разных точек вселенной. Во мне бушевали противоречия и терялись смыслы. Остановиться на каком-то одном жизненном отрезке, и апеллировать несгибаемыми принципами, заведомо виделось мне явным ограничением.

Мужчина должен развиваться. Он не может постоянно оставаться ветреным юнцом.

Что сможет сделать этот «молодой простак» в дряблой шкуре алкоголика, когда наступит нужный момент? Начнет ли он действовать? Или будет продолжать топтаться на одном месте (как это было обычно)? Кого он убедит в своих интересах? Кто поверит этому типу?..

Нет, мы должны уметь смотреть шире. Жизнь одна. Разгадать эту загадку неподвластно никому. Но у нас есть шанс заглядывать за ширмы. Завоевывать новые земли. Быть по-

стоянными первооткрывателями.

И смотреть при этом в свою бездну без ожиданий того, что там когда-нибудь забрезжит свет.

Весь этот внутренний шторм удовлетворял меня.

Меня разрывало на половины, и я почти поддавался, перевоплощаясь чаще, чем того требовало общество от человека; иногда даже чаще, чем было нужно.

Знатоки отправили бы меня работать в театр. Развлекать публику, примеряя на себя разные образы.

Но меня интересуют совсем другие двери; и я вхож в них.

За ними есть все, что мне нужно.

Я смотрю на Запад, и мне улыбается благо цивилизации; смотрю на Восток – и перед глазами вечная неизменность бесконечности.

Я straight, gay и bi. Когда как в постели я, скорее всего, один.

Я одновременно люблю секс, и я же асексуален. Мне привычно ощущать себя на седьмом небе от удовольствия, и испытывать стыд за грех, границы которого всегда размыты для меня.

Я безработный. Но мое хобби высоко оплачивается.

Я воин и миротворец.

Я друг, и я же враг.

Меня любят и опасаются.

Во мне свет и тьма.

Во мне мир.

Во мне война.

Разрушение и смерть.

Покой и созидание.

Я хочу войны.

Я хочу мира...

Эпизод 4

Тим Призывает Свою Смерть

Момент того, как я нашел такси и сел в машину, оказался упущенным. Он остался позади, за стеной тумана. Там, где остались проблески сознания и временного самоконтроля.

Я очнулся, заметив, как ярко горит фонарь, много ярче остальных вдоль дороги. Я встретил этот луч света еще за десятки метров, затем поздоровался с ним, когда мы проезжали мимо, и уже в следующий момент я провожал его отражение в зеркале за окном.

–В городе темно, – вдруг сказал таксист; парень, не многим старше меня. – Лет десять назад, когда мы с отцом ехали по ночным дорогам, мне казалось, что весь город сияет. Всё в огне! Чертовски красиво! Безусловно, многое в том возрасте мне виделось красивым...

...И бабушкин дом, где я проводил лето. И клумбы с цветами вокруг подъезда, за которыми так усидчиво ухаживала соседка. И новая машина, взамен старой, – неожиданное приобретение родителей...

–Куда мы едем? – спросил я у него. – Я не узнаю эти улицы.

–Ты многого не знаешь об этом городе. Об этом месте Потому что ты не отсюда. Ты чужой. И здесь тебе никогда и ничего не сможет стать родным.

Более того, я сам этого не хотел. Сопротивление получало все, что, по природе своей, желало идентификации со мной: люди, места отдыха, рабочий стол, фонетический и вкусовой набор индустриального города, и многое другое, что попросту оставалось без внимания. Мне думалось, что это был единственно верный шаг, чтобы сохранить свою преданность тому, от чего уже давно хотелось отдалиться. Уже много дней и долгих часов я стоял на распутье. Две дороги: та, и эта... Одна из постоянных проблем заключалась в том, что прошлое невозможно было отменить. Оно постоянно всплывало во снах... Многое из того, что вытесняется силой, приходит снова, когда наступает очередной финал бодрствования.

–Мы не способны отпустить часть себя, – сказал таксист. – Это самообман. Одно из трагичных правил, по которым развивается жизнь. Боль живет вечно. И только через боль мы познаем этот мир.

Каким-то образом, на каждом перекрестке, ему всегда сопутствовал зеленый свет. Поэтому мы никогда не останавливались. Улицы, одна за другой, меняли свой профиль, и ни один из них мне не был знаком. Это был тот момент, когда

снова задаешься вопросом: «Для чего же я опять так напил-ся?». Действительно, для чего? Уж точно не для того, чтобы волноваться за проложенный путь до дома, который выбрал долбаный таксист.

Сколько мы уже ехали? Пятнадцать минут? Полчаса? Сколько?

Я кинул взор на панель в поисках часов. Не нашел. Полез в карман, чтобы достать мобильник. Движения были вязкими и тяжелыми. Меня как будто кто-то останавливал.

Лучше не двигайся, говорил этот кто-то. Не напрягайся! Просто расслабься!

И моя тяжелая рука опустилась вглубь сиденья.

–Сейчас ровно три часа ночи, – вновь подал голос таксист. – Кромешная тьма! Ни людей, ни машин! Тишина, да и только! Обожаю!..

–Будни звучат слишком громко? – спросил я у него.

–Когда на небе солнце, то стресс неизбежен! Когда на небе звезды, сам Бог велел смотреть на них и восхищаться!

Я любил смотреть на звезды... На пляже... Под шум морских волн... Это было так давно. И в то же время, это было почти вчера.

Мягкий песчаный берег. Сладкая полутьма. Луна отражается в воде.

Я тогда был не один. Я был...

–Ты отпустил это, – вдруг сказал парень за рулем.

Никакой он не таксист, черт возьми! Хватит надеяться,

что этот чел довезет тебя до дома!

Тогда кто он?

– Не нужно об этом думать. Ты ключ к божественному! Это все, что тебе нужно понимать. Ты взойдешь на алтарь, и тем самым даруешь нам иную жизнь!

Выдержав паузу, он добавил:

– Война – отец всего! Ты знаешь об этом!

И мне вдруг показалось, что я до сих пор там, на балконе, а вокруг меня туман, и не видно ни зги. И этот голос... Этот голос...

– Туман рассеется, Тим! Как только ты взойдешь на алтарь! И джунгли больше не будут такими изнуряющими и непроходимыми! Тебе вообще больше не надо будет об этом беспокоиться!

– Куда мы едем? Я хочу знать, куда мы едем!

– Мы направляемся туда, где кончаются твои страхи и переживания. – Он посмотрел на меня. – Ты, наконец, сможешь вернуться домой, Тим!

– Я не хочу возвращаться домой! – твердо ответил я.

В ушах у меня зазвенело. Я начинал паниковать.

Салон вдруг стал наполняться ярким светом, словно где-то в центре зарождалось маленькое солнце. Свет становился ярче, пока не заполнил собой все вокруг.

Ощувив неожиданный прилив сил, я стал дергать за дверную ручку. Та не поддавалась. Двери были заблокированы.

– Что ты делаешь, Тим? Зачем?

–Мне страшно! Мне чертовски страшно! Дышать нечем!

Я оставил попытку открыть дверь, и постарался успокоиться, уронив голову на подголовник. Сердце убежало уже далеко вперед. Дыхание сбилось на нет.

–Душно...

–Все нормально, Тим. Все будет хорошо.

Я закрыл глаза, и вспомнил, насколько я молод. Иногда нужно напоминать себе об этом. Потому что выше головы не прыгнешь.

Молодость – это время работы над ошибками. Все мы совершаем ошибки и набиваем себе шишки. Потом анализируем, думаем, что вышло не так. И стараемся снова...

Но, сейчас мне кажется, что я совершил очень большую ошибку. И у меня уже не будет шанса ее исправить...

Я призываю свою смерть...

Это была правда? Или просто игра?

В любом случае, это были мои слова. И вслух я произнес их лишь однажды. В остальное время этот вздор всплывал в моем сознании, как страшное чудовище, живущее на дне океана. Оно проплывало мимо и смотрело на меня своим огромным глазом. При этом я мог сохранять спокойствие, мог смотреть с отвращением на его аутсайдерское уродство, а иногда и пугаться, в страхе пряча свой взгляд. Но относиться серьезно к редким мельканиям я не мог.

Как оказалось, не такой уж это был и вздор...

Возможно, где-то там, на задворках своего сознания (куда можно заглянуть и не испугаться только с годами), что-то подсказывало мне, – сделай с этим что-нибудь. Но я был слишком молод, чтобы вообще сосредотачиваться на подобных вещах. Я был поглощен миром и его проявлениями. Себя я оценивал только как частицу всего, и все мои переживания сходились на страшной ностальгии и несчастной влюбленности, которая оборвалась по причине от меня независимой, и которая надолго стала моей идеей фикс.

Но, все же, на некоторое время я позволил себе быть центром Вселенной. Хотя как такового намерения у меня не было.

Решение войти в лабиринт своей жизни (как мне тогда думалось) было обусловлено обычной скукой и простым интересом. Консультационный кабинет (или, как гласила табличка на двери, «Кабинет Психологической Разгрузки») был небольшим, я бы сказал, даже тесноватым.

Два кресла, друг напротив друга, расположенные под верным углом для удобства коммуникации. Неприхотливое растение в горшке на полу, разросшееся до роста пятилетнего ребенка. И окно во двор, скрытое за вертикальными жалюзи.

Признаюсь, в этих четырех стенах я сразу почувствовал себя, как дома. Уж слишком тепло лежал свет, и уединение было каким-то целостным и удобным.

В таких делах, как комфорт клиента, одну из первых ролей играет психолог-консультант.

Нелли могла расположить к себе многих из нас, – по нашей воле, или без нее. Опыт говорил сам за себя.

Поначалу все похоже на магию. Но дух волшебства уступает дорогу трезвой оценке, когда понимаешь, что за всем, как и в любом другом деле, стоит техника. Техника быть ангелом и демоном, богом и дьяволом, добром и злом в одном лице. Одним словом, быть психологом.

По обыкновению, всегда трудно начать. А если быть точнее, непонятно, с чего именно начинать. Потом же все идет по наитию. Хочется говорить и говорить. Рассказывать о себе, и не опасаться быть осужденным.

Не опасаться быть какое-то время в центре своего мира.

Я говорил:

–Наверное, я не такой, как другие парни моего возраста.

Она спрашивала:

–Что ты имеешь ввиду?

Я уточнял:

–Большинство парней интересуются тем, как затащить девушку в постель. Почему-то, техника соблазна меня никогда не интересовала. По меньшей мере, для этого есть пара причин. Первая: я никогда не испытывал трудностей с противоположным полом. И вторая: для меня секс – это всегда нечто большее, чем просто...

–Мясотерство.

–Да, подходящее слово. И, по мне, так во всем этом нет мужской позиции...

И она говорит мне нечто такое, от чего я отчетливо понимаю (и чувствую), – ничего страшного. В моей идеализации сексуальных отношений нет ничего страшного.

Я рассказываю. Я говорю о своей жизни так, как никогда о ней не говорил. Отвечаю на вопросы, и сам задумываюсь над своими ответами.

Случаются моменты, что Нелли просто не находит нужных слов; она попросту не знает, в какое русло направить мою мысль. И тогда мы ищем ответ вместе. Мы сидим молча, и думаем. Это помогает.

Эти редкие шестьдесят минут становятся на некоторое время необходимой отдушиной. В каком-то смысле, это можно было оценить и как некое спасение. Если бы я только понимал это тогда, то, возможно, баланс между светом и тьмой, между тишиной тумана и буйством джунглей, не был бы для меня таким изнурительно опустошающим.

Но я любил поговорить, и как любая птица-говорун не старше двадцати лет, я расценивал консультационный процесс именно так, как то обозначилось на дверях кабинета, – психологическая разгрузка, – и ничего более.

Короче говоря, я был глуп. Горькая правда...

– Нам необходимо поговорить о твоей семье, – в какой-то момент заявляет мне Нелли. – Расскажи о своих родителях, какие с ними складывались отношения.

Наверное, уже все знают, что это вопрос на миллион. Рано или поздно, но об этом нужно говорить. Ибо ответ на этот

вопрос – большой шаг к тому, кто и что ты есть на самом деле. Я понимаю это, но только не здесь, не в этих стенах. Здесь я об этом забываю напрочь. Меня волную только я, и больше ничего. В этот час я превращаюсь в законченного эгоцентрика. Мои эмоции и чувства сейчас гораздо важнее, чем какие-то правила, по которым действует психика.

И дело не в том, что конкретно говорит клиент по поводу отношений со своими родителями. Важно то, что можно вытащить из этого ответа. То, что стоит ЗА этим ответом. Призрачное нечто, которое способен разглядеть и придать ему форму только психолог-консультант.

Это профессиональный дар, который находится в бесконечном развитии. Как и дар жизни. Как и любой другой дар, данный нам судьбой.

Я сказал:

–Моя семья... Черт, да я люблю свою семью! У своих родителей я один. Наверное, поэтому я автоматически попадаю в категорию эгоистов.

–Не обязательно.

–Мне частенько казалось, что я из этих людей... Ну, вы знаете. Которые думают только о себе, и ни о чем больше. Отец говорил, что здоровый эгоизм – это хорошо; капелька еще никому не повредила. Мать не желала присоединяться к подобному мнению. Хотя обнаружить между ними даже малейшее разногласие было сложно...

Я задумался... Вспоминал своего отца и свою мать... Я

по долгу не вижу их...

–Вообще, у нас очень дружная семья! Все в нашей семье, – родственники, их родители, – по сути, замечательные люди. Дисциплинированные, ответственные и трудолюбивые. В меру самодостаточны, и в меру самокритичны...

Но, на самом деле,

(я как-то неловко заелозил в своем кресле, и голос мой стал на полтона тише)

На самом деле, мне достаточно трудно обнаружить что-то по-настоящему общее между мной и ними. Возможно, я чем-то похож характером со своим дедом... Могу сказать точно, что от матери я взял усидчивость, а от отца, – легкость в исполнении.

И это, пожалуй, всё...

Видите ли, мои родители деловые люди. Они бесконечно заняты. Ну, знаете... Работа в большой и серьезной организации, огромный товарооборот и все прочее! Я вижу с ними редко. Гораздо реже, чем они видят друг друга. Они работают в разных отделах. Но все проблемы решают вместе. Так было всегда.

По большому счету, я завидую им. Они обрели друг друга. Им хорошо вместе. И не я один такого мнения, что им больше никто не нужен в этом мире.

Мне бы тоже хотелось разделить с кем-то свое счастье. Хотя, это мне представляется мало возможным...

–В чем причина этой невозможности?

Я молчу. Пойти дальше своей вынужденной лжи я не могу.

– Это не важно, – уверенно говорю я. – Наверное, это всего лишь заблуждение...

– В твоих глазах нет жизни!

Это были слова моей матери, адресованные мне во время одной из наших дискуссий. Продолжительные препирания могут порождать деструктивную критику. Она сказала это не для того, чтобы задеть меня. Мало того, что в ее словах была правда (и я не смел обижаться на факт); это было следствием благих намерений, которые достоин получить каждый ребенок от своих родителей, какие бы формы эти намерения не обретали.

– Нужен блеск! – добавила она, взмахнув раскрытой ладонью в воздухе. – Стремление! Необходимо обнаружить область, в которой тебе будет интересно! Испытать в своем деле страсть! Почувствовать ритм, в котором ты можешь двигаться!

Неприятная мысль заключалась в том, что в большинстве областей знаний, накопленных за все время существования мира, я почему-то натыкался на пустоту. Я испытывал интерес к жизни как таковой, не более. Если уж речь заходила о деловой страсти, то в последнее время с удовольствием я мог исполнять только пару вещей, – развлекаться и получать наслаждение (очевидно, так я заглушал свои неприятные мыс-

ли и чувства).

Естественно, я не мог сказать такое вслух. Я даже с самим собой этого не обсуждал.

Поэтому, как и всегда, я решил отшутиться:

—Если нужен блеск в глазах, я могу закинуться парочкой качественных колес. Эффект будет на лицо. А там уже и ритм, и страсть, и все, что хочешь.

—Тим, сынок, это серьезно.

Подключился отец.

—Через год ты кончишь школу. Ты ведь понимаешь, что это значит?

—Я смогу спокойно бухать?

—А вот и нет. Это значит, что в ближайшие сроки ты должен определиться с тем, что ты будешь делать в будущем. Извини, но так устроен мир.

Я хотел снова сострить, но он меня опередил.

—А если нет, то я устрою тебе проходной конкурс в stand up, раз ты такой остряк! И только попробуй там облажаться!

Его терпение было на пределе. Поэтому мне оставалось только обреченно вздохнуть и согласиться с ним.

Стоит ли говорить, что я всегда хотел быть ближе к ним? Не прятаться от них за второсортным юмором, инъекцию которого мне ввели еще в раннем детстве через телевизионные шоу. Проявлять инициативу. Быть более или менее воспитанным. Принимать общие решения, а не быть препятствием...

Мысль о том, что я был «незапланированным» возникла как-то сама собой. Автоматическая реакция на холодность чувств. Осознание правды подобного рода влекло за собой весьма странные ощущения, идентифицировать которые я так и не решился. Не было никаких обид. Я никого не винил. Только почувствовал, что почерствел. Словно отстранился от всего мира. И как будто повзрослел на пару десятков лет. Жаль, что от этого не прибавилось понимания жизни и ее смыслов, которые я порой искал чуть ли не в каждой запятой.

Благо заключалось в том, что меня оставили. Не выскребли из утробы, и не слили в трубу. В конце концов, не отдали в детский дом (последнее, конечно, было невозможным; не тот случай).

Мне дали шанс познать свет этой жизни. Мои отец и мать приняли и любили меня так, как того им позволяла их душа. Их общность.

Между нами всегда было огромное расстояние. Долгие часы пути с одного полушария на другое. С одного конца планеты на другой.

И мне чертовски жаль, что им так и не довелось узнать меня настоящего.

Думают ли они об этом? Вспоминают обо мне, как об утраченной части себя?

Ищут ли меня?

Находят ли меня в самих себе?

У нас были неподдельные чувства. Каждый из нас был искренен в своих личных проявлениях. Мы всегда способны были дать друг другу зеленый свет.

Но мы не смогли узнать о себе правду...

Да и стоило ли им знать обо мне правду? Ту правду, которую не ожидаешь услышать; которую не хочется знать; без которой и так все в норме...

К черту все это!

Все было так, как оно должно было быть! Да... Именно так!..

Обещания, данные самому себе, выполняются редко, не правда ли?

Обещать себе что-то, строить планы на длительный срок, и ожидать точного следования его пунктам, как прописной истине. Всё это юмор. Та самая его разновидность, которую предпочитает Бог.

Иными словами, хочешь рассмешить Бога? Расскажи ему о своих планах!

Сколько раз я придавался зароку, – целенаправленно и между делом, – что сокращу употребление спиртного до минимума? Но, проснувшись похмельным утром, воздевал к потолку уставшие глаза, и цинично произносил: «В следующий раз!».

Я частенько обещал себе, что снова вернусь к размеренному образу жизни. К тому образу, который у меня был до

совершеннолетия. Я не пил, не кутил, и занимался спортом. Я был менее циничен и более жизнерадостен.

Время изменило меня до неузнаваемости. Я не узнаю самого себя...

Enjoy the life! Девиз уважающего себя студента. Обещание сократить разгул – шаг в пропасть; диалог с пустотой; абсцигентная дрожь.

Когда я перестал давать себе обещания, наступил переломный момент, когда все обещания утратили свою важность; они попросту стали не нужны. Обещать себе что-то было бесполезно...

День стипендии – это день, когда объемы пивного потребления увеличиваются в разы.

Стипендию я обычно сливаю вместе с Диной. Из стипендиатов, дружащих со спиртным, в нашей группе только нас двое. Остальные либо не на гранте, либо предпочитают потратить деньги более практично, нежели заливая их в себя хмельным напитком или чем покрепче.

Мы забираем красиво выплывшие банкноты из проема в банкомате, и направляемся напрямиком в наше излюбленное заведение, где разрешено курить там же, где и сидишь, и тратить при этом по самому минимуму. Мы шутим, что эта кафеха словно специально родилась для голодных студентов. Но, по правде, это далеко не так. Здесь бывают все. В особенности курильщики, – в этом плане здесь царит атмосфера

ра взаимопонимания.

После изрядного подпития, у нас начинается дискуссия на тему того, как продолжить вечер (а вместе с ним и ночь), чтобы утро не было встречено с чувством горечи от потраченного в праздности времени; желательно, без угнетающего чувства стыда (ну, может быть, только легкого); и с обязательной толикой моральной удовлетворенности (иначе, зачем же вообще?).

Мы на разрыве между собственными предпочтениями, но при этом стараемся этого не показывать из-за взаимоуважения.

Я предлагаю вполне разумный вариант, за ним еще один, а потом и третий. Дина отклоняет все, так как, по ее словам, у нее «странное настроение», и ей хочется чего-то нового. Поэтому она один за другим предлагает какие-то неизведанное доселе места, где мне никогда не захотелось бы оказаться. Мне не хочется нового. Я стремлюсь к знакомой обстановке и не менее знакомым лицам. Сегодня мне хочется покоя.

Когда наши предложения заканчиваются, и слова кажутся ненужными, мы просто сидим молча, потягивая хмельной напиток, и делаем вид, что думаем о решении вопроса. Хотя мы оба уже готовы уступить во всем друг другу.

И как только мы начинаем находить консенсус, ее мобильник разрывается попсовой песенкой (мелодии на звонок порой выбираются неосознанно, и я изредка напоминаю об этом Дине; но ей плевать).

После неприлично долгого телефонного разговора она сообщает мне вполне очевидную вещь:

–Кирилл звонил.

–Правда? – Я включаю максимум актерства. – А я уже подумал, что это был президент!

Она игнорирует мое наигранное недовольство. Более того, она вдруг делает скорбное лицо.

–Только не это! – удрученно говорю я ей.

–Мне нужно с ним встретиться. Там просто гром и молнии!

Хоть я и ограничиваю себя в выражениях, сейчас из моего рта вырывается очень грязное ругательство.

–Не то слово! – соглашается она со мной, начиная собираться. – Давай раскидаем счет. Позже я постараюсь к тебе присоединиться.

–Только постарайся?

Она ничего не отвечает.

Когда я попадаю в night club, многие «тусовщики» сразу обращают на меня внимание. Я к этому привык. Я и сам не против порой полюбоваться своим отражением. В моей внешности есть «природная красота», – понятие, граничащее с вечностью. Величием или бессмертием моя телесность, естественно, не обладает. Но актерствовать в beauty-порнофильмах меня приняли бы безоговорочно

(джунгли проснулись)

Обвинения в самолюбовании здесь не сработают. Мне не страшно кончить, как Нарцисс. Мне страшно уйти, так ничего и не поняв.

В ответ на это, кучка приматов, таившихся на деревьях, гулко заухали и почти заоплодировали, на столько их возбудила острота мысли. В джунглях так всегда. Все начинается с одной вспышки посредственного интеллекта, не способного отделить творчество от мечты.

Когда я прячусь в зарослях, по обыкновению, я придаюсь извращенным мечтам (где-то около, сплетенный клубок спаривающихся змей выступает, как оберег); метафорой творчества выступает мастурбация.

От этих мыслей меня бросает в приятный жар, и я ловлю себя на мысли, что такого не было давно.

Сексуальное желание может проснуться при самых тривиальных моментах. Я не останавливаю свою эрекцию, – мне этого не хочется. Возможно, меня так возбудила обстановка; или какая-нибудь красивая пара глаз, сверлящих мой затылок, когда я переступил порог заведения, и походя не обратил на них особого внимания (но откликнулись джунгли). В любом случае, такого спонтанного возбуждения я не испытывал уже давно.

Я спускаюсь по широкой лестнице в темноту небольшого зала. Неожиданно перед глазами встает стена тумана. На пару тройку секунд все вокруг меня останавливается, задерживает дыхание. И только где-то вдалеке, по ту сторону слуха,

слышится клубная музыка. Я вынужденно опираюсь о стену ладонью, останавливаюсь, и закрываю глаза.

Я не знаю, что это. И не хочу знать.

Меня отпускает. От возбуждения не остается и следа.

Я открываю глаза, стараясь прийти в себя.

На мою спину ложится чья-то теплая ладонь, и знакомый (в чем-то даже родной) голос спрашивает у меня, все ли в порядке.

Это был Леша, здешний рг-менеджер. Дальновидный парень. Самостоятельный, ответственный, жизнерадостный.

– Все отлично! – отвечаю я. – Только голова немного закружилась!..

Мне уже заранее известно, какой комментарий ему хотелось бы отвесить по поводу моего легкого недомогания. Что-нибудь вроде: «Снова пьяненький?..», или типа того. По его глазам я вижу, что он сдерживает никому не нужную колкость.

На самом деле мы оба рады снова встретиться. Когда-то, с полгода назад, мы решили остаться «хорошими друзьями», и этот статус отношений мы выдерживаем без проблем. Порой даже с удовольствием.

– Пойдем отсюда, – говорит он мне.

И я молча следую за ним.

По ходу мы берем мне бутылку пива, а потом отправляемся в операторскую.

Перед нами несколько экранов, транслирующих запись с

камер безопасности. Нас (а конкретно, Лешу) интересуют только те, которые висят при входе. На одном экране мы видим, как на улице толпятся молодые люди, в ожидании того, когда наступит момент попасть вовнутрь. На другой все то же самое, только теперь мы видим людей, проходящих через охрану.

Леша надевает свои очки в черной оправе, и поправляет плоский козырек своей кепки, подняв его немного вверх. Он слегка уставший. Любимая работа не всегда способна приносить реки удовольствия. Сейчас наступил момент естественного отбора: с дозволения рг-менеджера кто-то проходит face-control, а кто-то нет. Леша приготавливает рацию, чтобы в ответственный момент передавать двум охранникам свое особое мнение.

– Это новые охранники, – говорит он мне, не смотря на то, что те работают как минимум пару недель. – Им нужно больше помощи. Ты прошел без проблем?

– Да, – говорю я. – Я с ними уже познакомился.

– И как они тебе? Какое впечатление оставили?

– Нормальные парни! – Я пожимаю плечами. – Сообразительные!

Рядом с нами сидит еще оператор видеонаблюдения, который, к слову, также относится к штату охраны. В отличие от Лешы, я не могу сделать вид, что его нет рядом.

– Они слишком долго всему учатся, – говорит Леша. – Сегодня поставили их вместе. Может, сработаются.

Мне хочется сделать скидку на их возраст (один из них даже младше меня на год, – только переступил порог совершеннолетия; но выглядит так, как будто прожил уже четверть века, и все это время провел на брусьях или на перекладине). Но я понимаю, что в наши дни такие скидки делаются редко. Раз уж ты пришел работать, значит выполняй свою работу чисто.

Леша не делает скидок. Испытано на себе.

Я похлебываю пиво, и наблюдаю за тем, как работают другие. Это умиротворяет.

Между делом, мы общаемся.

Бывает, что Леша говорит без умолку, – все подряд, все, что думает, сохраняя дистанцию в общении, этику и стремление не оскорбить собеседника (если только тот, конечно, ему импонирует); а бывает, что он молчит, и из него не вытянуть и пары слов. Его мысль, порой, бывала столь сосредоточена, что он не мог впустить в свою орбиту никого, до тех пор, пока мысль эта не полетит вольной птицей в потоке ветра к своему логическому завершению.

Сегодня он был словоохотлив, хоть и не скрывал своей усталости.

– Я занимаюсь этим уже четыре года, – говорит он мне о своей работе. – И ни разу за это время мне не хотелось что-то менять. Я всем был доволен. Мне казалось, что я получил благословение на то, что я делаю. Но теперь мне захотелось что-то изменить.

–Срок действия благословения истек, – пошутил я.

–Точно, – вполне серьезно говорит Леша. – Любой договор имеет временные рамки. Нужно помнить об этом, когда заключаешь сделки с небесной канцелярией. Я не думал об этом. Не заботился об этом. Меня все устраивало. Мне все нравилось.

Он поднес ко рту рацию и сказал в нее:

–Эти двое остаются на улице.

Рация откашлялась линейным треском и выплюнула подтверждение.

–Так значит, ты теперь чем-то недоволен, – говорю я ему. – Интересно!

–Нет, братан. Ты слишком резко повернул на перекрестке. Слышишь, как тебе сигналият другие водители?

Я ответил молча, одним взглядом и пожиманием плеч: «Конечно, слышу, братан! О чем речь?».

Он продолжил свою мысль о бестактном поведении на дороге:

–Это потому, что ты был слишком дерзок; ты не посмотрел по сторонам, и потому не увидел многих вещей.

–Скажи мне, что я пропустил.

–Я всегда доволен тем, что происходит в моей жизни... Хорошо, – стараюсь быть довольным.

–Тогда зачем отказываться от того, что имеешь? – Я не даю ему ответить сразу. – Стало мало, ведь так? Хочется больше!

Я подтруниваю его. Как и он меня. В нашем общении так было всегда.

– Дело не в объемах. И не в массе. Дело в том, что творится здесь, – он указал на сердце, – и здесь, – и на мозг.

– О! – вздохнул я. – Там какие-то сложные перемены?

– Я не могу больше стоять на одном месте. Но и не могу двигаться. Это просто... Я срываюсь на всех! Веду себя, как кретин!

– Не заставляй меня говорить, что ты всегда не мог стоять на одном месте.

– Как ни крути, но раньше я был более терпим.

Я ухмыльнулся.

– Даже эта комната мне кажется бестолковой, – говорит Леша. – А люди... Люди просто добивают меня!

Рация ожила, и прошипела: *Война – отец всего. Война – отец...*

Я удивляюсь такой необычной передаче информации. Но, так как Леша и оператор за пультом даже не обращают на это никакого внимания, я делаю вид, что пропустил сложную кодировку мимо ушей, – у каждого свои способы общаться и понимать друг друга, верно?

– Может, тебе просто потрахаться нужно? – грубо говорю я Леше.

Не могу сдержаться. Иногда проще все свести к чему-то базовому, более обыденному, чтобы не напрягать свои мысли и не испытывать на прочность свои нервы.

–С этим у меня все в порядке, – нехотя отвечает он мне.

Мы редко говорим о нашей интимной стороне жизни. По многим причинам. Основную роль играет взаимоуважение. Эту роль я иногда исполняю из рук вон плохо.

–Познакомился с кем-то?

Я заинтригован. И мои глаза заинтригованы. И когда я отпиваю из бутылки пива, мой рот заинтригован тоже.

–Поверь мне, – говорит мне Леша, замечая, как я встретился, – лучше бы этого не было.

–Не заставляй меня спрашивать, почему.

–Потому что человек, который ждет меня дома, который предан мне, как пес, и который во многом способен поддержать меня, – этот человек принимает сейчас весь удар на себя. Представь теперь, как ему тяжело.

–Открою тебе тайну, – приблизившись к нему ближе, сказал я. – Он извращенец. Ему это нравится. Этот человек – мазохист. Привяжи его к кровати и отшлепай до красных пятен, – уверяю, ему это понравится!

–Как бы не так!

Я поднял бутылку так, как будто это был тост, и за последние слова нужно было выпить. Выпил. И вдруг увидел на мониторе знакомое лицо.

Бывают в жизни лица, которых по многим причинам лучше не встречать на своем пути. Это было одно из этих лиц.

–Твою мать! – говорю я. – Вот же ублюдок!

Леша сразу понял, о ком я так славно отзывался.

Парня, приближающегося к face control, звали Олегом. Он определенно был болен. Болен своим самолюбием, целеустремленностью, трудоголизмом и потребностью вечно испытывать стресс. А еще он был маниакально одержим стремлением к физическому насилию. Одна девчонка рассказывала мне, каким он был с ней, когда они оказались тет-а-тет у него дома. Она говорила об этом, не смотря мне в глаза, куда-то в сторону, сохраняя хладнокровие и стойкость духа. Хотя, после того, как тебя поимели, как животное, избили, как проститутку (удары точные и умышленные; такие, что после них не остается синяка), а потом еще и посмеялись в лицо за все проделанное, – после такого хочется только одного, – скинуть бремя стыда, остаться понятой, сбросить с себя груз насилия.

Олег был влиятелен. В лидеры и Гитлер когда-то выбился, не так ли? Короче говоря, спорить с ним было опасно.

Но Леша, заметив мою реакцию, не раздумывая, сказал мне:

–Если хочешь, мы можем не пропускать его.

–В этом нет надобности, – уверенно ответил я, хотя пульс стал биться намного быстрее.

–Справишься?

–Без проблем!

–Ты говори, если что...

Олег поднял руки. Охрана проверила его, и пропустила.

–Носит же земля уродов! – сказал Леша.

Я был с ним согласен. Повезло тому, кто ни разу не встречал на своем пути одержимого извращенца. Мне вот не повезло. Олег никогда не мог спокойно пройти мимо меня. А когда узнал, что я совершеннолетний и вполне сексуально активен, так и вовсе начал охоту за мной. Меня спасало от него мое окружение, – люди всегда могут войти в положение. Да и я был далеко не слабоволен. Лучше вообще не думать об этом...

Бутылка оставалась на четверть полной, – я почти ее допил.

– Чем занят не следующей неделе? – вдруг спрашивает у меня Леша.

Это логичный вопрос после того, как мы затронули тему интимности. Он рассказал о себе, но, не став спрашивать обо мне, уже хотел предложить встретиться...

Я отвечаю совершенно спокойно:

– Учеба, учеба и еще раз учеба!

Он удивленно смотрит на меня. От этого у него становится то самое выражение лица, которое мне всегда нравилось, – от удивления его красивые брови становились домиком, а взгляд был таким добрым, что казалось, что все грехи прощены и отпущены.

– С утра до ночи что ли? – спрашивает он.

Мне же остается только держать себя в руках. Я бы тоже мог сказать, что у меня кое-кто появился, потому что, от части, это была правда. Но только лишь от части... Короче, «я

запутался», – мой статус в соц сетях.

–Очередная курсовая, – отвечаю я, разведя в стороны руки. – Не забывай, я учусь на гранте. Всем нужно заниматься во время.

–Значит, все-таки, нашел себе кого-то, – сказал он и отвернулся от меня.

Я не выдержал напора такой пронизательности, и, выдавив из себя улыбку, сказал честно:

–Все сложно! Чертовски сложно!

Ты – ключ к божественному, прохрипела рация.

–Что?.. Что это?..

Леша говорит в рацию:

–Война – отец всего. Важное. Очень важное.

Ставит ее обратно на стол, и снова поворачивается ко мне.

–Все правильно, – говорит, – все так, как оно и должно быть.

Я неуверенно отвечаю коротким «да...», хотя не могу понять, что происходит. Атмосфера в комнате как-то резко меняется. Все становится похоже на декорации. И много света. Здесь становится невероятно светло, так, что я даже начинаю щуриться. Леша смотрит на меня, как актер, который ждет реплику своего партнера, прежде чем продолжить самому.

–Что?.. – Я вновь повторяюсь.

–Ты – ключ к божественному, – говорит он мне. – Это так важно!

По его лицу этого не скажешь. Он улыбается как-то по-

глупому.

Я призываю (треск на линии) *Я призываю свою смерть*

– Бог – важность, – говорит он. – Верни себе утраченное.

Я в недоумении. Он и оператор смотрят на меня, словно ожидая моей реакции.

– Хорошо! – говорю я. – Без проблем!

Я показываю пустую бутылку.

– У меня пиво кончилось. Пойду, возьму еще?..

Леша ответил взглядом: «Пожалуйста!».

– О'кей, – говорю я. – О'кей, братан...

Я поднимаюсь и выхожу из комнаты.

Звон в ушах сразу пропадает. Окружающее перестает выглядеть декоративным. И свет от ламп не такой пронзительный.

Сделав пару глубоких вдохов, я направляюсь к звукам музыки, к людям.

Клубная музыка – это гимн современным наслаждениям, главным из которых является внутренняя глухота. Не правда ли, как это прекрасно, не слышать самого себя? Точнее, того себя, который делится на несколько частей, и говорит с тобой, как Бог, или твой отец в один момент, и твой адвокат в другой. Попадая в зону, где все пространство заполняет dance, я уверенно преломляю то свое чувство внутреннего дискомфорта, которое случилось со мной минуту назад. Только что я был в смятении от

(что это было? Галлюцинации?)

образов, которые предложило мне воображение в ответ на выпитое спиртное. Но теперь это уже позади, как вчерашний день.

Я подумываю взять еще бутылку пива, и все же вернуться в операторскую, – от части мне было интересно, что может случиться дальше. Что еще я могу себе навоображать. Но решаю перед этим сходить на перекур. И поэтому отправляюсь в комнату, где обычно дым стоит коромыслом. Не обращая ни на кого внимания, я достаю из пачки сигарету, и не могу найти зажигалку, – шарю по карманам. Пусто. А так хотелось перекурить по быстрому.

В следующий момент я слышу щелчок барабана, и возле моего лица горит стройный огонек. Я поднимаю глаза, и вижу Олега. Он деликатно предлагает мне подкурить. Можно иногда быть бестактным, это ведь не уголовно наказуемо. Но сейчас был не тот случай. Когда рядом стоит отморозок, и предлагает тебе какую-то мелочь, лучше ее принять. Холодно и сдержанно. Ему все понравится, что ты поддался ему.

Диалог с таким человеком похож на охоту. Только на этот раз ты в роли жертвы; и лучше не смотреть слишком долго в глаза этому хищнику. Потому что он умеет гипнотизировать, – мнимым добродушием, понимающим взглядом, в котором лидирует всепрощение, ну, и, конечно, проникновенностью. Конечно, можно не париться по поводу этого всего; вести себя расслабленно и непринужденно. Но дело в том, что Олег никому не позволял этого так рядом с собой.

Он требовал конфликта. Он постоянно вызывал на дуэль. А во время драки он мог проявить весь свой спектр «романтичности»: потереться об тебя, как при половом акте (когда дело доходило до борьбы), провести между делом ладонью по твоим гениталиям, по твоей заднице, и при этом улыбаться так, как будто он побывал на седьмом небе от того, что сделал.

Сейчас мы говорили о чем-то отвлеченном, а он вдруг придвинулся ко мне, и сказал:

—У меня стоит весь день!

Это был человек, который никогда не покидал джунглей. Он находился в них постоянно... Он охотится...

Он говорил:

—У меня есть деньги. Много денег!

Он считает это аргументом; своим большим достоинством.

—Сегодня я заработал еще больше, чем вчера! Я мужик с большими яйцами!

Так он себя называет. Прозвище, данное самому себе.

—Я думаю податься в политики! Больше власти еще никому не повредило!

Меня начинает откровенно тошнить.

Я тушу сигарету, и хочу отправиться восвояси. Я знаю, что он меня просто так не отпустит. Его рука ложится мне на плечи. Он нарушает все границы, но ему плевать. Он действует напролом.

–Пойдем выпьем! – говорит он. – Я угощаю! Что ты хочешь?

Я мог бы сказать, что я не один, что с компанией. Но это была неправда. И он узнал бы об этом.

Я убираю его руку подальше от себя. Ему это не нравится. Сначала он улыбается, так, что видно, – он понимает, что снова перегнул палку, и у него ничего не вышло.

Он хватает меня за локоть.

–Ты единственный, кому я позволяю вести себя так со мной! Никто не смеет мне отказывать! Никто!

Он говорит правду. Ему действительно не отказывают, когда он предлагает выпить. Не отказывают из-за этикета и уважения. Я же не собирался терпеть всего этого.

Из приветливого рубахи-парня он вдруг превращается в разъяренного мафиози. В его глазах больше нет наигранного добродушия; только ярость. Он бы ударил меня, прямо здесь, на этом самом месте, не раздумывая. Ему просто не пришло это в голову.

Я не могу совладать с собой. Меня также начинает переполнять ярость. И я больше не могу этого скрывать. Будь, что будет! Мне плевать!

–Привет, парни!

Около нас стоит Сергей – его, как и меня, тоже знают многие. Почему то из одежды на нем только шорты и тапки. В руках у него кажется футболка, но не разобрать. У него отличная фигура, и многие сразу обращают на него свое вни-

мание.

–Опять заламываешь руки, Олежек?

Сергей улыбается. Он всегда улыбается.

Он улыбается мне, и я понимаю, что моя чаша злости переполнилась, и все лишнее должно были вылиться на Олега, но когда я смотрю на Сергея, злость утекает вовнутрь меня, она растворяется во мне. То же самое происходит и с Олегом. Мы оба приходим в себя, в свое нормальное состояние сознания (насколько оно может быть нормальным).

–Хотел сделать массаж, – отвечает Олег Сергею. – Ты ведь знаешь, о чем я?.

И в следующий момент он подмигивает ему.

–Ладно, парни, веселитесь! – Олег хоть и в расстроенных чувствах, но отходит от нас, и пропадает из поля зрения.

–Какого черта? – взрываюсь я на Сергея. – Ты путался с ним?

–Почему бы и нет? – отвечает он мне. – Давай отойдем отсюда.

Мы идем в сторону служебного хода.

–Почему ты голый? – спрашиваю я него.

–А в чем дело? Тебе не нравится мое тело? Посмотри на эту бицуху! А на сиськи! Я полтора года убил, чтобы заполучить себе все это!

–Ты теперь везде так ходишь?

–Расслабься, братиш! Сегодня я go-go!

Он двигается, как чертов twerk boy, – руки вверх и в сто-

роны, таз вперед-назад.

На самом деле мы с ним однокурсники. Только учимся на разных факультетах. По идее, Серега в будущем должен был стать журналистом. А не танцором go-go, или еще кем-то вроде этого.

– Не смотри на меня так! – говорит он мне. – Я просто забавляюсь!

Я знаю, что лучше поддержать человека в чем-то, нежели осуждать его. Сергей мне не родня, и через несколько лет мы окончательно утратим с ним всякую связь. Поэтому лучше получать удовольствие от общения, чем заниматься поучениями.

– Все супер! – Я хлопаю его по плечу. – Иди и танцуй в лучах софита, если тебе это так надо!

– Согласись, меня хочется полапать! – Ему плевать на мое мнение. – Ты только что потрогал меня, сам того не осознавая!

Я обреченно вздыхаю.

– И давно ты этим занимаешься?

– Чем? Танцами перед публикой?

– Да. Если эти дерганья вообще можно назвать танцами.

– На прошлой неделе я наткнулся на группу в соц сетях, и мне показалось это интересным. Я стал интересоваться, что да как. Потом попробовал разок, и мне понравилось. На самом деле, это отличный драйв, братиш! У меня был жесткий стояк, когда я первый раз это проделал!

Разговоры между парнями об эрекции и сексе – это обычное дело. Раньше они волновали меня на много больше, чем сейчас. Я получал от них удовольствие, возбуждался, и это был верный путь к джунглям, туда, где я мог спрятаться от всего, что волновало меня. Теперь же подобные диалоги в меньшей степени вызывают у меня смущение, в большей – весьма странные чувства (я словно не принадлежу самому себе; мне хочется вырваться из самого себя и убежать подальше; оставить свое тело, и скрыться от собеседника).

Мое общение с Серегой всегда складывалось в непринужденной форме. Мы могли говорить, о чем угодно. Его нестандартность привлекала, и это тяжело было отрицать. Но любой моралист сбежал бы от него уже после первой минуты разговора.

Я решаю слегка пошутить над ним и говорю:

–Рад, что ты всегда пробуешь новые вещи для себя!

Он оценивает мою реплику по достоинству и отвечает:

–Конечно! Более того, я и тебе советую найти для себя какое-то занятие, от которого можно было бы получить мимолетное удовольствие, а потом просто забросить все это!

Он выкинул воображаемый моток мусора куда-то мне за спину.

–Проводя свое время с отморозками, ты тоже получаешь мимолетное удовольствие?

Я имею в виду Олега, и он это понимает. Но уводит меня совсем в другую сторону, говоря:

–Да, мне всегда очень интересно с тобой!

Он улыбается почти в тридцать два зуба от того, как у него удачно получилось подколоть меня. Я оцениваю его юмор по достоинству, – я улыбаюсь и прячу взгляд.

–Послушай, – говорит он мне, – не висну я ни с какими идиотами! Особенно с этим!..

Мы оба понимаем, о ком он говорит.

–Так что расслабься! Я просто умею находить с людьми общий язык!

–По ходу, вашей общей темой стал массаж!

–Ему бы этого хотелось. Но не мне...

Мы оба молчим и пристально смотрим друг на друга.

Может ли один человек восхищаться другим? Просто так, без вознаграждений. Ответ: да, может. Именно этим мы с Сергеем и занимаемся время от времени, – выказываем друг другу наше чувство восхищения. И мы предпочитаем делать это молча. Глазами.

–Справедливости ради я могу дать пару раз полапать себя, – вдруг говорит он мне.

–Это точно! Справедливость!

Некоторые журналисты, так или иначе, болеют за справедливость. Похоже, что Сергей был одним из них.

–Да, – еще более оживленно говорит он, – хорошо, что мы об этом заговорили! На следующей неделе мы снова идем ухаживать за стариками в хоспис. Присоединишься к нам?

Он имеет в виду свою волонтерскую группу, которую он

сам собрал из всех желающих в университете. Людей набралось немного. Но большинство всегда были полны альтруизмом, и это уже было что-то.

Бывало, что и я тоже не мог остаться равнодушным (к сожалению, альтруизмом я никогда не болел, и заразиться этим от кого-то мне всегда было сложно). Поэтому я даю положительный ответ:

–Конечно, братиш! Какой разговор!

–Отлично! – В эту секунду он сияет, как солнце. – Люблю тебя!

Мы обнимаемся, а он собирается уходить.

–Увидимся на учебе! – говорит он мне. – Добро?

Я утвердительно моргнул один раз, так, чтобы он это увидел: добро!

Сергей идет в сторону сцены, чтобы снова получить свою порцию адреналина.

Я же отправляюсь к бару. Очевидно, у меня только один адреналин, – спиртное.

Я беру еще пива и беседую со знакомым барменом. Мы говорим о девушках: о его невесте, которую он безумно любит, и с которой хочет детей, о моих девушках, которых у меня никогда не было, но могло бы быть, и о тех, кто решил заглянуть сегодня на огонек. Мы обсуждаем каждую женскую попку, которую еще не успели обсудить, и которую сложно пропустить мимо глаз. Я рассказываю о своей жизни; уровень лжи при этом иногда достигает недопустимый уровень.

Но это простительно, – иначе при моем рассказе можно было бы умереть от скуки. Когда он в очередной раз уходит к клиентам, чтобы принять у них заказ, я осматриваюсь по сторонам, – у меня постоянное ощущение, что на меня постоянно кто-то смотрит. И я не ошибаюсь.

По правую сторону от бара стоят двое молодых людей, в строгих, но вполне симпатичных костюмах; один из них был постарше, другой младше. Оба они пристально смотрели на меня. Я не имел ничего против, но почему-то чувствовал себя при этом как-то странно.

Я немного посмотрел на них в ответ, не желая показывать своего конфуза. Потом мне это надоело, и я стал шарить глазами по залу.

Сергея всюю зажигал на одной из ниш. Ничего особенного он не делал, но двигался красиво. На него никто не обращал внимания. Но, похоже, он не был против чувствовать себя декорацией.

А потом случилось то, от чего по всему моему телу разлилось тепло. При входе в зал появилась Дина со своим возлюбленным. И с ним был Айдын.

Я даже не знал, кого я был рад видеть больше. Поэтому решил радоваться всем троим одинаково.

Я встречаю их. Дина ведет себя не так, как обычно; точнее, не так, когда мы с ней наедине ведем наш разгульный образ жизни. Сейчас она со своим потенциальным женихом (она часто отрицает это, но я более чем уверен, – эти двое

соединят свои судьбы надолго). Она более скромная, не вопиющая; она та, кем она хочет быть – женщиной позади своего мужчины – замужняя женщина.

Кирилл не отпускает ее ни на шаг. Они держатся за руки, когда мы идем в lounge bar, он незаметно обнимает ее, когда мы приземляемся на удобные диваны (они принимают нас сегодня, как родных), он что-то шепчет ей на ухо, – и явно видно, что она не против всего этого внимания к своей персоне. Она готова утонуть с ним в их общей любвеобильной мягкотелости в любой момент и надолго.

Айдын был спокоен, как гора, встречающая Магомеда. Мы постоянно меняемся с ним взглядами; каким-то образом, мы стали понимать друг друга без слов. От этой немоты я часто получаю удовольствие какого-то духовного порядка.

Когда вдруг понимаешь, что одиночество далеко не твой удел, и что рядом есть люди, способные прочесть твой взгляд, то от этого порой вырастают крылья за спиной.

Это момент, когда мы снова вместе. Когда мы снова в некотором плане разделены по парам. Девочка со своим мальчиком. И я, в компании с... Признаться честно, я долго думал, в какую категорию лиц отнести человека, которого никак не можешь назвать своим другом (потому что между нами пропасть в понимании этого мира), или просто знакомым (он был для меня больше, чем просто знакомым, с которым я походя здороваюсь и также разговариваю на отвлеченные темы).

Атмосфера вокруг нас умножалась на счастье, и все в итоге приходило к чувству благодарности, – за минуты общения, прерываемые вздохами смеха и радости.

Потом я, конечно, оглядывался на этот отрезок континуума, в котором одна точка полыхала восторгом, а следом за ней другая падала в пучину черноты. Тогда, в те отрадные моменты невозможно было представить себе, что все вдруг оборвется, и моя жизнь уже не станет прежней. Именно поэтому, скорее всего, счастье часто видится как пролетевший мимо чужой ангел. В ответ на ожидание благословления приходит пустое письмо.

Хотя, если присмотреться внимательней, то все было вполне логично.

Я призываю свою смерть

Что это было? И откуда оно взялось? Родилось, как раковая опухоль в голове? Или проникло извне, как опытный шпион? Пожалуй, все же, первое...

Полюбоваться на эту строгую линейность теперь можно со стороны. Молодой человек не ведает, что творит. Три года назад я отказался от трезвости ума. И, пожалуй, именно в тот момент перекрылся канал, по которому проходит свободная от невротизма мысль, – сухая, понятная каждому, и не терпящая долгих измышлений мысль. С тех пор я не мог найти простое в сложном. Мой разум был опьянен болью и переживаниями. И так до самого финала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.